

Вера Чиркова

Дочь двух миров. Испытание

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Annotation

Не слишком приятно и очень грустно разом потерять все, из чего состояла твоя жизнь, и оказаться непонятно где и абсолютно без всего. Даже без одежды. Но когда на кону жизнь единственного близкого человека, однажды спасшего тебя и сделавшего для твоего счастья все, что было в его силах, – другого выхода просто нет. И было бы глупо ждать в ответ за свой поступок каких-то подарков или благ вроде необычных способностей или заплутавшей где-то необыкновенной любви. Да и не совершаются добрые дела в надежде на награду. Хотя у судьбы на этот счет особое мнение.

- [Вера Чиркова](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Глава семнадцатая](#)
 - [Глава восемнадцатая](#)
 - [Глава девятнадцатая](#)
 - [Глава двадцатая](#)
 - [Глава двадцать первая](#)
 - [Глава двадцать вторая](#)
 - [Глава двадцать третья](#)
 - [Краткий словарь используемых в книге слов из сленга геймеров](#)

Вера Чиркова

Дочь двух миров. Испытание

Глава первая

Меня забросило в лес, в этом я почти не сомневалась.

А чем еще могли быть растущие со всех сторон пышные, никем не обломанные кусты, над которыми возвышались подпирающие кронами небо деревья?

Правда, пока неясно, какой он, этот лес. Может быть, совсем небольшой, вроде парка или рощи, и если пойти через него, то скоро выйдешь к городу или деревне. Но вполне вероятно, что огромный, и выяснить это точнее у меня пока нет никакой возможности.

И я очень опасалась, что она не появится и через несколько часов или дней. Просто до сих пор не ощущала в себе никаких способностей не то чтобы следопыта, но и обычного туриста.

И даже хуже.

Желания идти куда-то через довольно густые, сумрачные заросли тоже не чувствовала. К тому же небо, видимое в просветах крон, сплошь закрыто темными, серо-фиолетовыми тучами, от которых так и веет проливным дождем.

Даже странно, во всех прочитанных мной книжках попаданцы обычно знали, чего им хочется или хотя бы куда нужно идти. Ну, на худший случай, от кого бежать.

А меня тянуло забиться в какую-нибудь норку или под елку, желательно самую развесистую и колючую, и немного поплакать от жалости к себе и от обиды на родного деда. Ну или почти родного. И на судьбу, не просто вышвырнувшую в чужой пока мир, но и отобравшую все, что я до этого дня считала своим и любила.

Первые, пока редкие капли приближающегося ливня, так и не раздумавшего осчастливить меня ради прибытия, стукнули по носу, запутались в ежике коротких волос, добрались до кожи. Я встрепенулась и торопливо завертела головой, в надежде отыскать хоть чуточку более надежное убежище, чем кочка, на которой так и сидела с того эпохального момента, когда вывалилась на нее практически из небытия.

С той стороны, откуда летели капли, тревожно зашелестело листвою невидимое, но явно немаленькое дерево. Пересиливая непонятную робость и слабость, я поднялась с травы и побрела туда, продираясь сквозь кусты и осторожно огибая подозрительные кучи мусора. С детства помню, чьими жилищами они могут оказаться, поэтому, заметив сухую ветвь, подобрала

ее и, пока добиралась до цели, отломала тонкий конец и мелкие веточки, получив неказистую, зато весьма увесистую дубинку.

Вблизи дерево моих надежд не обмануло, превратившись в гигантского раскидистого ветерана с неохватным стволом и роскошной, закрывающей небо, синеватой кроной. Спеша до дождя притулиться где-нибудь поудобнее, я рванула к нему и вскоре наткнулась на просторное углубление между двумя мощными корнями толщиной с хорошее бревно, углом расходящимися в разные стороны. Между ними лежал стожок высохшей листвы, и мне хотелось верить, что ее нанесло ветром. Но даже если это не так, уступать кому-то свою находку я не собиралась. Разворошила листья, устроила гнездо и влезла в него, укладываясь так, чтобы можно было в любой момент вскочить и дать отпор. Ну или сбежать, судя по обстоятельствам.

Дождь понемногу усиливался, дерево шелестело все сильнее, однако в моем закутке было сухо и довольно тепло, и я начала успокаиваться.

Думать о том, как здесь выжить, я пока не хотела, да и никогда не любила строить пустые, совершенно утопические прожекты, как Наташка, одна из моих бывших сотрудниц.

– Вот представьте, иду на работу, и меня вдруг сбивает роскошная машина. А там олигарх, – говорила она, мечтательно закатывая обведенные густо-синим карандашом глазки. – Он, конечно, бросается ко мне, берет на руки, сажает в салон...

– Вывозит за город и выкидывает в мусорную яму, – меланхолично заканчивала Ольга, наш кассир. – Да еще дает бульдозеристу пару сотен на пиво, чтоб прикопал понадежнее. «Олигархи» и «добрые самаритяне» – антонимы.

Тогда я смеялась над возмущенным Наташкиным пыхтением и никогда бы не призналась, что и сама иногда придумываю романтические истории. Только меня никогда не интересовали богатенькие бизнесмены, насмотрелась на них вблизи за время работы в магазине. Они никого не видят, кроме себя, а судя по разговорам, всех незнакомых людей оценивают прежде всего по одежде. Брендская или нет.

А в моих историях все было проще. Мне внезапно дарил щенка или котенка скромный, тихий парень вроде соседского Тимки, вечно копающегося в каких-то моторах и в упор не замечающего никаких девушек. «Возьми, Варя, – говорил он, – у тебя ему будет хорошо. А гулять с ним будем по очереди... или вместе, если захочешь».

Я тоненько всхлипнула от жалости к себе. Те мечты и тот мир остались в прошлом, и знакомство с тихим любителем собак и прогулок

мне больше не светит. Теперь меня ждет совершенно незнакомая жизнь, и только от меня зависит, удастся ли с ней сродниться. А еще от того, как выполню задание Беса, который, как выяснилось, давно изобрел многоступенчатый план по возвращению сюда, но меня посвятил в него лишь пару недель назад.

Тот день мне помнился так ясно, словно все произошло вчера. Был понедельник, законный выходной, и я собиралась выспаться всласть, потом сбегать в супермаркет и наготовить еды на два-три дня. Еще убрать и постирать... точно зная, что к вечеру захочу только одного. Устроиться на диване с любимыми пирожными и хорошей книжкой.

Однако все пошло не так. В восемь утра позвонил дед, но, схватив мобильник, я услышала не его насмешливый бас, а звонкий, холодно-официальный женский голос:

– Варвара Синцова? Это из «скорой помощи». Ваш дед, Бессонов Сергей Петрович, сегодня ночью перенес инфаркт, и ему требуется уход. Вы приедете сами или будете нанимать сиделку?

– Сама, – еще мало что соображая со сна, буркнула в ответ.

Несколько секунд, просыпаясь окончательно, слушала гудки, потом резво подскочила и помчалась собираться. Дед у меня – единственный родной человек на всем белом свете, и когда речь идет о его здоровье, отступают все остальные заботы.

Неподалеку кто-то возмущенно фыркнул, вырывая из полудремы и воспоминаний, и я резко приподнялась, оглядывая мокрые кусты. Близко к дубу они не подступали, видимо, мешала тень, зато здесь рос пышный мох и какие-то совершенно не опознаваемые грибы с кудрявыми сиреневыми шляпками. И среди этих диковинных грибов стояло на двух ногах еще более невероятное существо. Ростом с большую, почти как горилла, обезьяну и такое же лохматое, только изумрудно-зеленое. Даже не заросшие шерстью клочки кожи вокруг глаз и на носу отливали оливковой зеленью.

– У-у! – жалобно простонало оно и сделало пару шагов к моему гнезду.

Рыкнув в ответ так грозно, словно была уссурийским тигром, я перехватила палку поудобнее и грозно помахала ею над головой, давая понять, что без боя не сдамся.

И свое убежище тоже никому не уступлю.

Зеленое существо понуро опустило плечи и побрело куда-то в дождь, а я вернулась на пригретое местечко и огорченно вздохнула. Незвестного

зверя почему-то было жаль, но и себя не меньше. А еще очень хотелось есть. Однако мне и под расстрелом не пришло бы в голову пробовать незнакомые грибы. Дед запретил даже прикасаться к местным растениям, пока не найду людей или не проявятся хоть какие-то способности.

Хотя с того фатального дня я верю ему вовсе не так уж безоговорочно, как прежде.

Снова вспомнилось, как почти бегом добиралась от станции до деревушки, как отпирала калитку и торопливо поднималась по ступеням знакомого крыльца. А распахнув дверь, сразу обнаружила деда, спокойно загружавшего в духовку противень с какими-то пирогами.

– Ты зачем встал? – рассердилась я тогда.

– Пока и не ложился, – хитро ухмыльнулся он. – Умывайся и садись к столу, мне нужно открыть тебе одну важную тайну.

В тот момент я больше всего была рада, что он не валяется в подушках бледный и жалкий, а бодро топает по комнате, ставя чайник и подавая на стол посуду.

Но уже через полчаса, выпив чашку кофе и выслушав совершенно невозможную, на мой взгляд, ересь, сообразила, что врач «скорой» была права. Оставлять деда без присмотра никак нельзя, но сначала нужно хотя бы попытаться достучаться до его разума.

– Бес, ты все-таки серьезно болен, – констатировала я, расстроено рассматривая загорелое, почти не морщинистое лицо. – И даже не спорь. Давай вызовем хорошего врача?

– Не притворяйся дурочкой, – беззлобно фыркнул он в ответ, доставая из доисторического холодильника пластиковую бутылку из-под колы.

Судя по цвету – с молоком. Следом появились завернутый в бумажные полотенца и втиснутый в полиэтиленовый пакет домашний каравай и литровая банка свежего меда.

– Вернись к столу и выслушай меня внимательно, – нарезая еще теплый хлеб, велел Бес, и я, строптиво поджав губы, села на свое место.

– Я все уже слышала. И могу сказать только одно: у тебя что-то с головой. Не нужно целыми днями сидеть за компом и читать всякую фэнтэзятину. Особенно про попаданцев.

– Ну не любовные же романчики мне читать, – подколот он, разливая молоко в большие чашки. – Да и не глотаю я столько книг, как ты. И вообще, разговор сейчас не об этом.

– А про *то* ты мне почти целый час мозги морочишь, и с меня хватит, – сердито стукнула я кулаком по столу и попыталась встать, но ноги почему-то отказали. – Бес! Сейчас же прекрати тренировать на мне свой

гипноз!

– Я не имею никакого отношения к гипнотизерам и не верю их трюкам, – щедро поливая ломоть хлеба медом, бесстрастно сообщил дед и, положив его на блюдце, подвинул мне: – Ешь. Я пока повторю основное, потом можешь задавать вопросы. Времени хватает.

– Я сама теперь могу повторить тебе твое основное, – передразнила я. – Проверяй! Мы с тобой якобы из другого мира, почти двадцать два года жили себе тут спокойно, а сейчас почему-то должны вернуться. А теперь мои вопросы, отвечай! Зачем мы сбежали из того мира, если там было так хорошо? А если попали сюда случайно, то почему не вернулись сразу же? Ну и последнее. С какой... дури мы вдруг ринемся туда, если нам и тут неплохо живется?

– Там ты попала под лавину. Меня утатило в пропасть, когда вытаскивал тебя, пришлось из последних сил открывать портал, но от испуга перестарался и попал сюда. А вернуться сразу не смог, потратил все силы, даже сознание потерял. Нас нашли в поле. Мокрых, грязных, без одежды. Языка я тогда не знал и потому молчал, притворился идиотом. Думал, восстановлю силу и вернусь, но обнаружил, что этот мир нищ на магию. Пока отлежался в больнице, потом в дурдоме, пока доказал, что не псих, и получил хоть какие-то документы, тебя успели сдать в приют. Пришлось воровать и скрываться. Здесь одиноким мужикам со справкой вместо паспорта даже в то время детей не давали.

– Дед, я столько книг про попаданцев прочла, и меня всегда волновал один вопрос... – подозрительно уставилась я на мужчину, которого еще вчера считала родственником, причем любимым и единственным. – Все они в конце концов оказываются принцами, демонами или избранными. Сразу доложи, ты кто, беглый король? А может даже, вожак оборотней? Или это я – принцесса фей?

– Твой сарказм неуместен, я не сумасшедший, если ты на это намекаешь. И не король и не демон. Обычный маг, там таких много. А ты – дочь крестьян, сель краем задел усадьбу твоих родителей.

– А ты говорил... – мгновенно задохнулась я обидой, сразу вспомнив прежнюю версию Беса.

Будто он мой родной дед и нашел меня в детдоме, когда родители пропали без вести.

– А что еще я мог сказать? Документов нет, пенсии за потерю кормильцев – тоже. Ты подрастешь и начнешь считать себя брошенным в роддоме отказником, – мрачно буркнул дед.

– Значит, они все же погибли. – В моей душе синим пламенем сгорала

слабая надежда когда-нибудь встретиться с мамой.

– С чего ты взяла? – изумленно вытаращил он по-молодому яркие зеленые глаза. – Их я нашел первыми и отбросил в сторону. А потом почувствовал в глубине еще искорку магии и прыгнул туда порталом. Ты даже не испугалась, спокойно спала, защитный амулет держал вокруг тебя надежный кокон.

– То есть... ты хочешь сказать, они... – Горло внезапно перехватило спазмом.

– Варя! – ринулся ко мне Бес, замахал руками, потом, опомнившись, схватил стакан с водой: – Пей!

– Так почему мы не пошли к ним раньше? – С каждым глотком холодной воды в меня вливалось новое подозрение. – Ради чего остались тут? Ты уже давно что-то химичишь, не зря тебя соседи Бесом зовут.

– Раньше мы никак не могли. Место силы, хоть и слабенькое, я нашел только через двенадцать лет, еще два года ушло, чтобы набрать денег и уговорить хозяина. Он никак не хотел продавать дом, это память о его родителях. Предлагал купить рядом, а мне не нужен был другой. Я и тут, почти все время сидя в подвале, еле набираю за месяц четверть резерва... Хотя это неверное слово, да и понятие ложное, но тебе оно привычнее. Так вот, когда я наконец купил дом, ты отказалась переезжать... нет, я тебя не виню, друзья, первая влюбленность – для восемнадцатилетней девушки это было очень важно.

– Мне тогда было шестнадцать, – поправила я.

– Извини, – хмуро глянул Бес, – но свидетельство о рождении я тебе купил. А на самом деле ты года на два старше. Но точную дату я не знаю... да и нет тут такой даты. И настоящего имени твоего тоже не знаю. Вокруг моего замка несколько деревушек, и знать всех младенцев просто невозможно.

– Какого еще замка? – вмиг насторожилась я. – Ты же сказал, что простой маг?

– Неужели ты меня подозреваешь во лжи? – обиделся Бес. – Когда я тебе врал?

– Да как выясняется – всю жизнь.

– Это была необходимость! – вспыхнул он. – Ты же понимаешь, что меня могли упечь в дом сумасшедших, если бы я сказал тебе правду, а ты потом где-нибудь проболталась? Я не за себя беспокоился, той толики магии, которую всегда держу про запас, мне хватит, чтобы выбраться из любой переделки. Зато тебя могли за это время отправить в приют, а это страшное место... Я специально изучал. Редко где детей не бьют открыто,

но издеваются везде. И сами работники, и старшие воспитанники... лучше тебе не знать. Потому я тебя даже на час бы туда не отдал.

– Извини... – Я и сама осознавала справедливость его слов, но никак не могла разобраться в куче свалившейся на меня информации, перевернувшей все мои представления о себе и мире, разрушившей в пыль все мечты и планы.

– Понимаю, – буркнул он. – И поверь, заранее готовился к этому, как к выступлению с трибуны. Вопросы записал, доказательства припас... Кстати, свое жилье замком зову всего лишь потому, что не знаю другого подходящего слова. На самом деле это просто дом за высокой стеной. И она не меня защищает от людей, а слишком любознательных подростков от несчастных случаев.

– Бес... – легко сдаваться мне вовсе не хотелось, – а фамилия, имя?

– Меня зовут Бестенс. Вернее, это одно из трех имен. Вот и придумал фамилию Бессонов. И имя взял какое попроще. Так и живу уже двадцать два года Сергеем Петровичем.

– Так сколько тогда мне?

– Здесь – двадцать два с половиной, может, двадцать три. А у нас годы чуть длиннее, и дни тоже. Но по моим подсчетам ты уже переступила третье совершеннолетие, оно наступает в двадцать лет, поэтому имеешь право сама решать, вернешься домой или останешься здесь. Но сначала выслушай подробности.

– Прежде всего ответь... если я решу остаться, ты все равно уйдешь?

– Нет... не уйду. Не смогу. Энергии не хватит открыть проход.

– А со мной, значит, тебе хватило бы?

– Я и не собирался идти с тобой, – помрачнел он. – Вернее, не сразу. Ты вполтину легче меня, и силы понадобятся вдвое меньше. Я точно рассчитал – отправить тебя мне как раз хватит запасов.

– Дед! – мгновенно вспыхнуло во мне возмущение. – И как ты себе это представляешь? Выхожу это я в твоем мире и сразу смогу разговаривать, всех понимать и все мне будут жутко рады? Я все-таки книжки про попаданцев читаю, и этот момент меня всегда смешил.

– Разговаривать ты сможешь и понимать тоже, – невесело ухмыльнулся Бес, переходя на язык сказочной страны, придуманной им для меня еще в детстве.

Когда мы с ним весело переговаривались на этом мягком языке, прохожие недоуменно оглядывались, а некоторые даже подходили и интересовались, откуда мы приехали. Ни один из европейских языков не звучит так певуче и одновременно звонко, а на каких-нибудь забытых

цивилизацией островитян мы ничем не походили.

– Так, значит... – начала я понимать, чем занималась всю жизнь, – сказки про страну синих дубов и розовых облаков – вовсе не небылицы?

– Я же маг, а не менестрель, чтобы придумать столько связанных логикой подробностей, – снова хмуро хмыкнул Бес. – Рассказывал чистую правду. И про магов, и про селян, и про заповедные леса, и про разных разумных существ.

– Ну и как мне искать среди этих леших, русалок и селян своих родителей? И с чего они вдруг поверят, будто я и есть их погибшая дочка?

– Там все знают, что ты не погибла, – терпеливо сказал дед, впрочем, он всегда умел все разъяснять очень доходчиво. – Межмировой перенос – вовсе не то же самое, что обычный портал. Он переносит лишь человека, практически разбирая на молекулы. А все остальное остается на месте. Я же тебе говорил. Маги обязательно должны были нас искать. И как только они нашли мою одежду и амулеты, то сразу поняли, что произошло.

– То есть, – медленно пробормотала, представляя эту картинку, – я появлюсь там еще и в чем мать родила? И меня не примут за сумасшедшую или какую-нибудь шальную русалку? И не погонят из деревни метлами? Или, еще хуже, могут принять за жрицу любви?

– Я об этом думал, – виновато глянул Бес, – и нашел выход. Только не начинай сразу кричать... сначала выслушай спокойно.

Кричать мне тогда не хотелось, абсолютно. Было огромное желание вскочить и сбежать, и не в свою квартиру, там он меня найдет, сам ее покупал. Нет, куда подальше, за океан, в Австралию, на дикие острова, потому что в глубине души я уже знала, что соглашусь на любую придуманную им авантюру. Ведь сообщением о родителях он попал мне прямо в сердце. О том, что они живы и не бросили меня, не уехали за деньгами в Америку или за открытиями в Тибет. А просто потеряли маленькую дочку в стихийном бедствии и надеются когда-нибудь встретить.

Я слушала и возмущалась, спорила и стучала по столу кружкой, но в конце концов все равно согласилась. Хотя сыграл свою роль вовсе не довод, который дед считал главным.

– Ты пойми, у многих жителей нашего мира есть способность управлять магией, у кого-то крохотная, у кого-то вообще незаметная. Примерно как у землян – умение петь. Но повезет только тем, чьи слух и связки не изуродует детская ангина или хроническая простуда, а остальные потеряют эту способность в раннем детстве или при взрослении. Так же и магическая одаренность. Малыш еще в утробе матери чего-то недополучил

или испугался, как говорят здесь – испытал стресс, и сам наложил на себя защиту, которая закрыла к нему доступ магии. Поэтому прана, это самое подходящее местное слово, не поступала в организм, обтекая его стороной. Вот и не сформировались каналы, не вызрело неосознанное умение собирать энергию с каждым вздохом, как кислород. А при межмировом переносе все эти изъяны и уродства организма исправляются, тело собирается самым оптимальным вариантом. Можно сказать, идеальным, потеряв все болезни, раны и недостатки. И это не подарок, а необходимость, иначе практически невозможно выжить в чужом мире, где даже воздух и сила тяжести другие, не говоря про сотни прочих опасных различий.

– Следовательно, здесь ты стал сильнее? – уловила я из этих объяснений самое важное, что хотела знать наверняка.

– Да. Потому и уверен в успехе, – твердо кивнул он. – И кроме того, сто раз все просчитал и даже сделал несколько экспериментов. Тебе ничего не грозит, я бы никогда не решился открыть портал, если бы оставался хоть малейший шанс потерять единственного родного человечка. Но говорю сейчас не про себя. Ты теперь тоже маг, и я, как умел, все эти годы поддерживал в тебе эту способность. Да и сама, когда успокоишься, можешь припомнить, как везло тебе, если случайно падала, и как быстро исчезали все твои царапины. Уж извини, но я старался развивать в тебе защиту и целительство, на остальное не хватало энергии. А после переноса ты будешь уметь намного больше, только не рискуй, подожди день-два в укромном местечке, пока организм стабилизируется.

«Так вот почему меня так упорно манили разные елки и темные уголки!» – дошло вдруг до моего сознания, замороженного последними суматошными днями в родном, как я ошибочно думала, мире. Это дед постарался вбить мне в голову главные, по его мнению, правила. «И правильно, наверное, делал», – огорченно вздохнула я, словно наяву увидав его осунувшееся, обросшее седой щетиной лицо.

Поэтому главный довод, окончательно склонивший меня к этой аванюре, даже вспоминать не нужно, он и так все время рвет душу.

– Дед... – робко спросила я на следующее утро, – а может... все-таки останемся?

В тот момент мы вместе с ним спускались в подвал, где он оборудовал мастерскую и лабораторию в одном флаконе.

Причем современную и стерильную, ничем не похожую на остальной дом. Это там, наверху, стояли старинные шкафы и диваны, лежали на полу привезенные из города потертые ковры и висели на окнах выцветшие

занавеси. А здесь были собраны какие-то приборчики и колбочки, блестели никелем инструменты и крохотные весы. Бес осторожно приторговывал собственноручно сваренными зельями, и они были в десятки раз эффективнее разрекламированных пилюль.

– Как хочешь, – сказал он внешне спокойно, но спина сразу как-то сгорбилась, руки бессильно обвисли, и мне вдруг стало понятно, как сильно он постарел за последнее время, хотя и старается держаться.

– А сколько тебе было там... когда мы попали сюда?

– Шестьдесят, – нехотя признался он и тише буркнул: – Но в нашем мире это считается молодостью. Мы живем в несколько раз дольше... магия, натуральные продукты, никаких заразных болезней.

– Но у тебя же и здесь есть магия! – Мне никак не удавалось понять, в чем проблема. Ведь он может сварить себе омолаживающее зелье, варит же богатым дамочкам и разным неизвестным личностям.

– Есть. Но очень мало. Все, что могу, вкладываю в накопители, чтобы с гарантией хватило на портал. И тратить на себя этот запас не собираюсь, – мрачно отчитался Бес.

Вот тогда я и поняла, что он и в самом деле скорее сдастся старости и болезням чужого мира, чем отнимет у меня надежду на встречу с матерью. Потому покорно, как мазохистка, и пошла в дальнюю комнатку, где мне предстояло прожить следующие две недели, обучаясь умениям, необходимым для выживания на далекой родине. И в основном ненадолго превращаться в подобие шеосса, бывшего в этом мире кем-то вроде лесничего и лешего в одном флаконе. Довольно неказистое и нелюдимое создание, зато покрыто мехом и не боится никаких хищников. И, конечно, разумное, никаким иным я никогда не согласилась бы стать даже на минуту.

Глава вторая

Глядя на растущую с рекордной скоростью густую шелковистую шерсть шоколадного цвета, покрывающую меня теперь с макушки до ногтей, я истерично хихикнула.

Все у нас получилось, хотя это была самая слабая сторона его плана. Закон междумирного переноса строг и незыблем, перейти может только разумное существо. И только в собственном теле. Даже если шагнет в портал в чужом облике, переход всегда доставит его в первоизданном виде. Но если научиться менять внешность и хотя бы немного потренироваться, чтобы тело наизусть выучило порядок действий, то, оказавшись в другом мире и получив бонус в виде усиления магических способностей, можно довольно быстро повторить этот фокус.

Нужно лишь иметь на преображение хотя бы сутки, а лучше двое, и на этот случай дед научил меня несложному заклинанию отвода глаз. И я искренне считала, что оно действует, пока мерзла на своей кочке.

А вот теперь начала сомневаться, потому что зеленый гость снова сидел неподалеку от моего гнездышка и тихонько скулил, пытаясь обратить не себя внимание.

– А ну, пошел отсюда! – рявкнула я как можно более грозно и потрясла палкой.

Но существо обиженно фыркнуло и подвинулось ближе.

Пришлось вылезать из пригретого гнездышка, брать палку поудобнее и делать вид, будто собираюсь устроить ему взбучку.

– У-у! – укоризненно гукнуло оно и протянуло мне лапы, в которых держало лопух.

Ну или какой-то другой похожий лист, не важно. Зато на нем поблескивала мокрыми боками горка крупной земляники.

Она была такой знакомой и родной, что у меня во рту мгновенно появилась голодная слюнка, и некстати припомнилось, что ела я еще в родном мире, хотя это не имеет никакого значения. В новый мир человек всегда приходит с пустым желудком.

Но даже за эту прекрасную землянику я не готова была уступать так необходимое мне сейчас гнездо. Пусть приходит попозже, дня через два. Ничего же с ним не станет за это время, раз здесь в разгаре весна?

– Положи и отходи, – приказала строго, подумала и добавила помягче: – Можешь устроиться там, куда дождь не достает.

Если это шеосс, то он меня поймет, ведь говорю я на местном языке. А если какой-то зверь, то должен думать, будто шеосс – это я, и, значит, меня надо бояться.

Он вроде бы что-то понял, но поступил по-своему. Опасливо втянув голову в плечи, сделал несколько осторожных шажков ко мне и положил лопух на мох. А потом отодвинулся и сел на корень, явно давая понять, что теперь он отсюда не уйдет, так как выкупил это право своим подношением.

Справедливо, в общем-то, рассудил, вяло восхитилась я, пытаюсь сообразить, как забрать ягоды. Идти туда с палкой не получится, одной рукой лопух мне не унести. А положить палку, утащить ягоды и попытаться вернуться за оружием – полный идиотизм. Животное вполне может за это время стать хозяином дубинки и, следовательно, положения.

Значит, нужно оставить ее в гнезде. И, забрав ягоды, отступать задом, не выпуская из виду зеленого подхалима. Ну а если что – кинуть подарок ему в морду и бежать за палкой.

Так я и поступила, только дубинку предусмотрительно переложила в другую сторону, чтобы все время быть между ней и зеленым. Но он оказался порядочным – сидел, заинтересованно наблюдая за моими маневрами, и не сделал ни единого движения к гнезду.

Добравшись до укрытия и переведя дыхание, я долго нюхала и рассматривала ягоды, пытаюсь найти хоть малейшее отклонение от самой обычной земляники и невольно вспоминая картинки «найди десять отличий». Но их не было. Ни одного.

Как такое возможно? Миры разные, деревья другие, я ни одного знакомого листика не увидела, дубы синие, грибы вычурные, мох... вот мох вроде похож на наш, хотя, насколько мне помнится по альпийской горке, он бывает разных видов.

А ягоды – просто копия, и не только вид и цвет, но и аромат. Нет, специально я не нюхала, он сам постепенно достиг моего носа, и есть захотелось просто нестерпимо. Как и пить... но это желание я старательно отгоняла. Дед обещал, что через сутки, максимум – двое, когда я надышусь местным воздухом и в организме накопится прана, то есть магия, он сам начнет сортировать растения на съедобные и ядовитые, отличать чистую воду и всякие зелья.

Хотя я уже вижу потоки чистой воды, здесь дожди не несут ни химических выбросов, ни радиоактивных микроэлементов. Но из-за настырного зверя не могу до нее добраться. А он смотрит так укоризненно, словно понимает мои подозрения и оскорблен до глубины души.

Может, и правда попробовать одну ягодку? Хоть не целую, только

кусочек откушу, ведь от него мне ничего не будет? Голод все же победил в борьбе с сомнениями, и, придиричиво выбрав ягоду, я осторожно откусила самый кончик. Пыталась долго дегустировать, прислушиваться к своим ощущениям, но он оказался таким настоящим и таким маленьким, что рука сама сунула в рот остальную ягоду. А потом еще одну и еще.

Опомнилась я в тот момент, когда в руках остался большой лист неизвестного растения, вовсе не похожего на лопух. А зеленый добродетель уже сидел рядом, по-хозяйски поглаживая меня по обросшему шерстью плечу.

– Эй ты, нахал! – возмутилась я. – А ну, пошел вон!

Но он даже ухом не повел, подхватил меня легко, как ребенка, и отсадил в сторонку. А сам повернулся спиной и принялся копать в моем гнезде. Я попыталась схватить дубинку и припугнуть захватчика, хотя уже сообразила, что глупо драться с ним всерьез. С такой силищей и ловкостью он просто раздавит меня, как букашку.

И обмерла от неожиданного жуткого открытия – мои конечности отказывались меня слушаться. Не шевелились ни руки, ни ноги, да и голова поворачивалась с трудом. И даже язык стал чужим, оставалось только сидеть и смотреть на ненавистную кучу зеленого мха, поймавшую меня проклятой земляницей как последнюю лохушку. В сердце вскипели злость и досада на собственную доверчивость, на глаза навернулись слезинки.

А ведь дед сто раз повторил одно и то же:

– Только не спеши, Варя, потерпи пару дней! Спрячься подальше, чтоб никого не встретить, и спи, все остальное потом.

Я и спряталась... в самом неудачном месте, как выяснилось.

Зеленый очень ловко отгреб листья от развилки корней, выкопал ямку и достал какой-то очень грязный предмет. Вроде горшочка или круглой шкатулки. Поддел пальцем крышечку и плюнул внутрь. Быстрой искрой блеснула зелененькая штучка, похожая на льдинку, получше рассмотреть не удалось, и крышка сразу же захлопнулась. Горшок вернулся на место, земля тоже, а следом мой враг отправил туда и листья, сложив плотной кучкой, как две капли воды похожей на ту, какой она была до моего прихода.

Впрочем, к этому моменту я уже с ужасающей ясностью понимала, что умудрилась сделать все мыслимые ошибки. И вовсе не я тут шеосс, а вот этот невозмутимый зеленый зверь.

Он знал это с самого начала и разыграл меня, как маленького ребенка, наслаждаясь неожиданным развлечением. А теперь связал непонятной силой и явно имеет на меня свои планы, помешать которым я не могу, хотя и желаю всей душой.

Закончив маскировку своего нищенского клада, шеосс как-то подозрительно оглянулся, посомневался, затем, явно приняв решение, жестом фокусника вытащил откуда-то пучок зеленых лиан и ловко обмотал меня ими.

Ну вот и стало окончательно ясно, кто я для этого монстра.

Добыча. Причем легкая, сама пришла, сама наживку взяла, еще и дров на зиму принесла. И сейчас меня или просто съедят, или засушат на черный день, а дед напрасно будет ждать в условленное время портал, который я должна была выпросить для него у совета магов. И год, и два, и три... так как знает: я о нем никогда не забуду и никогда не брошу, как он не бросил меня когда-то в пропасти, а потом в приюте.

Просто решит, что не все получилось сразу.

Слезы катились уже потоком, в горле набух комок, а в носу хлюпало, когда ловко вскарабкавшийся по стволу шеосс начал подтягивать меня к себе, как рыбу из речки.

Мимо мелькали ветви и сучки, то бедро, то плечо ощутимо задевали ствол, и я, может, порадовалась бы, что уже покрыта шерстью, но думать о такой мелочи сейчас просто не могла. Меня переполняли горькая обида и тягучий, как смола, страх, перед которым отступили остальные чувства. И все, на что я еще была способна, – это зажмурить глаза и зло шипеть сквозь зубы, в очередной раз получая тычок от синего дуба.

Шеосс наконец подтянул меня к себе, сунул под мышку, как щенка, и куда-то поволок. Всего несколько секунд, но каждая оказалась для меня пыткой. А я еще считала, что нет ничего страшнее, чем входить в портал, когда не уверен, попадешь ли туда, куда отправляешься, или непонятная система откажет как раз на тебе.

Нет, попасть в жилище шеосса, которому я так беспечно угрожала палкой, намного страшнее. И где была моя интуиция, почему я не схватила свою дубину, не раскланялась с зеленым монстром и не сбежала, как заяц от волка? Вообразила себя магинею... три ха-ха. Магии так и не увидела, а жизнь уже тью-тью. Я снова всхлипнула и еще крепче сжала веки, предпочитая не видеть, как меня начнут есть.

Но монстр меня вдруг уронил. Сердце на миг остановилось, рот открылся в безмолвном крике, и тут же от удара легонько лязгнули зубы. Хотя пол был не очень твердым и я почти не ушиблась – упорно лежала не шевелясь и не открывая глаз. И вскоре почувствовала, как лапы шеосса крутят мое тело, снимая лианы. Затем он посадил меня, прислонив к чему-то спиной, и исчез.

Несколько минут, тянувшихся бесконечно, как вечность, я терпела,

потом не выдержала и приоткрыла один глаз. Огляделась и распахнула второй. Я сидела у стенки сплетенного из ветвей шалаша, устланного сухим мхом и мелкой травкой, а шеосса нигде не было. Мелькнула мысль попытаться сбежать – и тут же растаяла. Руками я уже могла немного двигать, но ноги до сих пор оставались парализованными.

Внезапно ветви в дальнем от меня углу раздвинулись, и в щель протиснулся шеосс. В лапах он держал две деревянные посуды, больше всего похожие формой и размером на ведерки, в каких продается квашеная капуста. Одну он протянул мне, вторую примостил на крохотную кривенькую полочку.

Я демонстративно спрятала руки за спину, и близко не собираясь ничего брать у этого гада. Хватило одного раза, второй не попадусь.

– Ешь, – внезапно хрипловато буркнул он.

Его неожиданная разговорчивость меня ничуть не удивила и не обрадовала, лишь острее кольнула сердце горечь разочарования. Глупо ждать чего-то доброго от разумного существа, которое обращается с беззащитной незнакомкой как с рабом или вещью.

– Да пошел ты... – вырвалось само, ну а потом я уже добавила от души: –...со своими подачками, подлый гад! Сволочь, садист, живодер недобитый!

В сердцах я забыла, где нахожусь, и крыла его по-русски, спеша выплеснуть всю свою ненависть. Наверняка он это чувствовал, хотя и не понимал, но отвечать не собирался. Поставил посудину неподалеку от меня и сел у противоположной стенки, изредка поглядывая в мою сторону желто-зелеными глазками, в глубине которых светилось откровенное презрение.

И вот оно было самым неуместным в этом месте и этой ситуации, хотя я не сразу это заметила.

Некоторое время тишину странного жилища нарушало лишь шуршание ветвей от ветра, потом шеосс взял свою чашку и начал есть. Судя по всему, там было что-то молочное, сметана или простокваша: на морде монстра, поразительно похожей на человеческое лицо, остались белые капли. Он вытер их какой-то серой тряпкой, оставил пустую чашу и, покопавшись в подстилке, достал плоскую деревянную шкатулку.

Я настороженно следила за каждым его движением, ноги постепенно оживали, и вместе с ними возрождалась надежда на спасение. Смешно ведь не попытаться сбежать, если это единственный шанс выжить самой и спасти деда.

– Ты хотел быть шеосс, – произнося слова как-то слишком медленно,

словно с трудом, бесстрастно объявил мой враг, глянул на меня с откровенным ехидством и победно завершил: – Теперь ты шеосс!

Целую минуту, а может и две, я потрясенно таращилась на него, пытаюсь понять, что он хотел этим сказать и есть ли какое-то второе или третье значение у этих диких слов, но монстр молчал, многозначительно постукивая по шкатулке обезьяньими пальцами.

– В каком смысле? – сообразив, что реплика за мной, сухо осведомилась я.

Он снова высокомерно ухмыльнулся и с неожиданной выразительностью оглядел меня с ног до головы. Автоматически проследив за его взглядом, я обмерла, не желая верить в происходящее.

Шоколадная шерстка, которую научил меня выращивать дед, просто на глазах росла и зеленела, превращая меня в точную копию сидевшего напротив шеосса. Вот теперь значение его слов наконец дошло до меня более чем отчетливо, и новая волна отчаяния затопила душу.

Теперь бесполезно даже пытаться сбежать: вторая часть плана – достать одежду, сменить облик и попытаться добраться до любого мага – мне уже недоступна. Ни один человек не станет задаром слушать шеосса, которых тут считают духами леса, способными за ночь вырастить любое дерево. Сначала от меня потребуют оплату... а где я ее возьму?

И я снова сорвалась, глупо и некрасиво, как самая натуральная гламурная истеричка, которых давно узнаю с первого взгляда и просто на дух не выношу.

– Какой еще шеосс?! – заорала во все горло, словно монстр был глухим. – Какой, ко всем чертям, шеосс?! Я никогда не собиралась такой оставаться, мне всего-то и нужно было выжить несколько дней, пока доберусь до поселка!!!

О том, что там я намеревалась просто обокрасть селян, оставив взамен одежды сомнительную расписку на имя Бестенса, я, разумеется, смолчала, надеясь, что этот вопрос никогда не возникнет в лохматой башке шеосса.

– Тут сказано, – с откровенным превосходством заявил он и достал из шкатулки документ.

Именно документ, каллиграфически выписанный на плотной, пожелтевшей бумаге замысловатыми значками и украшенный бледно светящимися печатями.

Я схватила его в руки и принялась лихорадочно складывать в слова, знакомые с детства, местные буквы, спеша и ошибаясь на каждом слогe:

– «Каж... каждый, кто при-дет в лес на... нагой... и во... возьмет об... образ...»

– Не умеешь, – еще высокомернее констатировал шеосс и, отобрав у меня документ, начал читать медленно и с явным удовольствием: – «Каждый, кто придет в лес нагим, добровольно примет образ шеосса, найдет клад, сделает редкий дар и примет ответный дар, – навеки станет шеоссом!»

– Ко мне это не подходит! – обрадовалась я. – Я тебе никакого дара не делала! И клада не находила!

– А ягода? – снисходительно фыркнул он. – Ты думала про незнакомую мне ягоду, я ее создал и тебе подарил. Теперь буду такие сажать.

– А клад? – ехидно осведомилась я. – Клада не было!

– Ты его нашла, защиту нарушила и сверху сидела. – В голосе шеосса чувствовались раздражение... и разочарование, что ли.

– Бред! Я не клад искала, а сухие листья, чтобы сделать себе постель. И шерсть отращивала только потому, что никакой одежды у меня нет, а сидеть под дождем нагишом холодно! – протестовала я, а в душе стремительно росла безумная надежда.

Возможно, у меня есть шанс избежать вступления в клан шеоссов, раз он начал переговоры?

– Весной в лесу таких листьев не бывает, – логично заметил зеленый зверь и сухо добавил: – А эти никто не видит. Только имеющий дар. А раз у тебя есть дар – ты могла сделать платье, а не шкуру шеосса! Значит, лжешь. Ешь и ложись спать, утром пойдешь учиться сажать дубы. Это теперь твоя жизнь.

Встал и направился к той стене, откуда пришел. Я сразу же очень отчетливо представила, как годами брожу по лесу, копая ямки под саженцы, потеряв из-за проклятого монстра все, чего у меня еще нет, но могло бы быть. Родителей и родной дом, деда и того пока неизвестного, но заведомо самого замечательного парня, которого я еще не встретила.

И не могла, как я теперь понимаю. Просто дед никогда бы этого не допустил. Только перед уходом сюда я внезапно сообразила, почему, едва познакомившись со мной, парни исчезали, не оставив координат. Некоторых почти сразу разоблачал дед, угостив домашней наливочкой и разговорив, другие прокалывались сами, как только попадали в нашу квартиру, заставленную старинной мебелью и антиквариатом.

И как деду удалось уговорить Клавдию Степановну, владелицу четырехкомнатных хором в дореволюционном доме, пустить нас на квартиру, теперь тоже догадываюсь. Понимаю, и почему она потом по-настоящему уважала деда и считала меня внучкой, нянчилась и воспитывала почти двенадцать лет, пока внезапный сердечный приступ не

настиг старушку в булочной, когда при ней не оказалось приготовленных Бесом пилюль.

Все это промелькнуло в мозгу не молнией, а обжигающим откровением, заставившим меня снова взорваться ненавистью к проклятому монстру. И пусть он умеет говорить по-человечески и даже читать, на поверку это чудище хуже дикого зверя, который охотится только из-за голода.

– Я никогда не лгу! – закричала, всей душой желая убить, стереть в порошок существо, превратившее меня в шеосса ради дурацких дубов. – И никаких платьев делать не умею, иначе и близко бы сюда не попала! Это ты, гад, убийца, подлец, придумал хитрые правила и ловишь бедных людей, чтобы превращать в своих рабов! Чтоб ты сгорел, чудовище!

Ослепительная вспышка заставила меня на миг зажмуриться, но уже в следующий момент, услышав потрескивание огня и почуяв едкий дым, я распахнула глаза и потрясенно замерла, глядя на яркий факел, в который превратился шеосс. Но горел не только он, язычки пламени весело лизали своды шалаша и устилающий пол мох, дымились корявые полки и пустая чашка.

Надо бежать, пока не сгорела, мгновенно решил кто-то за меня, и, ринувшись к выходу из шалаша, я принялась яростно раздвигать упрямо не поддающиеся ветви.

– Стой! – властно рыкнул шеосс, и в то же мгновение со всех сторон брызнула вода, словно кто-то нажал рычаг, включающий фонтан.

В несколько секунд я промокла, как сунутый в ванну котенок, и сразу поняла на своей шкуре, почему они так не любят купаться. Очень противно, когда по шерсти течет холодная жидкость, которую невозможно вытереть.

Кстати, пахла она странно, как будто в воду добавили майского меда. Автоматически собрав в позеленевшую ладонь несколько капель, слизнула их, смывая с горла горьковатый запах дыма. Действительно, вкус отдает лимонадом. Я уже осознанно подставила руки под слабеющие струйки, набрала сколько смогла и выпила до последней капли.

– Пункт четвертый, – насмешливо сообщил шеосс, и его голос почему-то показался мне женским, – выпить сока синего дуба, отданного добровольно.

– Не было в том свитке четвертого пункта! – машинально возразила я, опасливо поворачивая голову.

Смотреть на обожженного монстра не хотелось категорически, к тому же в глубине души плескался жгучий стыд. Я всегда остро ненавидела

нелюдей, способных спокойно издеваться над живыми существами, а сегодня сама чуть заживо не сожгла шеосса. И не важно, что монстр поступил со мной подло, он лишь выполнял какой-то свой закон, который я умудряюсь нарушать каждые пять минут. И может, я сумею ему чем-то помочь?

Увиденное просто потрясло. Шеосс сидел на пеньке и спокойно соскребал с себя запекшиеся комки, под которыми нежно зеленела густая, чистая шерсть. И на его оливковой морде не было даже следа от пламени, жарко полыхавшего тут всего минуту назад.

Значит, огонь шеоссам не страшен? И я зря за него переживала? Он сейчас отряхнется и будет как новенький, а я нечаянно сделала еще один шаг в вечное рабство. Если только он не обманул со злости.

– Пункты с четвертого по седьмой написаны на другой стороне, – ехидно пояснил лохматый интриган.

И так уверенно он это сказал, что я вдруг очень отчетливо поняла – все бесполезно, и сопротивление, и ругань. И просить его о пощаде тоже не стоит. Им зачем-то нужны новички: может, сами размножаются плохо, а может, дубов нужно больше. Вот оно какое полезное, оказывается, это дерево: и жить на нем можно, и от дождя укроет, и от пожара защитит.

В груди все сжалось, и стало так больно и горько, что я села прямо там, где стояла, уронила голову на колени, обхватив их руками и заплакала так отчаянно, как раньше плакала лишь один раз, узнав, что бабушки Клавы больше нет. Я подвывала и всхлипывала, отчаянно жалея и себя, и деда, и незнакомую мне мать.

– Чего ты так ревешь? – буркнул шеосс совсем рядом. – Ведь получила все, чего желала!

– Дурак ты был, дураком и остался, – прорыдала я обреченно. – Тебе объясняют как человеку – не могла я этого хотеть! И правил ваших не знала! А одежды у меня нет по простой причине – я только утром пришла сюда из другого мира, а в портал вещи не проходят. И зачем мне твои клады, если мне мать искать нужно, я ее двадцать лет не видела! А потом деда сюда вытаскивать, он там быстро стареет, у нас магии нет!

– Но ты же маг?

– А ты – зеленый дурак! До дня сегодняшнего никакой магиней я не была. Магами становятся после межмирового перехода. Хотя в детстве, когда дед меня туда утащил, мне, конечно, достались способности, но без магии они не развивались. Кое-что я умела, погоду предсказать, и камни видела, но не больше, чем некоторые люди.

– Кто такой «дед»? – Шеосс уже сидел почти рядом и спрашивал с

любопытством, но я не обольщалась.

Раз монстру так нужен раб, что он готов на любые интриги, то вряд ли станет меня жалеть и уж конечно никогда не отпустит.

– Он маг из этого мира. Вытащил меня из лавины и открыл портал в другой мир. Как это случилось, не знаю, была совсем маленькой, а потом он меня нашел в приюте и украл. И все эти годы, пока искал способ вернуться, заботился и копил энергию. Но накопил мало, хватило только на меня. Теперь я должна найти мать и магов и попросить помочь ему открыть портал. А если я буду сажать твои дубы, дед там скоро умрет... а он у меня единственный родной человек.

Я отвернулась от упрямого монстра и снова заплакала, тихо и безнадежно.

Шеосс встал и принялся копать в своих потайных сундучках и схронах, открывавшихся в самых неожиданных местах: под мхом, среди ветвей и даже на куполе шалаша, в плотно прикрывающих убежище листьях.

– Идем, – объявил он, закончив свою возню. – Скоро ночь, спать будем в другом месте.

Мне было все равно, где спать, и спорить я не собиралась. Только законченные дурочки, попав в плен к могущественным существам, сопротивляются открыто. Сегодня такой идиоткой я уже была... правда, явно из-за стресса, но это плохое оправдание для разумного человека. И повторять печальный опыт больше не собираюсь, во всяком случае очень постараюсь.

– Слезай сама, – раздвинув ветви, скомандовал леший. – Ты теперь шеосс и сильнее, чем прежде.

«Благодаря твоим стараниям», – едва не съязвила я, но прикусила язык и полезла вниз, благодаря судьбу, что хотя бы гроза закончилась.

Руки и в самом деле стали крепче, или тут сила тяжести слабее, не мне судить, но спустилась легко, как будто весила втрое меньше. «Глядишь, с такими талантами вообще акробатом скоро стану, смогу в цирке подрабатывать», – ядовито ухмылялась я, топая за шеоссом, уверенно прокладываям путь через густой кустарник. Но в душе было пасмурно и тоскливо.

А монстр, едва миновав мокрые, колючие заросли, тщательно расчесавшие и промывшие мою шерсть спереди и по бокам, остановился и коротко свистнул. С минуту мы чего-то ждали, потом между деревьев замелькали тени, и на полянку выскочили странные мохнатые звери. Явно травоядные, пониже оленей, но выше коз. Чем-то похожие на яков, однако

ноги, заканчивающиеся широкими копытами, длиннее. Рогов они не имели, зато изо рта торчали внушительные бивни. «Значит, тут водятся и хищники, от которых этими бивнями удобно отбиваться», – мелькнула здравая мысль и пропала, когда одно из животных направилось напрямиком ко мне.

Уж не знаю, чего оно хотело, выяснять это на близком расстоянии я не собиралась. Белкой влетела на дерево и устроилась в удобной развилке.

– Слезай, – мгновенно раздался приказ. – Это олени. Мы на них поедem.

– У оленей не бывает клыков, – возразила я сверху. – У них ветвистые рога, и вообще они изящные.

– Это твой маг так делал перевод, – укоризненно посмотрел на меня шеосс. – Значит, другого подходящего зверя не нашел. Слезай, они добрые и бегают быстро. До темноты доедем.

Я глянула на небо и медленно полезла с дерева вниз. Солнце и в самом деле уже наполовину ушло за кроны дубов, и путешествовать по лесу ночью – наверняка не самое лучшее развлечение.

Глава третья

На клыкастых оленях шеоссы ездили без седла и поводьев, просто вцепившись покрепче в гриву да пониже опустив голову, чтобы не выбило сучком глаз.

Распластавшись на шее стремительно ринувшегося вперед животного, я жалела лишь о том, что лешие не научились выращивать себе панцирь на лбу. А еще на затылке и плечах, хотя густая шерсть очень хорошо смягчала удары ветвей, заодно причесавших и вымывших теперь мою спину. Вообще, за шерстью, оказывается, очень удобно ухаживать: погулял по кустам после дождя – и мыться не нужно. А мелкие веточки и всякие листочки-цветочки обсыплются сами, когда просохнешь.

Как выяснилось, дорогу олени знали отлично и привезли нас к небольшому домику как раз к тому моменту, когда на небе поблекли розовые, как малина, облака. На несколько секунд замерли, позволив спокойно слезть, и так же стремительно умчались в заросли.

Шеосс не оглядываясь поспешил к дому, одним прыжком заскочил внутрь и закрыл за собой дверь, а я постояла, озираясь, и потихоньку побрела следом за ним. Все правильно он соображает, больше мне отсюда идти некуда. Если с того места, куда рассчитывал забросить меня Бес, он советовал идти на юг, то теперь я и близко не могу понять, как выбираться. На этой планете больше лесов, чем морей, и я вполне могу совершить кругосветное путешествие и вернуться сюда же, так и не попав ни в один город.

– Долго ты будешь раздумывать? – ехидно спросили откуда-то сверху.

Подняв голову, я увидела распахнутое окно и глядящую на меня из него женщину.

Самую обычную, деревенскую, я таких в поселке встречала, где дед живет. В каких-то пестреных кофточках и несуразных платках, они с ранней весны копали и пололи грядки, продавали на лавочках у станции первую клубнику и молодую картошку, а по осени – груши и яблоки в ведерках разных размеров.

– А мне можно войти? – спросила я вежливо.

– Входи, – как-то странно скривилась она и захлопнула окно.

Мое «спасибо» никто уже не услышал, но ведь это и не важно? Главное, я его сказала.

В доме властвовали три сестры запустения: темнота, тишина и

сыроватая прохлада, но из-за приоткрытой двери, ведущей из сенцев в какую-то комнату, тянуло дымком и доносился тихий треск разгоравшихся дров. Подождав немного, но так и не услышав приглашения, я решительно направилась именно туда. Просто потому, что в другие двери входить не хотелось абсолютно.

Судя по первому впечатлению, это кухня. Небольшая, почти как в доме деда, только печь незнакомой конструкции. Снизу – маленький камин, в котором разгораются наломанные неровными кусками сучья, а выше – несколько глубоких ниш вроде духовок, и пара из них даже имеет дверцы.

Однако едой оттуда не пахло, да и никого, кроме меня, здесь не было. Но идти дальше не хотелось, и я скромно присела возле печи, протянула к огню руки, обросшие зеленоватой влажной шерстью.

– Тебе нужно выпить вот это и искупаться, – раздалось от двери указание, как хлыстом ударившее меня своей безапелляционностью.

И хотя девушка я вежливая, довольно покладистая и ни капли не хабалка, но вот такой командирский тон просто на дух не переношу.

– Ничего мне не нужно, – огрызнулась в ответ и показала ей зубы, как делает дедов ротвейлер. Подумала и добавила: – Согреюсь и пойду спать в кустики.

– Как тебя зовут? – Женщина вошла в кухню, поставила на стол свою кружку и корзинку, достала с полки котелок и принялась бросать в него все подряд.

Куски мяса, какие-то корни, крупу, травки, орешки. В общем, суп а-ля Гекельберри Финн.

– Варя, – нехотя буркнула я, глядя, как она вешает котелок над огнем.

Значит, ужин будет по-туристски, с дымком.

– Варья? – повторила она.

– Хоть горшком зови, только в печь не ставь, – само сорвалось с языка.

– Расскажи про деда.

– Откуда ты знаешь? – изумленно подняла я бровь и сразу сама сообразила, кто меня заложил. – А, тот зеленый изверг успел наябедничать. Ну, тогда он тебе все рассказал, мне добавить нечего.

– Почему ты такая злая? – укоризненно смотрела на меня женщина, и ее зеленые глаза казались смутно знакомыми.

– А чему мне радоваться? – с сарказмом ухмыльнулась я. – Не успела попасть в ваш мир, как вляпалась по самое не балуйся. И ведь предупреждал дед: сиди тихо в кустиках, нет, пошла к этому проклятому дубу, как поманил кто!

– Не говори так больше про дубы, они живые и могут наказать, – очень

строго прикрикнула женщина и подвинула мне кружку: – Пей и не спорь. А потом иди в подвал, дверца под лестницей. Под домом теплый родник, выкупаешься, и будем ужинать. Да не забудь, как в воду влезешь, шерсть сбросить. Рубаху и юбку я там уже положила.

Целую минуту я испытующе сверлила ее взглядом, потом понюхала кружку:

– А это пойло... пить обязательно?

– Если хочешь, чтобы шерсть слезла быстро и кожа не чесалась, – ехидно ухмыльнулась хозяйка, и я решительно опрокинула в себя какой-то настой.

Слишком хорошо помнила по дедовым опытам, как трудно избавляться от проклятого меха.

Лесенка в подвал оказалась узкой и крутой, но откуда-то снизу тянуло теплом, и мне вдруг остро захотелось поплескаться в горячей водичке. Чтобы щедро текла по плечам и спине, прогревая каждый позвонок, унося с собой и телесную усталость, и душевные обиды.

Ступеньки закончились как-то неожиданно, и передо мной открылся не погреб, а небольшая пещерка с покрытыми мхом стенами. Никаких светильников тут не было, но не было и темноты, царил такой странный, зеленоватый полумрак, какой бывает только вечером в густом лесу.

Из торчащего под потолком деревянного желобка лилась струйка теплой воды, стекала по выложенному плоскими камнями полу и терялась в дальнем углу. Я встала под нее, закрыла глаза и постаралась припомнить то ощущение освобождения от чужого образа, вызывать которое дед учил меня почти две недели. Главное тут – свято верить, что покрывавшая меня шерсть – это просто продукт магии, материализовавшаяся энергия, и ничего общего с моим телом она не имеет. Лишь служит ему как обычная шуба, которую можно сбросить в любой момент и забыть о ней до следующего случая. Хуже было другое: в этот момент нельзя отвлекаться, пытаться вносить в процесс снятия шкуры какие-нибудь коррективы или оговаривать исключения. Поэтому каждый раз после тренировок моя голова напоминала гладкостью пресловутый бильярдный шар.

Слава богу, дед знал заклятие ускоренного выращивания локонов, и вот его я учила с особой старательностью. В этом мире короткие прически носят только наемницы и девушки, наказанные за неподобающее поведение.

Теплая струйка как-то подозрительно быстро отчетливо застучала мне по темени. Неверяще схватившись за голову, я ошеломленно замерла, ощутив под ладонью гладкую кожу лысого черепа. Почему-то в этот раз

шерсть сползла с меня почти мгновенно.

Поплескавшись еще немного, я отстранилась от струи, немного подождала, пока с меня стекут капли, так как никакой тряпки, напоминающей полотенце, нигде не обнаружила, и натянула висящую на кольшке одежду. Нечто длинное и бесформенное вроде старушечьей ночной рубахи и темная юбка по щиколотку, собранная на талии под продетый в дырочки ремешок. Обуви не нашлось, но сейчас я и за эти вещи была благодарна от всего сердца. По крайней мере, не придется щеголять голым телом и воровать крестьянские обноски.

Одевшись, уже уверенно произнесла заклинание роста, одновременно представляя пышную волну ореховых, с легкой рыжиной, локонов, и со спокойной совестью полезла наверх. Ходить босиком я любила всегда, да и дед с детства никогда не заставлял обуваться, как некоторые родители моих немногочисленных подружек. Поэтому безмятежно протопала на кухню, посмотрела на хозяйку дома, раскладывающую по мискам горячую еду, и спросила напрямик:

– Ты маг?

– Да, – миролюбиво ответила она и достала из духовки свежий хлебец. Ловко разломилась и подвинула мне больший кусок: – Садись, ешь.

– А этого... монстра кормить не будешь? – поинтересовалась я, пробуя кашу.

Вроде ничего, чем-то напоминает жидкий винегрет.

– Это ты шеосса монстром зовешь? – помолчав, переспросила женщина.

– Его.

– Что плохого он тебе сделал?

– Все. Обманом в рабство взял... и не смотри так возмущенно. Вы с ним заодно, раз он привез меня к тебе.

– Варья, ты ошибаешься, – сказала она, сердито стукнув по столу ложкой, и в глазах мелькнула хорошо запомнившаяся мне зеленая искра.

Тугодумкой по жизни я никогда не была и делать смелые предположения тоже обычно не стеснялась. Как и вываливать их противникам на голову, не строя долгоиграющих планов мести. Мстительность, по-моему, вообще ущербное чувство.

– Нет. Ты ведь и есть тот шеосс, верно? Не смогла меня запугать, так начинаешь задабривать! Молчишь? Нечего сказать? Вот объясни, зачем тебе рабы, если ты и сама сильный маг? Я своими глазами видела, как слушались тебя эти вепри, которые у вас оленями зовутся!

– Давай поедим и поспим, а потом будем разговаривать? – с надеждой

смотрел мне в глаза этот зеленый оборотень в бабьем платке.

– Ты думаешь, я смогу спокойно спать, когда знаю, что ты вокруг меня сети плетешь?

– Я думаю не так. Но сегодня у меня просто сил не хватит все тебе объяснить. И мне нужно вставать на рассвете, поэтому спать ложусь с закатом. Ешь и иди наверх, там уже постелено. Я сплю внизу.

– Ну да, чтобы рабыня не сбежала, – вредничала я, доедая винегрет с мясом.

– Добрых снов, – не пожелала отвечать хозяйка, прихватила свою миску и ушла.

Хлопнула где-то неподалеку дверь, нарочито звонко лязгнул засов, и мне ничего не оставалось, кроме как выполнить приказ незнакомки.

Или все же незнакомца – кто там превалирует в сознании этого оборотня? Разберусь завтра. Сейчас от горячей еды и купания сделалось не то чтобы легче, просто тревога стала не такой острой, безвыходно горькой, как была там, у синего дуба. И потихоньку ожила надежда, которую я считала окончательно погибшей.

А вместе с ней и планы, которые Бес просто вбил в меня, как в память компа. Не такие уж простые: постепенно меняя одежду на все более качественную, стать похожей на одну из горожанок из уважаемого сословия, иначе меня просто не пустят к городскому магистру. Соваться в замки к своим братьям дед не советовал категорически, все они не любят, когда им мешают работать, и могут от раздражения лет на пять превратить в какую-нибудь бессловесную тварь в назидание остальным непрошеным гостям.

Дверей на втором этаже, который был обычной мансардой, обнаружилось три, но открылась только одна. Комнатка оказалась очень небольшой, квадратов восемь, и на них уместились лишь кровать, сундук с плоской крышкой и одноногий круглый столик, на котором стояли кувшинчик и стакан.

– Сама пей свои зелья, – презрительно буркнула я, и не думая прикасаться к кувшину, и влезла под одеяло.

Повозилась, удобнее устраиваясь на довольно мягкой, пахнущей какими-то травами постели, и с огорчением признала: если быть честной, мне в чем-то повезло. По плану деда я должна была сегодня спать под елкой, укрытая только собственной шерстью.

Наверное, потому, что, засыпая, я думала про деда, он приснился мне таким, каким был в самый последний день. Очень серьезным, собранным и решительным, но в глазах изредка застывала такая скорбь, словно он и сам

не верил в успех собственной затеи.

Проснувшись резко, почувствовав скользивший по лицу чужой взгляд, распахнула глаза и увидела сидящую на сундуке хозяйку.

– У меня дел много, – сказала она, как будто продолжая разговор, – сходи умойся и Расскажи мне все подробно. С самого начала.

– А что там рассказывать? Я вчера все объяснила. Всю жизнь жила и думала, что я Варвара Сергеевна Синцова. Родителей не помню, всегда жила с дедом. Он говорил, что они пропали... у нас такое бывает. А две недели назад вызвал меня и заявил, что мы с ним из этого мира. Он маг, а я крестьянка, и туда попали случайно. А теперь пора возвращаться, он магии, то есть праны, накопил мне на переход. А самому не хватает, и я должна найти в городке Крихет магистра и попросить помощи. Я, конечно, спорила, но дед очень упрямый. И старый – у нас люди дольше восьмидесяти не живут, и к этому возрасту уже очень слабые и больные. А ему было шестьдесят, когда мы туда попали... сейчас восемьдесят два.

Я невольно всхлипнула и тут же вытерла кулаком непрошеную слезинку.

– А тебе сколько было?

– Всего годик или два... дед тогда плохо разбирался в детях, своих ведь не было. Но ходить уже умела, а разговаривала плохо, два-три слова. В больнице, куда меня привезли, врачи считали это бессвязным детским лепетом, я ведь тогда говорила на здешнем языке.

– А сейчас говоришь довольно бойко, хотя подучиться не помешает.

– Меня дед специально учил. Придумал сказку, – горько усмехнулась я, – страну синих дубов и розовых облаков. Мы с ним как шпионы разговаривали на никому не понятном языке, и я очень гордилась этой маленькой тайной.

– Но читать не можешь, – задумчиво кивнула хозяйка.

– Могу. Только медленно. Меня дед три года учил дома, потом пришлось отдать в школу, а там два языка, русский и английский, и алфавит у них разный. А после девятого класса дед вдруг решил отправить меня в училище, мне камни всегда нравились, я их как бы чувствовала. Бес только недавно объяснил, что это у меня дар.

– Кто такой Бес?

– Так дед же. Зовут его Рэйльдс Теонс Бестенс.

– Понятно. – Женщина поднялась с сундука и направилась к двери, но на пороге оглянулась: – Я уйду по делам, а ты сиди дома. К вечеру вернусь и принесу другую одежду, в этой тебя даже полы мыть не возьмут.

– Постой, – откинув одеяло, ринулась я следом, – шеосс! Зачем мне

одежда? Ты... ты меня отпускаешь... что ли?

– Вечером поговорим, – глухо донеслось уже откуда-то издалека.

«Шустро она бегают, – мелькнула ехидная мысль и тут же сменилась не менее саркастичной: – А чего я, собственно говоря, ожидала от шеосса?» Ведь поняла уже, что у них и физические способности, и прочие возможности намного превышают человеческие. Поэтому зря она меня предупреждала насчет дома, никуда я не побегу.

И вовсе не из опасения, что меня найдут, догонят, поймают и приведут назад. Просто я даже не представляю, в какую сторону отсюда бежать. Следовательно, остается самый паршивый и тупой из всех возможных вариантов – положиться на судьбу и молча ждать ее милостей.

На душе стало тоскливо, словно погода испортилась и снова дождь зарядил, захотелось плакать, ругаться и есть. И если к первым проявлениям слабости я всегда относилась с презрением, то последнее меня воодушевило. Пора проверить, возможно, в кухне осталась какая-нибудь еда.

Вернувшись к постели за юбкой, я неожиданно наступила на что-то мягкое и испуганно глянула вниз. И на сердце вдруг стало так тепло, словно солнышко взошло. Перед кроватью стояли тапочки. Неказистые, явно самодельные и далеко не новые, но это не главное. Раз она с утра первым делом подумала обо мне и откопала где-то эту обувь, значит, верила, что у меня хватит ума никуда не бежать.

Натянув тапки, я уже спокойно спустилась вниз, прошла на кухню и обнаружила новое свидетельство заботы шеосса. На столе стояла миска с жареными или печеными грибами, и пахли они почти как наши... вернее, бывшие наши. Еще нашелся кувшинчик с каким-то компотом и свежий хлебец.

«Значит, – пришло понимание, – хозяйка встала еще раньше, чем разбудила меня, и позаботилась о еде». И за это я простила ей половину вчерашних обид. Но пока не все – ведь могла же она сразу объяснить по-человечески?

Или все-таки не могла? Смутные сомнения появились, пока я завтракала и убирала на полку остатки еды. Мне еще пообедать нужно будет, если она снова заявится после заката. А вот чем заняться до того времени, я пока думать не собиралась. Сходила в сенцы, заперла двери, обошла комнаты, которых, кроме кухни, внизу оказалось всего две. Маленькая спальня, копия той, где я спала, и вторая, побольше. В ней тоже имелась постель, но стена напротив была увешана полками и шкафчиками, а у окна стоял основательный стол с явно алхимическими

принадлежностями. Закопченный котелок над горелкой странного вида, узнаваемые весы и мерки, ступки, бутылки и пузырьки, терки и пинцеты нескольких видов.

В этой комнате я ни к чему не прикоснулась, постояла посредине, внимательно рассматривая незнакомые вещицы, потом вежливо попятилась и вышла. И засов на двери задвинула, помяная Беса добрым словом. Он мне все детство рассказывал сказки, но не так, как большинство бабушек. Дед обязательно разбирал ситуацию досконально, как хороший следователь, и так ловко задавал вопросы, что я своим умом находила ошибки главных персонажей, выносила им приговор и навсегда запоминала, почему нельзя вести себя беззаботно и самонадеянно, как Колобок, и без спросу совать нос в чужие шкафы и закутки, как несчастные жены Синей Бороды.

А я сейчас тоже в гостях, и хотя мне ничего брать не запрещали, интуиция просто вопила пожарной сиреной, что это может быть одной из проверок какого-то из пунктов, написанных на обороте листа, который шеосс так и не дал мне прочесть.

Именно поэтому я вернулась в комнату и с чистой совестью влезла под одеяло. Неизвестно, что ждет меня впереди, но во всех случаях еще немного отдохнуть после вчерашнего потрясения не помешает.

Во второй раз проснулась от духоты и, едва распахнув глаза, запаниковала. Кто-то накрыл меня с головой мохнатым одеялом, сквозь которое воздух почти не поступал. Я замахала руками, сбрасывая с лица мех, запуталась в нем, дернула сильнее и зашипела от неожиданной боли. Секунд пять приходила в себя, постепенно начиная осознавать свою ошибку, потом осторожно собрала пушистую копну и отвела в сторону.

Свежий воздух обдал вспотевшее лицо, принося облегчение и покой, и я наконец поверила в невероятную догадку. Никто меня душить не собирался, это выросли мои собственные локоны.

С невероятной, прямо-таки космической скоростью, которой и близко не наблюдалось, когда я сбрасывала шерсть в подвале Беса. Там у меня за ночь выросло всего около сантиметра, и по двору можно было ходить только в косынке или панамке. Благо забор дед поставил высокий, иначе соседи поумирали бы от любопытства.

А сейчас, откинув назад густые, полузапутанные пряди, я обнаружила, что они уже опускаются ниже лопаток. И, как назло, нигде не завалилось ни расчески, ни заколки или хотя бы резиночки. Хотя это как раз понятно: если шеосс сбрасывает вечером шерсть, то рано утром снова влезает в зеленую

шкуру, и никаких расчесок ему не нужно. Но судя по тому, как запущен дом, хозяйка чаще ночует на дубе, а не тут. А там ей шерсть сбрасывать незачем.

Некоторое время я бродила по дому, ища хоть какую веревочку, но так ничего и не нашла, только теперь обнаружив, что с тканью здесь напряженка. Не нашлось не только полотенец, салфеток и простыней, но и одежды. Занавесок не было изначально, судя по отсутствию гардин или хотя бы гвоздиков, на которые они бы вешались. В результате я оторвала полоску от собственной рубахи, и это далось очень нелегко: домотканое полотно намного прочнее родного трикотажа и тем более ситца, а ножниц и ножей тоже нигде не обнаружилось. Идею отрезать полоску ткани магией я сразу отбросила как безумную и опасную. Может, мне и удалось бы снова вызвать огонь, но вряд ли получилось бы провести им по ткани, как лазером. Скорее всего сожгла бы и единственную одежду, и дом, ведь тушить его некому.

Поневоле пришлось идти в лабораторию, брать тупой колун и, используя дедов метод, пробивать ткань, положив ее на лезвие и постукивая молоточком. На это ушла уйма времени, и не будь у меня профессиональной выдержки, бросила бы эту затею через пару минут. Но работа с камнями невольно учит терпению, настойчивости и вдумчивости. А еще аккуратности и осторожности, ведь отпиленный кусочек кристалла назад не приставишь. Поэтому в результате каторжного труда я все же получила неказистую сероватую ленту и гордо вплела в еще подростские волосы.

Потом умылась и отправилась обедать, решив, что заслужила порцию грибов. Но войдя в кухню, замерла от неожиданности. На столе стояли миска и кувшин и лежал хлебец. Несколько минут я недоверчиво рассматривала этот натюрморт, потом все же шагнула поближе и коснулась хлеба рукой. Он был еще теплый. Значит, кроме меня, тут есть еще кто-то? И этот кто-то видел, как я целый час разгуливала по дому в одной юбке? Хотя и натянула ее повыше, как платье без плеч, но здесь такое считается признаком распушенности.

Или это какая-то магия?

Хотя при чем тут «или»?

Разумеется, магия, она здесь везде, и вот это мне как раз понятно. Неясно другое – почему Бес так мало об этом рассказывал? Боялся испугать или, наоборот заманить сладкими сказками, а потом выслушивать мои упреки?

Под эти размышления я приговорила и хлеб, и творожок с медом,

оказавшийся в чашке. Встав из-за стола, убрала в сторонку грязную посуду. Поискала тряпицу, стереть нечаянно оброненные крошки и капельки меда, но не нашла. Не придумав ничего оригинальнее, смочила водой ладошку и тщательно протерла столешницу.

И озадаченно присвистнула, обнаружив четко выделяющееся на темном фоне светлое пятно. «Бедный шеосс! – невольно посочувствовала я. – Целый день ходит по лесу в зеленой шубе, сажает деревья, таскает во рту какие-то камни, а к вечеру так выматывается, что не хватает сил убрать свой дом». Хотя он тут скорее и ночует-то от случая к случаю, кое-как перебиваясь в растущих на дубах шалашах. Безо всяких удобств, без чистого белья и горячей еды. А вот теперь вернется и поймет, на каком грязном столе ему приходится обедать, когда он сюда добирается.

Ладно, делать мне все равно нечего, не оставлять же стол в таком виде. Я сходила к источнику, принесла клочок мха и кувшин воды, налила в миску и принялась драить столешницу, искренне жалея, что не удастся таким способом вымыть пол и окна.

Через полчаса дерево светилось как новенькое, а я, выплеснув в окно воду, вернулась в свою комнату. Мне хотелось проверить, не появилось ли в сундуке чего-нибудь подходящего на роль полотенца. Но там лежала лишь еще одна рубаха, и я снова пожалела бедную женщину, у которой нет не только мягкой ночнушки, но и обычных простыней, полотенец и занавесок. Хотя рубаху все же взяла, ей можно вытереться и обернуть волосы, а потом высушить.

Затем я направилась в подвал: теплый родничок меня очаровал, и сегодня хотелось поплескаться там подольше. Тем более шеосса обещала одежду – вдруг придется срочно куда-то ехать? На всякий случай лучше быть наготове.

Купалась я почти час, наслаждалась текущей по телу теплой водой и попутно изучала пещерку. Сегодня здесь почему-то стало светлее, и я заподозрила, что свет попадает из какого-то незаметного оконца на потолке, но сколько ни смотрела – ничего подобного не нашла. Зато обнаружила во мху грибы, росшие в небольших расщелинках и нишах. Они были очень похожи на те, какие я ела на завтрак, и запах тот же, значит, это шеосс специально их выращивает. Ничего не скажу, удобно. В любое время как захотел грибочков – полез в подвал и нарвал.

С неохотой выбравшись из-под необычного душа, я неторопливо оделась, замотала голову рубахой и распахнула дверцу, за которой начиналась ведущая наверх, на первый этаж, неказистая, темная, как все в доме, лесенка.

Поглядела на нее, чувствуя, как сердце обдало тревожным холодком, секунду посомневалась и снова захлопнула дверцу.

Минут десять стояла, крепко прижав ее к раме трясущимися руками, и никак не могла понять, что здесь происходит. И понемногу пыталась уговорить себя успокоиться, открыть все-таки дверь и сходить посмотреть... возможно, мне все это просто почудилось. Ну не бывает в жизни таких совпадений, а вот галлюцинации, наоборот, бывают, и очень часто. И вполне вероятно, это я надышалась в баньке грибным духом, вот и вижу не реальность, а мираж, навеянный тоской по миру, который привычно считаю родным.

Собрав всю силу воли, а заодно смелость и здравомыслие, снова открыла дверь и еще раз внимательно оглядела ступени, начиная подозревать, что где-то в своих логических рассуждениях делаю фатальную ошибку. И это все же не мираж, а нечто иное. Но пока ясно лишь одно: оно реальное, и никуда мне от этого не деться. Значит, нужно идти вперед и проверить все возникшие у меня версии, быть может, хоть одна окажется верной.

Я осторожно шагнула на первую ступеньку, выкрашенную светло-коричневой краской, знакомой до боли, до слез, постояла и шагнула выше. И еще, и еще... каждый раз ступая как по битому стеклу.

Оклеенные светлыми обоями под плитку сенцы, деревянная вешалка в углу и старое зеркало в простенке, кованая полка-скамья для обуви... все точно такое, как в доме Беса.

И видеть это нестерпимо горько и обидно, так как домом деда это помещение все-таки не являлось.

Не висела на вешалке его ветровка, не стояли на полочке повседневные галоши и резиновые сапоги. И большого яркого календаря на стене тоже не было, как и множества других, не менее знакомых вещей, неизменно стоявших и висевших на своих местах. Бес обожал порядок и никогда не разбрасывал вещи где попало.

Только поэтому, немного придя в себя, я не ринулась к окну смотреть, что за ним, соседский дом или лес синих дубов, а медленно прошла на кухню, гадая, изменилась она или нет. И снова замерла на пороге, изучая новый интерьер и находя очередные несовпадения.

И с кухней в доме деда, и с прежней непритязательной обстановкой шеосса. Или нужно говорить – шеоссы?

Мимолетная мысль мелькнула и пропала, пока я изучала кухню и радовалась. Первым делом заметила скатерть в синюю клетку и точно такие же занавесочки на окне. Я сама привезла их Бесу, выслушав строгий

наказ не покупать ничего цветастенького, лаптастенького и красно-оранжевого. И теперь они висели тут, наполняя мое сердце печальным теплом и тоской.

Я уже здесь, хотя ничуть к этому не стремилась, а до того момента, как увидит родину дед, еще очень далеко. Даже по его прикидкам, в которые вовсе не входило мое проживание в этом доме.

После занавесок я заметила сразу несколько вещей: появившуюся на стенах покрытую светлым лаком вагонку, отсутствие холодильника, газплиты и люстры. А еще изменивший форму стол, стулья, появившиеся вместо чурбаков и грубой скамьи, и шкафчик над кухонным столиком вместо прежних темных полок. Еще посуду и большой чайник, украшавшие середину стола, и полотенчико рядом с раковиной, заставившей меня озадаченно призадуматься.

Если холодильник тут некуда включать, как и плиту, то зачем было делать раковину без водопровода? Я немедленно крутнула кран и потрясенно охнула, когда из него потекла струйка воды. Теплой, как в подвальном источнике, сообразила я и успокоилась. Раз неведомая сила, каким-то образом просмотревшая мои воспоминания и изменившая обстановку, понимает в водопроводах и сантехнике больше меня, то не стоит об этом беспокоиться.

Важнее другое: раз она решила изменить прихожую и кухню, то наверняка не оставила в прежнем виде мою комнату. Ведь я намного сильнее сожалела о своих вещах, чем о занавесках и чайнике.

Наверх я бежала бегом, но все же заметила и аккуратно выкрашенные ступеньки, и резные столбики перил, и изменившийся коридорчик второго этажа, куда теперь падали из оконца лучи медленно ползущего на покой солнца. А распахнув знакомую дверь, едва не задохнулась от счастья – вот тут все было как дома. И кровать, и постельное белье, и даже зеркало над тумбочкой, где я хранила разные мелочи.

Правда, здесь их оказалось в разы меньше, чем там, но расческа нашлась, и пачка длинных шпилек – тоже. Хотя я никогда не имела такой косы, как сейчас, и шпильки держала только на всякий случай, но именно про них и вспоминала, проснувшись перед обедом. «И про привычную одежду», – сообразила внезапно и ринулась к шифоньеру, который там, на Земле, был почти ровесником деду.

Я едва не плакала от счастья, когда, распахнув дверцу, обнаружила висевшие на вешалках вещи и аккуратно сложенные стопочками белье. Самое простое и практичное, в селе другое не нужно, но сейчас оно было для меня в сотни раз ценнее кружевных вещичек из дорогих бутиков.

– Большущее спасибо тебе, выручил! Никогда не забуду, – на все лады благодарила я неизвестного благодетеля, поспешно, как на пожар, сбрасывая местную дерюгу и натягивая привычную одежду.

Сильнее всего в тот момент меня беспокоило, как бы внезапно свалившееся на мою голову богатство не пропало так же резко, как и появилось. И только натянув любимый сарафан, вдруг очень четко поняла, что зря волнуюсь. Это ведь не настоящие вещи моего мира, а каким-то образом созданные ими копии. Причем, как выяснилось, с учетом местной моды, иначе чем объяснить, что сарафан, прежде бывший мне по колено, теперь доставал до щиколоток, а широкие лямки полностью закрывали плечи? Да и декольте тоже загадочным образом уменьшилось. Но, несмотря на изменение фасона, сарафан все равно несравнимо удобнее уродливой рубахи и домотканой юбки.

Некоторое время я перебирала висевшие в шкафу вещи, радуясь каждой, как найденному кладу, и постепенно понимая, что теперь у меня осталась только одна преграда на пути к незнакомому городку Крихету. Шеосс, которому ничего не стоит меня поймать. И именно поэтому я не буду даже пытаться сбежать, точно зная: зыбкое пока доверие могущественного существа утратить очень просто, а вот вернуть будет в сотни раз сложнее. Не похожа моя хозяйка на наивного северного юношу.

Остаток дня я провела, придирчиво отбирая и складывая в найденный на шкафу старый чемоданчик необходимые в дороге вещи и репетируя речь, которую собиралась сказать шеоссу.

А заодно пыталась остановить рост косы, спускавшейся уже ниже талии.

Глава четвертая

Она появилась, когда под окружающими дом деревьями уже лег вечерний сумрак, и не на олене, а в узкой коляске, в которую был запряжен самый настоящий лось. И была одета в серую рубаху и холщовую юбку, копию той, что выдала мне.

– Варья! – крикнула, не слезая с повозки. – У тебя все готово? Пора ехать.

В этот момент я стояла у окна и с тревогой посматривала в ту сторону, откуда мы вчера прибыли. Когда мои восторги по поводу обретения одежды и найденного в шкафу полотенца поутихли, наступила пора сомнений. Теперь я уже не считала, что зеленой хозяйке этого дома понравятся произошедшие с ним метаморфозы.

Даже больше – к вечеру я была уверена, что они ее обозлят. Ведь жила она тут до сих пор спокойно и не страдала от отсутствия простыней и шторок, а теперь забот прибавится, стирать, сушить...

И поэтому, так и не сказав ей ни слова, накинула плащ, в который превратилась ветровка, покорно взяла свой чемодан и поплелась на улицу. Но, шагая по лестнице и бросая прощальный взгляд на прихожую, вдруг поняла, насколько это неправильно – устроить в чужом доме свои порядки и сбежать потихоньку, воровски, как нашкодившая малолетка.

– Шеосса, – объявила ей прямо с порога, – ты меня извини, я не собиралась портить твой дом. Вернее, хотела, чтобы он был более удобным, чистым – таким, к какому я привыкла... но не думала, что он услышит и переменится.

– Можешь звать меня Шейна, – помолчав, устало буркнула хозяйка и слезла с повозки.

Забрала у меня чемодан, засунула в мешок и завязала узелком. А потом дунула на него, и он стал размером со спичечный коробок, только веревочка длинная болталась.

– Надень на шею и не снимай, пока не понадобится, – приказала так же хмуро, а едва я исполнила это распоряжение, указала на тележку: – Залезай.

И снова я молча полезла, куда сказали, хотя и сильно сомневалась, что мы уместимся вдвоем на одноместном сиденье.

– Ладно, посмотрю, – искоса глянув мне в лицо, совсем мрачно проворчала Шейна и побрела в дом.

– Надеюсь, тебе все понравится, – успела я прикусить язык, едва не ответив шуткой вроде: «Не переживай, за погляд денег не беру».

Пока ее не было, я любовалась сиреневым закатным небом, клубничными облаками и полной грудью дышала свежим воздухом, в котором витали абсолютно незнакомые ароматы. О своей провинности не думала, незачем портить настроение себе самой, когда и без того есть кому его испортить.

Шеосса появилась на крыльце в своем коронном зеленом виде, небрежно хлопнула дверью и направилась к тележке. Но подошла не ко мне, а к лосю и в два счета сняла с него ярмо. И не успело счастливое животное скрыться в кустах, как она сунула в ярмо собственную шею и рванула с места с такой скоростью, что меня впечатало в спинку сиденья.

Мне вмиг захотелось сделать сразу несколько вещей: завизжать, спрыгнуть и рывкнуть на монстра так, как я иногда рывкала на обнаглевших весельчаков, заходивших в наш магазинчик не за покупками, а ради развлечения. Встречаются такие особи, которые способны целыми днями бродить из магазина в магазин, почти ничего не покупая, зато профессионально тролля продавцов и кассиров идиотскими вопросами.

Но, разумеется, ничего такого я не сделала. Просто не успела, разглядев несущиеся на меня кусты. Мгновенно пригнулась, прячась за передком коляски, и шлепнулась на пол, костеря сумасшедшего монстра и искренне жалея, что у его повозки нет впереди защитного стекла, как у мотоцикла. А еще лучше – как у машины, хоть самой маленькой, чтобы не пришлось всю дорогу сидеть на полу, прикрывая голову от нещадно хлеставших ветвей. Видела я такие где-то в инете.

Словно в ответ на мои мечты, боковые и передние стенки повозки начали быстро расти, загибаясь внутрь, и скоро превратились в крышу, и я, с облегчением вздохнув, вернулась на сиденье. Огляделась и обомлела от вспыхнувших в мозгу подозрений. Слишком уж сильно нутро повозки стало походить на салоны легковых машин, в которых мне доводилось ездить. Овальной формой стекол и дверок, обивкой стен и потолка и даже сиденьем, ставшим шире и мягче.

Выходит, шеосс ощущает все мои чувства, огорчилась я, вспомнив про клубнику. Следовательно, я все-таки имею способности к управлению магической энергией. Вот только радоваться этому не надо, ведь теперь меня может почуять каждый маг уровня старшего ученика. Или обладатель особого амулета. Дед предупреждал об этом особо и повторил не раз, что необученный одаренный, особенно девушки, – это лакомый кусочек для некоторых слоев местного населения, и мне нужно постараться ничем себя

не выдать, пока не попаду к надежному человеку. Значит, пора начинать следить за своими мыслями и спонтанными желаниями, иначе добратся до Крихета мне не удастся никогда.

А повозка мчалась вперед все стремительнее, но почему-то не подпрыгивала на кочках и не моталась на поворотах. Постепенно я начала подозревать, что Шейна бежит по лесу вовсе не ножками, но рассмотреть подробнее ничего не могла.

В этом мире наступила ночь, и хотя на небе не виднелось луны, а вокруг не светил ни один фонарь, тьма казалась какой-то призрачной, ненастоящей, словно в кино. Мне отлично были видны мелькавшие за боковыми окнами кусты и стволы деревьев, и даже ручейки, которые мы перемахивали, даже не замечая. А вот впереди все сливалось в седоватый клубок, и сквозь него ничего нельзя было разобрать.

А я и не упорствовала. Уселась поудобнее, откинувшись на спинку сиденья, и от нечего делать попыталась угадать, куда мы так спешим. Однако ни до чего так и не додумалась, все происходящее было странным, неправильным и подозрительным. А мне оставалось только молча подчиняться шеоссу, и это обиднее всего. Не привыкла я идти на поводу у ситуации, тем более не сулящей ничего доброго.

Наверное, я все-таки задремала, потому что очнулась внезапно, от скользнувшего по лицу свежего ветерка.

– Вылезай, – приказала Шейна, и я покорно выпрыгнула из повозки.

Встала в двух шагах от нее и, поеживаясь от ночной прохлады, с изумлением наблюдала за действиями шеосса. Достав откуда-то серый платочек, она встряхнула его и попыталась накрыть этим клочком коляску. Сначала я едва сдерживала смех, но вскоре замолчала. А позже и вовсе вспоминала пословицу, что хорошо смеется тот, кто смеется последним.

Платочек оказался безразмерным и вскоре поглотил коляску, как удав – слона. А потом Шейна подергала за завязки и повесила на шею крошечную ладанку.

– Это невозможно, потому что невозможно, – расстроено бурчала я, шагая следом за ней к темной громаде спящего дома, обнаружившегося неподалеку.

Ради чего мне нужно было учить физику, если в этом мире она не действует?

– Сейчас устроимся и поговорим, – ответила на незаданный вопрос Шейна.

– Куда устроимся?

– В пансион, – небрежно обронила она. – Приличные девушки не

останавливаются на ночлег на постоянных дворах.

«А мы с тобой приличные девушки?» – едва не выдала я от изумления, но чудом сумела смолчать. Затем присмотрелась к шеоссу и надолго прикусила язык. Она снова где-то потеряла свою зеленую шкуру и обрела одежду, и на этот раз была принаряжена очень солидно. Почти роскошно – я по-прежнему видела в темноте почти так же ясно, как в Питере белой ночью.

На Шейне была шелковая длинная накидка с капюшоном, из-под которой выглядывал подол более темного платья, в руках она держала добротную сумку средних размеров.

Мне оставалось только расстроено сопеть, жалея, что не додумалась надеть одну из трикотажных юбок, ставших длинными и широкими, как и все прочие найденные мной платья.

В этот миг мы обогнули дом и оказались у крыльца, над которым висел фонарь, освещавший подъездную дорожку и сидящего на ступенях огромного пса. Мои ноги сами остановились, едва я рассмотрела приоткрытую пасть и красноречиво оскаленные клыки.

– Варья? – оглянулась шагнувшая на первую ступеньку Шейна.

– Тебе знаком этот зверь? – подозрительно поинтересовалась я, следя за поднимающейся на лапы псиной.

– Нет, – беспечно пожала она плечами.

– Тогда зачем ты лезешь ему в пасть?

– Нас звери не трогают, – укоризненно глядя мне в глаза, тихо прошипела она. – Идем.

– Я – не вы! – Детской уверенностью в собственной исключительности я не страдаю, потому и не подумала двинуться с места.

– Варья! – В голосе шеосса ясно слышался упрек. – Ты же такая смелая!

– Когда деваться некуда, – поглядывая по сторонам, чтобы заранее выбрать, куда бежать, буркнула я и сделала маленький шаг.

Пес вдруг зевнул, отвернулся и лег, доказывая истину, в которую я и так верила. Про шеоссов и хищников. Но себя я пока к первым причислить не могла. Ведь не растет же на мне по утрам зеленая шерсть?

Настороженно и опасливо, не обращая внимания на нетерпеливый взгляд Шейны, я преодолела все три ступеньки и бочком пробралась к входу. Моя спутница очень по-земному закатила глаза, показывая степень своего возмущения, но ничего не сказала. Просто дернула за висевший на цепочке шарик.

Через несколько минут над нашими головами раздался скрип, кто-то

выглянул в маленькое оконце, и вскоре двери перед нами распахнулись.

– Добрый вечер, госпожа Шейна, – счастливо улыбалась стоящая на пороге моложавая женщина. – Ваши комнаты готовы. Проводить?

– Мы сами, – отмахнулась шеосса. – Лучше принеси перекусить и кипятку.

– Бегу, бегу!

Она и в самом деле побежала, как только заперла за нами дверь, а мы пошли наверх по бледно освещенной ночниками лестнице.

Далеко идти не пришлось, комнаты Шейне приготовили в самом начале уходящего в глубь дома коридора. Их было всего две, гостиная и спальня. Общая ванная находилась через три двери.

– Я лягу тут. – Шеосса небрежно положила на диван свою накидку и указала мне на спальню: – Ты – там.

– Боишься, как бы не удрала? – не выдержала я и отправилась в выделенную мне комнату.

– Боюсь, – согласилась она. – Но не этого.

– А чего?

– Иди умойся, перекусим, потом скажу.

Спорить было глупо и не ко времени, и я это прекрасно понимала. Молча сбросила плащ и пошла искать ванную. А когда вернулась, Шейна уже сидела за накрытым столиком и с завидным аппетитом уничтожала все подряд.

Я немедленно присоединилась и вспомнила про обещанные объяснения только через полчаса, запивая душистым травяным чаем чуть подсохшую сдобу.

– А теперь, – откинувшись на спинку стула, произнесла моя хозяйка, – можно поговорить. Я проверила твои рассказы, и теперь все о тебе знаю. Имя Инла, дочь Кавина, без одной луны двадцать наших лет. Твой отец разводит скот, мать, Тона, занимается продажей молока, творога и сметаны. У тебя два брата, один – двадцати восемью лет, женат, живет в доме жены, ее отец торговец. Второму скоро девятнадцать, и у него есть невеста. Когда магистр Рэйльдс украл тебя у родителей, они подали прошение в ковен, и им выплачивают за тебя очень приличную компенсацию. Через месяц выплаты прекратятся. Или с того дня, как ты к ним приедешь.

Я слушала очень внимательно, и хотя вроде все было понятно, но вопросов меньше не стало. И первым задала самый больной:

– Кто-нибудь проверял их слова? Бес не мог меня украсть.

– Я догадывалась, что ты так думаешь, – печально глядела мне в глаза Шейна, – но больше мне сказать тебе нечего. Подробности того

происшествия можешь узнать только ты сама. И лишь тебе под силу убедить магов вернуть в этот мир преступника, решившегося похитить чужое дитя.

Некоторое время я обдумывала ее слова и все яснее понимала, что она стопроцентно права. Действительно, никто из них не знает всего лучше меня, и никто не имеет права предъявить деду обвинение вместо потерпевшего. А я потерпевшей себя не считаю.

– Спасибо, – вежливо сказала я шеоссе. – Значит, ты меня отпускаешь?

– Да тебя никто и не держал, – вздохнула она укоризненно. – Но прямо сейчас бежать тебе некуда. Завтра придут сопровождающие, и можешь отправляться.

– Извини... не поняла насчет провожающих?

– Не искушенная в житейских делах девушка со способностями – это мечта любого слабого мага. Поэтому я наняла тебе компаньонов, мужчину и женщину. Но с ними ты познакомишься сама, а сейчас выслушай меня внимательно. Шеоссы никому из людей ничем не помогают, кроме исключительных случаев. Если случайно заблудившемуся в лесу человеку грозит гибель или помощь требуется магу, который добровольно решил стать шеоссом и успешно прошел не менее семи первых испытаний. Ты прошла девять.

– Боже ж мой! – Я едва не взвыла от отчаяния. – Шейна, ну ты же очень умная женщина, мне теперь понятно! Какое «добровольно», какие «девять»? Я никогда не хотела становиться зеленой обезьяной и тем более не мечтала ничего сажать! Да и не люблю это дело. Вот дед все лето на своих грядках возится, травки выращивает, ягоды, овощи. Знаешь, какие у него помидоры? По полкило! А я в это время в гамаке с книжкой загораю, и ягоды люблю только в мисочке, политые взбитыми сливками!

– Ты думала так раньше, – спокойно кивнула она, – когда не имела дара и жила в чужом мире. А теперь, когда в тебе проснулась сильная способность к созиданию и испытание выявило все необходимые качества, и сама когда-нибудь поймешь, что это твое призвание, и захочешь стать шеоссом.

– Насчет «когда-нибудь» не знаю, – пожала плечами, сдаваясь ее непробиваемой уверенности. – Говорят, все люди к старости меняются. Некоторые становятся мудрее, а большинство выживает из ума. Может, и мне лет через триста захочется сажать дубы и разгуливать в зеленой шубе.

– Ну, значит, придешь через триста, – невозмутимо согласилась она и положила на столик выточенный из дерева и украшенный жемчугом

браслет. – А пока нужно сделать еще несколько дел, чтобы ты меньше обращала на себя внимание. И первым делом надень на руку вот этот оберег. Здесь без амулетов никто не ходит, а в нем, кроме защиты, еще и заклятие, сдерживающее исполнение нечаянных пожеланий.

– А можно поподробнее для гостей из отсталых в магическом плане миров? – насторожилась я.

– Конечно. Сегодня ты пожелала, чтобы мой дом стал таким, как в твоём мире, и все исполнилось, кроме тех вещей, насчет которых ты сама в глубине души сомневалась. Или которые сочла не столь важными. Зато все остальное получилось очень точно и качественно. Значит, у тебя хорошая зрительная память на мелкие детали и сильно развита уверенность в желаемом результате.

– Ты начала говорить как профессор, – ехидно фыркнула я, чтобы не выдать своей растерянности.

Оказывается, не так-то приятно знать, что ты можешь подумать, например, про мороженое, и оно тут же появится, с головой выдав всем окружающим твои способности и автоматом поставив на тебе метку.

– Не беспокойся, – не обратив внимания на колкость, отозвалась Шейна в ответ на мою тревогу. – Обычно только подростки в первые дни стараются создавать все подряд. Но пару раз полежат без сил – и начинают соотносить свои желания с возможностями.

– Боюсь, – задумалась я, – свалиться мне не грозит. Я сегодня у тебя в доме столько наваяла, сколько целая бригада гастарбайтеров за месяц не осилит.

– Ты думаешь, у тебя в любом месте будет столько энергии? – вдруг засмеялась она. – Не обольщайся. Наш дом стоит на энергетическом роднике. И я не зря тебя туда привела, это было испытание, и немногие проходят его без единой ошибки.

– Шейна, – я в последний раз попыталась достучаться до ее благоразумия, – мне просто повезло. Понимаешь, воспитание у меня такое. Мало того что дед все время следил, так еще хозяйка растила на высоких и светлых идеалах. Я ей за это, конечно, безмерно благодарна, но ведь это не моя заслуга.

– Кто такая «хозяйка»?

– Старушка, у которой мы квартиру снимали. Она в молодости была учительницей, а потом занималась моим образованием вместе с дедом. Ее уже нет...

– Варья, я рада, что тебе встретились хорошие люди. Но мне точно известно, что они встречаются всем, и не так уж редко. А вот учатся у них

доброте, деликатности и честности только единицы. Но сейчас у нас нет времени поговорить на эту тему. И хотя я уже расширила твой словарь, но пока ты изъясняешься как торговка.

– Да? – задело меня ее заявление. – А до расширения как я разговаривала?

– Как сельская девочка лет семи.

– Наверное, дед не успел научить меня более взрослым словам и понятиям, – сразу встала я на защиту Беса. – Он учил меня сказочному языку, пока я была маленькой, а потом навалились школьные уроки, инглиш, комп... сама понимаешь, взрослую девушку трудно заставить учить ненужные слова. Хотя он никогда меня не заставлял учиться на пятерки, и теперь мне понятно почему. Знал, что не все пригодится.

– Я его и не обвиняю, – примирительно вздохнула Шейна. – Но язык ты знать должна. Иначе маги просто не станут с тобой разговаривать, пошлют на прием к городским чиновникам, и тебе очень долго придется доказывать свои слова.

– Прямо как у нас, – зло восхитилась я и, вспомнив, о чем хотела спросить, испытующе уставилась на нее: – Шейна, а вы ведь сильные маги? Может, и вы умеете открывать порталы?

– Может, – неопределенно буркнула она. – Но Рэйльдс не зря отправил тебя к своему учителю Теонсу Саглерсу Хаттерсу. Найти его легко, Крихет – небольшой город, и там только один старший магистр. Ему уже двести лет, и он известен справедливостью и вниманием к чужим бедам. И лишь он может помочь тебе доказать невиновность твоего деда. Или его непредумышленную ошибку. Иначе команда инквизиторов, занимающаяся защитой населения от магических преступлений, поймает Рэйльдса, едва он выйдет из портала.

– Но ведь они должны будут его выслушать? – осторожно осведомилась я, чувствуя, как портится настроение.

– Сначала его лишат возможности пользоваться заклинаниями, а это весьма непростая процедура. К тому же неприятная и вовсе не безвредная для дара. Потом подвергнут всесторонней проверке на здравомыслие и честность, – хмуро глядела в сторону шеосса. – Ведь некоторые сильные маги умудряются обмануть даже мощные артефакты. Рэйльдс все это знал и выбрал самый надежный способ, чтобы вернуться домой, не потеряв ни способностей, ни умственного здоровья. Поэтому тебе придется ехать к Хаттерсу. Но добраться до него не так легко, и в пути придется быть очень бдительной и осторожной. Ни с кем не кокетничай и не разговаривай о своих делах, не спрашивай советов, ничем громко не восхищайся и не

возмущайся. В общем, постарайся стать самой неприметной и неинтересной из путешественниц. Это очень трудно, но возможно.

– Спасибо, – искренне поблагодарила я ее. – А можно еще вопрос?

– Можно три, – усмехнулась собеседница. – Потом идешь спать, иначе не успеем до рассвета изучить все слова и ты по-прежнему будешь в разговоре вставлять какие-то ругательства.

– Значит, учусь я во сне? Понятно. Но спросить хочу не об этом. У меня полный чемодан вещей, но, боюсь, они не похожи на одежду этого мира. Что делать?

– У тебя нет ни чемодана, ни вещей, – снова засмеялась Шейна. – Просто нельзя сжать их таким образом, чтобы уместились в крохотный узелок.

– Тогда что я таскаю на шее?

– Магический кошелек из волокон коры синего дуба. Редкая вещь, привязанная к хозяину. В нем хранится запас энергии, из которой ты в любой момент сможешь сделать все, что захочешь, причем не открывая кошель. А вот когда что-то, изготовленное с помощью магии, нужно быстро спрятать, просто мысленно представляешь себе, как оно сжимается и впитывается в кошелек. У тебя воображение хорошее, тебе будет легко это проделать. Как пойдешь спать, попробуешь спрятать это платье. Первый раз я помогу.

– Спасибо, – с чувством поблагодарила ее, сразу осознав бесценность этого дара. – А если магия в нем кончится?

– Подумай сама. Ты же тоже не глупая, – вернула она недавний комплимент.

– Ага... – задумалась я, начиная догадываться, что зря не набила чемодан до отказа, боясь, что потом не подниму, – ты считаешь, что я смогу создавать какие-то вещицы и скормливать кошелечку?

– Ну, по сути, верно, хотя выражаешься ты непривычно.

– Еще раз спасибо. И какие вещи проще создавать? Камни, тряпки, фрукты?

– Лучше что-то мелкое, что можно держать в руках. Орешки, зерна, цветочки. Никого не насторожит девушка, вертящая в пальцах цветочек. Но как только кошелек станет теплым, больше не пополняй. Все выяснила? Тогда иди умываться и спать.

Спорить я не стала, надеясь, что позже смогу задать еще несколько вопросов.

Но утром оказалось, что у шеоссы совсем другие планы.

Она разбудила меня, когда за окном еще даже не занимался рассвет и

все тонуло в седой дымке.

– Какие странные тут ночи, – зевая, отвернулась я от окна и пояснила вопросительно смотревшей на меня шеоссе: – Серые и все видно.

– Не вздумай сказать так еще кому-нибудь, – неожиданно жестко одернула она. – Это у тебя после сока синего дуба проснулся дар ночного видения. Все шеоссы видят в темноте. На самом деле сейчас там непроглядная тьма.

– Да? – проснулась я окончательно. – А я думаю, почему у тебя в подвале света нет, а все видно!

– А вот там мох светящийся, – насмешливо фыркнула Шейна и встала из-за стола. – Мне пора. Скоро за тобой заедут. Поешь и надевай вон те вещи и ничего другого не создавай. В дороге придется переодеваться при чужих людях, а путники обычно очень внимательны.

И решительно двинулась к выходу.

– Шейна! – Я ринулась следом, роняя одеяло. – Спасибо тебе за все!

– Если будет очень плохо, – словно нехотя обернулась она от двери, – прикоснись своим браслетом к любому растению. Лучше к дереву. И позови.

Развернулась и исчезла, словно сквозь дверь прошла.

Глава пятая

– Постараюсь не звать, – подумав, пообещала я. – А то ненароком выполню десятый пункт.

Одежда оказалась довольно удобной, но старомодной, как на дореволюционных фотографиях. Был у Клавдии Степановны такой альбом, с портретами бабушек и дедушек, и она любила мне о них рассказывать.

А теперь и сама выгляжу как та бабушка – в длинном сером платье с обтянутыми бархатом пуговичками и в шляпке с вуалью под цвет более темной накидки.

Под одеждой обнаружился смешной пузатый сундучок, и в нем хранились запасное бежевое платье, белье, ночная рубаша до полу, домашние бархатные туфельки и куча всякой мелочи вроде шпилек, расчесок и перчаток. На дне нашлась пара маленьких шкатулок, а в кармане платья – кошелек и шесть носовых платочков с вышитым цветными нитками именем: «Инла Кавина».

И оно мне почему-то не нравилось.

Хотя я отлично понимала еще там, на Земле, что незаконно ношу чужое имя и где-то у меня есть свое. Но здесь и сейчас ни восторга от него, ни предвкушения встречи с родителями и братьями почему-то не ощущала. Мне даже думать об этом пока не хотелось. Тем более мчаться к ним, забыв про ожидающего помощи деда. Поэтому пусть спокойно получают свою компенсацию, чтобы не жалели потом потерянных денег.

Зато содержимое шкатулок удивило и потрясло. В той, что побольше, обнаружили украшения, броши, серьги, заколки и кольца. И даже ожерелье из незнакомых мне синих камней. Разумеется, не августиты, но и не сапфиры и не индиголиты.

А вот во второй, плоской и с ключиком на цепочке, который я немедленно повесила на шею, хранилось целое сокровище, по здешним меркам: десяток плотных, резных листьев с синих дубов. В детстве, когда мы играли с дедом в страну синих дубов, он рассказывал, что их листья – это денежки сказочного народа, и мы с ним рвали листики обычных кленов и тополей и расплачивались за конфеты и мороженое.

И только перед тем как отправить меня сюда, объясняя местные правила, дед признался, что и в этом не солгал. Синие дубы настолько редки, что их листья очень ценны и ими расплачиваются как золотыми слитками. Вернее, золота здесь много, и оно не так дорого, как лунное

серебро, точнее, один из видов платины. Но банки принимают все, особенно от магов. И, следовательно, теперь я довольно обеспеченная особа.

Хотя вряд ли шеосса не догадывалась, на что, если потребуется, потрачу все ее дары, не задумываясь ни на миг.

– Госпожа! – без стука влетела в комнату вчерашняя служанка. – Повозка прибыла!

– Сейчас иду, – отозвалась я, запирая сундучок, и вдруг вспомнила про провожающих. – Спроси моих спутников, они перекусить не хотят?

– Не хотят, – как-то кисло скривилась женщина. – Они ждут.

Ну, ей виднее, настаивать не стану. Слишком многое в этом мире оказалось не так, как я представляла там, в доме деда. Сложнее, непонятнее и намного серьезнее. Но винить Беса не за что. Он очень хорошо знает мой характер и вряд ли уговорил бы на эту авантюру с переходом, начини объяснять тонкости и особенности местных взаимоотношений.

Повозка, стоявшая возле крыльца, походила на внушительный, темный, горбатый ящик, зажатый между высокими, почти в мой рост, колесами.

Визуально этот ящик можно разделить на две неравные части. Передняя – покороче, и там на скамье, защищенной козырьком от дождя и ветра, сидело двое крепких мужчин. Задняя, соответственно, длиннее и полностью закрыта, но в дверце, куда мне нужно попасть, имелось небольшое оконце.

– Залезай! – Ловко соскочив с сиденья, ближайший мужчина выдвинул маленькую лесенку в две ступеньки и подал руку. – Я помогу.

Но мне в этот момент больше всего хотелось бежать куда подальше, награждая деда и заодно шеоссу всеми известными непечатными выражениями. За пристрастие к сюрпризам и партизанскую скрытность. Потому что этот сопровождающий был кем угодно, только не человеком.

Если верить изображениям и описаниям из прочитанных мною книг, некто средний между орком и демоном, или даже нагом. Хотя тело и конечности вроде человеческие, если, разумеется, не обращать внимания на витые веревки мышц, бугрящихся под очень смуглой, с прозеленью, кожей, четко расчерченной сеточкой мелких чешуек. Да на двухметровый рост и остренькие бугорки торчащих над висками рожек.

– Госпожа? – чуть нахмурился он, когда я отступила. – Ты же наняла сопровождавших?

– Наняла, – отчаянно вздохнула я. – Но не очень хорошо себе это представляла.

– Разве тебе не доводилось нас встречать? – подозрительно прищурился незнакомец.

– Давно, – сказала правду, припомнив одну игру, где были похожие неписи, – и издали.

– Бывает, – мрачновато согласился он. – Так едешь или нет?

– Еду, – вздохнула обреченно, понимая, что иного выбора у меня нет.

Если они сейчас развернутся и уедут, то мне придется самой добираться до города, о котором я ничего не знаю, даже в какой стороне он находится. Нет, Бес нарисовал мне приблизительную карту этой области, и я даже ее заучила. Но вот показать на ней точку, где в этот миг нахожусь сама, не смогу даже под расстрелом.

– Тогда залезай! – Он бесцеремонно подхватил меня под локоть и как пушинку забросил в повозку.

Хлопнула за спиной дверца, и через секунду повозка резко дернулась, уронив меня на сиденье. Довольно мягкое, к моему счастью.

– Ты его оскорбила, – негромко сообщила сидевшая напротив женщина той же расы.

– Ну, извини, – огрызнулась я, почувствовав по ее тону, что меня ждет отповедь. – Мне жаль, что он не настолько умен, как я думала.

– Ты снова пытаешься нас оскорбить? – Голос спутницы стал еще холоднее.

Да что за напасть с утра! Вот почему Шейна просила помалкивать, но не объяснила точнее причину? Придется выкручиваться, используя опыт переговоров с поставщиками и покупателями.

– И ты туда же, – выдохнула, не пряча огорчения. – Выходит, меня обманули, когда рассказывали, будто вы предпочитаете, когда с вами разговаривают честно и открыто, а не лгут и хитрят.

– Не обманули, – помолчав, буркнула женщина и подозрительно прищурилась: – Но при чем тут мой брат?

– Я сказала ему правду, а ему не понравилось. Получается, он был бы рад, если бы я солгала.

Обиженно поджав губы, отвернулась к окну, всматриваясь в быстро мелькающие мимо темные пятна кустов и деревьев. Пусть подумает, раз не поняла сразу, что на это заявление просто не может быть двух ответов. Даже самые злые и жестокие люди, обманывающие всех и всегда, никогда не скажут, что им нравится, когда лгут им самим.

– Тут можно полежать, – примирительно сообщила она минут через пять.

Покосившись на противоположный диванчик, я обнаружила, что

рогатая и чешуйчатая девица уже полулежит на нем с ногами, обутыми в высокие сапожки, подсунув под спину несколько подушек.

– Спасибо за совет, – вежливо поблагодарив в ответ, устроилась так же и тоже не стала снимать мягких туфель.

Может, это и неправильно, но спрашивать ее о причинах такой предосторожности нет никакого желания.

Сколько именно мы ехали до привала, определить не удалось, не привыкла я обходиться без часов. Вроде довольно долго, судя по тому, как проголодалась. Но с другой стороны, в дороге всегда хочется есть сильнее, потому что все что-то жуют. Жевала и моя спутница, непрерывно грызла какие-то сухарики, но угостить не догадалась. Впрочем, присмотревшись к ней при свете дня, я начала понимать почему. Вряд ли мне понравилось бы ее лакомство.

Хотя я тоже могу, если пожелаю, вытащить из кармана горсть семечек или попкорна. Но вот желать, как все яснее понимаю, не имею права. Неизвестно, есть ли тут нечто подобное. Придется доставать кусок рыхлого, темного хлеба, каким кормили на завтрак в пансионе, а его пока не хотелось.

Когда мы наконец остановились и дверца распахнулась, я спрыгнула с лесенки первой и огляделась. Повозка стояла возле дома, над дверями которого висела вывеска «кафе», хотя я подозревала, что перевод довольно свободный. Но именно так мне когда-то перевел Бес, показывая рисунки, подписанные им на сказочном языке.

– Пансион, – подходя, коротко объявил рогатый сопровождающий и впереди всех взлетел на крыльцо.

Нас встретила очень приветливая хозяйка в светлом платье и темном переднике, взглянула на предъявленную моим охранником бумажку и повела меня в соседнюю комнатку. Как выяснилось, это номер на час: маленькая столовая с диваном и ванной комнатой. Очень скромной, но удобной. И пока я умывалась и переплетала спутавшуюся косу, на столе появился вполне приличный обед. Мисочка с горячим бульоном, в котором плавало несколько кусочков мяса и мелко резанный овощ, опознанный мною как белая свекла. На второе была жареная рыба, румяная и золотистая, а к чаю – сладкая булка. И, выходя из-за стола, я очень хорошо понимала, что без Шейны, организовавшей мне это путешествие, вряд ли ехала бы с таким комфортом.

Получается, шеосса говорила правду, а это я все неверно поняла.

Посидев немного на диване, уже решила спросить, поели ли мои спутники, как дверь распахнулась и на пороге возник охранник.

– Быстрей! – рыкнул он, посмотрел на мое недоумевающее лицо и скрипнул зубами: – Иди быстро, Сира попала.

– Куда попала? – поспешила я выйти следом за ним.

– В твою ловушку, – буркнул он с ненавистью, но очень тихо, и бдительно зыркнул по сторонам.

– В какую еще ловушку? – притормозила я, вмиг заподозрив, что это меня самую сейчас ведут в капкан.

– Сама знаешь. – Чешуйчатый смотрел так свирепо, словно собирался ударить.

– Не знаю, – холодно огрызнулась я, не двигаясь с места. – Или объясняй все здесь, или я никуда не пойду.

– Сиру опутали какие-то лианы, – по-змеиному зашипел он, – и тянут силу.

– А с чего ты решил, что это мои лианы?

– Они растут из твоего сундука! – В его глазах все жарче разгорались зеленые искры гнева.

– А зачем она полезла в мой сундук? – мгновенно пришло ко мне понимание, что дар Шейны не так-то прост.

– Освободи ее, потом спросишь! – навис надо мной рогатый.

– Попробую, – уклончиво пообещала в ответ и нехотя двинулась к повозке, попутно пытаясь сообразить, каким образом можно освободить воровку.

Нет, жалко ее мне не было, воришек и крыс я всегда презирала. Но пока охранница привязана к моему сундуку, я и сама ничего не смогу из него взять.

Из повозки доносилось тихое шипение, и чем ближе мы подходили, тем все жалобнее оно становилось. А когда чешуйчатый открыл дверь, и вовсе превратилось в тихое поскуливание.

– Освобождай! – приказал охранник, едва заглянув внутрь.

– Не смогу ничего поделать, пока она вслух не признается честно, зачем трогала чужие вещи, – посмотрев на сидящую на полу спутницу, я не смогла удержаться от маленькой мести.

– Сира! – свирепо рыкнул он, и вот теперь я четко осознала, что такое угроза в его исполнении. – Говори!

– Она ушла и оставила сундук... – заныла та.

– А тебя наняли охранять, а не проверять, – вмиг раскусила я ее уловку.

– Но я тоже хочу есть...

– Ну и шла бы себе. Сундук тут при чем? Еды там нет. Похоже, ты

пытаешься схитрить, или тебе понравилось сидеть в обнимку с моими вещами?

– Ну раз ты его бросила... – не сдавалась она, хотя уже выглядела бледной тенью той самоуверенной и грозной охранницы, с которой я несколько часов ехала рядом.

Темно-зеленые плети, похожие густыми колючками на гигантских гусениц, словно поняли, что признаваться никто пока не собирается, и поползли проворнее, окутывая ее тело плотным коконом.

– Сира! – От свирепого рева над моей головой я едва не оглохла. – Быстро говори правду или больше никогда не возьму с собой!

– Ну просто интересно было... – заскулила она так знакомо, что стало противно.

Неужели они во всех мирах одинаковы, эти пустоголовые красотки, у которых на первом месте всегда только два слова: «Я хотела»?

– Чего там интересного? – с досадой рявкнул охранник и покосился на меня: – Ну, теперь освободишь?

– Оно само должно сняться, – пробормотала я, пытаясь представить, как эти зеленые плети ползут в мою ладанку, – как только она перестанет увиливать и искренне раскается. Ты же понимаешь, что заклятие завязано на ощущения?

– Сира, – помолчав, жестко сказал мужчина напарнице, – мне уже ясно, что ты твердо решила расстаться с жизнью, поэтому мешать не стану. И обещаю передать матери твои последние слова. Говори.

– Какие слова? – потрясенно вытаращилась она и вдруг завопила пронзительно и тонко, как возмущенный поросенок: – Храз! Я не хочу расставаться с жизнью! Освободи меня, Храз! Я не буду больше так делать! Просто она такая... наивная... я не думала, что ее сундук закрыт. Хотела посмотреть, какие у нее украшения!

Храз слушал и яростно скрипел зубами, а я потихоньку взялась за свисавший с ноги его родственницы колючий побег и представила, как он втягивается в висевший у меня на шее накопитель.

Плети растаяли, как мираж, а в следующий миг у меня за пазухой ощутимо потеплело. Значит, пока больше ничего класть туда нельзя, вспомнила я, вытащила из безвольных чешуйчатых лапок свой сундук и прижала к груди.

Только после этого оглянулась на охранника и замерла, предчувствуя новую проблему: рогатый стремительно бледнел, а в его глазах плескался неподдельный ужас.

– Прости, госпожа, – пробормотал он, сгибаясь чуть ли не вдвое. – Не

понял сразу... прости. Я посажу ее на козлы, сам тебя охранять буду, только не наказывай дуру! Она всего третий раз едет сопровождающим, не знает всех правил...

– А ты почему не научил? – возник у меня законный вопрос и следом другой: – Кто она тебе?

– Сестра, – как-то убито выдавил он, глядя в сторону.

– Отведи ее поесть, – подумав с минуту, решила я, надеясь, что поступаю правильно. – И пусть едет где ехала.

– Спасибо! – Он бесцеремонно выхватил напарницу из повозки и утащил куда-то за дом.

«Надеюсь, не наказывать, иначе она утопит меня в ненависти», – вздыхала я, устраиваясь на своем месте.

Вернулись они через полчаса, и за это время я успела проверить свои сокровища и убедиться в их целостности. И постепенно начала подозревать, как непросто быть богатой, особенно если не знаешь реалий окружающего мира.

Еще меня волновало, осталась ли на сундучке защита. Хотя, если рассуждать здраво, заряжать такие вещи одноразовыми ловушками довольно наивно, наверняка в дороге может встретиться не один любитель чужого. Но на всякий случай в этот раз не стала класть свое добро в багажный ящик, а сунула под подушку в самый уголок диванчика. Решив на всех остановках брать его с собой.

Сира скользнула в повозку тихой мышкой, сбросила сапоги, свернулась клубочком ко мне спиной и закуталась в одеяло, ясно давая понять, что больше ни разговаривать со мной, ни даже видеть меня не желает. Ее брат следил за этим, стоя у открытой дверцы, а едва напарница притихла, мрачно глянул на меня:

– Отсюда поедem в Роэн.

– Почему? – строго спросила я, пытаюсь припомнить карту. Вроде мелькало такое название.

– До заката успеем добраться до башни аржаблей, на них быстрее попасть в Крихет. В договоре есть пункт о том, что мы имеем право выбирать самый безопасный и быстрый способ путешествия, – очень холодно и официально просветил меня чешуйчатый.

– Надо же, – не выдержав, фыркнула ехидно, – как вы, оказывается, умеете рассуждать. Но я не против, скажи только, во что мне это обойдется?

– Полученной оплаты хватит, – поджал губы Храз, помедлил и осторожно намекнул: – Только не надо на нее жаловаться.

– Ты сомневаешься в моих словах? – притворно изумилась я, сообразив, что лучше не выяснять, каким образом это можно сделать.

– Нет, – уверил он и, повеселев, захлопнул дверцу.

А через пару секунд повозка резко рванула вперед, и, судя по мельканию кустов за оконцами, ехали мы еще быстрее, чем до обеда.

И я пожалела бы бедных лошадок, если бы они у нас были. Но отправляясь обедать, хорошо рассмотрела запряженных в повозку животных, смутно напоминающих крупных крокодилов, только ноги намного длиннее, а хвосты короче. Да окраска у них не зеленая, а желто-черная, как у шмелей.

В этот раз время тянулось еще медленнее, и не случись это происшествие с сундуком, я попробовала бы уснуть. Но теперь не могла, весь мой жизненный опыт протестовал против подобной легкомысленности. Это еще глупее, чем положить на прилавок дорогой товар и отвернуться или заняться другим делом. Скорее всего, ни товара, ни покупателя не увидишь больше никогда.

Обо всем этом я знала не понаслышке. После училища дед искал для меня работу вместе со мной. И, разумеется, именно он нашел маленький магазинчик сувениров и договорился с хозяйкой, вложившись в открытие небольшого отдела бижутерии. С того дня мелкие партии поделок я изготавливала дома, а в магазине дежурила по три часа в день, после обеда. Принимала заказы на эксклюзивные сувениры и украшения, и если оставалось время, помогала продавцам раскладывать товар. За четыре года я научилась не только делать вещицы, которые влет разбирали постоянные клиенты, но и неплохо разбираться в торговле и покупателях.

И еще издали определяла любителей гулять семьями не по паркам и набережным, а по магазинам; щеголеватых, наглых карманников; заносчивых, амбициозных дамочек, тратящих деньги папиков; и секретарш, выбирающих сувениры по заданию боссов.

А здесь вдруг стала почти беспомощной и наивной, как сказала Сира, и только теперь начала отчетливо понимать, как непросто выжить в чужом мире. Даже если знаешь язык и имеешь приблизительное представление о местных обычаях и правилах. Но не имеешь навыка общения с местным населением и лавирования в обыденных ситуациях.

Храз не обманул, солнце еще не село, когда повозка остановилась. А через пару секунд дверца распахнулась, и рогатый сопровождающий торопливо объявил:

– Быстрее, в аржабле на Крихет есть свободные места.

Прихватив сундучок, я подала ему руку и тотчас очутилась на просторном пустыре, поросшем чахлой, вытопанной травкой. По этому полю были разбросаны странные сооружения, больше всего похожие на гигантские грибы-поганки. Их огромные шляпки покачивались на тонких ножках, и было невозможно понять, как они передвигаются и как на них можно ездить.

Но Храз не собирался ничего объяснять, по-видимому, твердо уверенный, что нет ни одного человека, не знающего такой банальной вещи. Он попросту тащил меня на буксире, как таскают авторитарные мамы своих бедных малышей, и изредка оглядывался. Но на кого – на Сиру или на других пассажиров, проверить я не могла, опасаясь сразу оступиться и пропахнуть носом сухую землю.

Ножка гриба, к которому мы бежали, наконец оказалась рядом, и Храз легко, как котенка, сунул меня на сиденье, очень напоминавшее качели. Я уже открыла было рот, намереваясь заявить, что не собираюсь ехать на таком неудобном и ненадежном приспособлении, как оно взмыло вверх, унося меня к шляпке гриба.

Крик замер на моих губах, а пальцы сами крепко вцепились в тонкие канаты.

«Скотина! Козел!» – ругалась я, чувствуя, как неудобно одновременно держать ручку сундучка и веревку, и понимая, что очень скоро мне придется выбирать между неожиданным богатством и собственной безопасностью.

И вдруг это мучение закончилось. Качели втянулись в шляпку, и кто-то тотчас схватил меня за локоть и сдернул с сиденья.

– Нельзя быть такой неосторожной, эйна! – строго упрекнул меня мужчина в светлой одежде. – Разве тебе неизвестно, что вещи нужно вешать через плечо или отправлять в багажной сетке?

– Я первый раз путешествую таким образом, – чувствуя себя последней лохушкой, пояснила еще дрожащим от потрясения голосом.

– Понятно, – смерив меня недоверчивым взглядом, буркнул он и показал на узкое овальное отверстие: – Твоя капсула. Можешь спокойно отдыхать, к утру будем в Крихете.

– Прошу извинить, – вежливо проговорила я, глядя ему в глаза, – но со мной собирались ехать сопровождающие.

– Денгулы, что ли? – приподнял он одну бровь.

– Храз. Это он сейчас посадил меня на... – Я поискала нужное слово, и оно вдруг всплыло в памяти: – На подъемник.

– Нет, – покачал он головой, – больше никого не возьму. Я получил

заявку на одно место и ждал целый час, пока ты прибудешь. Все остальные уже спят.

– Прости за назойливость, – обреченно вздохнув, попыталась объяснить еще раз, – но мы мчались несколько часов, а едва прибыли, побежали сюда. А мне бы умыться...

– В капсуле все есть, – с внезапным подозрением уставился на меня водитель странного средства передвижения. – А как тебя зовут?

– Инла Кавина, – произнесла я устало, начиная понимать, что скоро меня выкинут отсюда как самозванку, если Храз назвал другое имя.

– Все верно, – с облегчением выдохнул водитель. – Иди в капсулу, я объясню.

Капсулой называлась крохотная, невысокая каютка, вся обитая пышной розовой губкой. В ней помещалось лишь выдвигавшееся из стены низкое спальное место, но по необходимости можно было превратить эту клетку в санузел или даже столовую. Пока назвавшийся Юнгом мужчина учил меня управлять нехитрыми рычажками, в каютке было невероятно тесно, зато оставшись одна, я вздохнула свободно. Нажала запирающий дверь рычаг и первым делом растерла еще ноющее от напряжения запястье.

Думать про лживых денгулов не хотелось, и без них проблем хватало. Но себе я пообещала позже разобраться в этой странной ситуации. И не из мстительности, нет. Просто считаю, что нельзя оставлять безнаказанными негодяев, которые отступили лишь после того, как сообразили, что не могут справиться с жертвой. Потому что в следующий раз они найдут добычу послабее.

Глава шестая

Ночью мне снилось, будто я огромная, как облако, птица, медленно летящая сквозь ночь над спящими лесами и хуторами, над серебрящимися в звездном сиянии изгибами речек и ручьев, над холмами и полями. И на душе властвовали благодушные и снисходительная доброта ко всем и всему окружающему.

– Госпожа Инла, пора вставать! – упорно вещал над головой незнакомый голос, и это обстоятельство разбудило меня вернее самого призыва.

Чужих людей в своей спальне я категорически не выношу с детства. Наверное, из-за того, что у меня всегда была собственная комнатка. Даже когда, опасаясь черных риелторов, дед продал хоромы Клавдии Степановны и купил двушку неподалеку от места моей работы, комнаты в ней были отдельные.

Распахнув глаза, я огляделась и сразу вспомнила, где нахожусь. До этого дня в таких розовых помещениях мне еще жить не приходилось. Через пятнадцать минут я нажала отпирающий дверь рычаг и обнаружила ожидающего в коридорчике водителя.

– Мы уже прибыли?

– Да, – как-то непонятно усмехнулся он и укоризненно добавил: – Почему ты ничего не сказала?

– О чем? – нахмурилась я, с легким недовольством отзываясь на панибратское обращение.

В этом мире никто и никого не звал на «вы», если обращался не к компании, а к одному человеку, и для меня это обращение плохо сочеталось со словом «госпожа», как когда-то перевел для меня вежливое обращение к женщине Бес. На местном языке оно звучало как «эйна», а к мужчине, соответственно, обращались «тэйн».

– О своей силе. Аржабль прилетел на два часа раньше и готов к полету.

– Уважаемый тэйн! – произнесла, проникновенно глядя ему в глаза. – Я в первый раз еду. – И тут до меня дошел смысл его слов. – Так оно... летает?!

– Где водятся такие... – он поиграл скулами, мысленно объясняя мне свои претензии на доступном всем матросам и кучерам языке, – одаренные эйны, не знающие простых вещей?

– Очень далеко, – хмыкнула в ответ, и в моем голосе против воли

прозвучала горечь.

– Если уважаемая эйна пожелает войти в долю, – посверлив меня испытующим взглядом, вдруг предложил Юнген, – то могу поговорить с хозяином башни.

– Эйна по поручению очень серьезного человека, – мгновенно нашлась я, почувствовав угрозу собственной свободе, – едет к магистру Хаттерсу и пока не имеет права распоряжаться своими желаниями.

И в подтверждение этого заявления удрученно вздохнула.

– К нему подвезет любой из извозчиков, – заметно сник водитель и без особой надежды добавил: – Но если будет нужно, обращайся в башню от моего имени. Вот.

И выдал мне странную розовую пластинку с начертанным черной тушью знаком. Если бы меня спросили на Земле, из чего она, я не задумываясь сказала бы – из пластмассы, но в этом мире не знали технологии изготовления подобных материалов.

– Спасибо, – сказала я от души, глядя, как Юнген прицепляет к тросу удобное кресло с багажной корзинкой.

– Не за что, – пожал он плечами, посомневался и все же сказал: – Если бы ты сразу предупредила, то я вернул бы цену билета. Но я догадался только на середине пути, когда встал на луч Крихета на час раньше.

Я абсолютно ничего не поняла, но признаваться не стала, чувствуя, что и без того сильно сглупила. Просто добавила в счет к Хразу еще один пункт.

В мире еще господствовала темнота, только где-то далеко серел край неба да тянулись над полем редкие языки предутреннего тумана. Воздух был довольно прохладным, и я зябко куталась в легкую накидку, рассматривая место, куда попала. Сначала мне даже показалось, будто я никуда и не уезжала, тем более не улетала. Вокруг торчали огромные поганки, под ногами стелилась редкая травка. Но потом, радуясь ночному зрению, рассмотрела примерно метрах в двухстах рядок поблескивавших на крышах довольно солидных зданий флюгеров и вздохнула с облегчением. Кажется, на этот раз меня не обманули.

– Куда едем? – резво подкатила крытая двуколка.

В нее была запряжена зебра, и это почему-то подействовало на меня успокаивающе.

– К магистру Хаттерсу.

– Сейчас к нему не пустят, – как выяснилось, мага тут знали все, – лучше в пансион. Хаттерс раньше обеда из башни не выходит.

– Ну, тогда в пансион, – подумав минутку, согласилась я.

– Одна серебрушка, ночь все-таки, – заломил цену возчик, но из серой пелены вдруг возник Юнген:

– Эйна едет за счет башни. И в пансионе предупреди. Покажешь мой знак, Инлана.

Последнее предупреждение явно относилось ко мне, и я послушно кивнула, начиная подозревать, что крестьян и магов можно различать по именам.

До пансиона добрались быстро, и он оказался чем-то похож на те заведения, где мне уже довелось побывать. Добродушная хозяйка – или ее помощница – мельком глянула на розовую пластинку и отвела меня в комнатку на первом этаже, а уже через пять минут принесла горячий завтрак.

Всю ночь они, что ли, готовят? Без аппетита поковыряв омлет с сыром, я легла спать, поняв, что больше здесь заняться нечем. Интернета нет, до книг я пока не добралась, телефона тоже не придумали. А если он и был – во всем этом мире нет ни одного человека, кому я могла бы позвонить.

Минут пятнадцать вертелась на удобной кровати, по-разному перекладывая непривычно пышные подушки в отделанных прошвами и вышивкой чехлах, пока не осознала, что сон ушел и возвращаться не собирается. Значит, можно заняться подготовкой к встрече с магистром, хотя дед заставил меня наизусть заучить и слова нехитрого пароля, и руну, которую нужно предъявить Хаттерсу. Я ничуть не сомневалась, что могу нарисовать ее без единой ошибки. В этом нет ничего сложного для человека, несколько лет точно вырезавшего узоры и надписи по полученному от клиентов или сделанному лично наброску.

Волновало меня другое – вспомнит ли эту руну и пароль учитель Беса? Вернее, захочет ли признаваться, все-таки почти двадцать лет прошло.

Разволновавшись, я встала с постели и занялась своим внешним видом, опасаясь, как бы маг не принял меня за селянку и не отказался выслушать, даже не узнав, о чем разговор. Первым делом сотворила новое платье. Почти такого же фасона, что и прежнее, только чуть потемнее и из плотного мягкого шелка. Подумав, добавила ему вышивку по низу подола и по отложному воротничку, потом создала новые туфли на устойчивом небольшом каблучке и все остальное.

Пока переодевалась и причесывалась, за окном окончательно рассвело, и в коридоре за дверью стали все чаще раздаваться шаги и невнятные отзвуки чужих голосов. К этому моменту я уже придумала, как поступлю. Покручусь возле дома, присмотрюсь, поспрашиваю народ. Возможно, кто-то даст подходящий совет. Или продаст – в кошеле обнаружилась довольно

приличная сумма мелкими серебряными и бронзовыми монетами.

И уже через полчаса, получив на прощанье чашку крепкого горячего чая с оладушками, неторопливо шла в указанном кухаркой направлении. Хозяйки поблизости не было, она размещала гостей, прибывших на аржабле из Дезвелла. От Беса я знала, что это своеобразная торговая столица материка, так как единого правителя тут нет.

Зато в каждом городе есть свой князь, и, как ни странно, должность эта – выборная, хотя многие правили не один десяток лет. Но вот сыновьям власть оставить не могли, и те сами добывали себе славу и авторитет. И еще все князья подчинялись совету достойнейших, куда раз в год выбирали двадцать семь самых уважаемых жителей, в основном из магов князей и банкиров.

Крихетом тоже правил князь, уже немолодой и, судя по сроку службы, вполне уважаемый. Жил он в центре города в старинном особняке, который когда-нибудь должен будет уступить новому правителю. Мне, конечно, хотелось бы посмотреть на него. На дом, разумеется. Старинные здания, их резьба и роспись – моя слабость. Но я не позволила себе и на миг свернуть в ту сторону, где в утренних лучах местного светила сияли золоченые шпили и флюгера.

Особняк магистра находился недалеко от центра, в глубине тупикового переулка, и к его воротам шла чистая, выложенная светлым камнем дорожка. Свернув на нее, я обнаружила, что иду спозаранку к дому Хаттерса вовсе не одна. Впереди быстро шагали двое молодых парней, за ними катила удобную тележку женщина в темной юбке, вязаной кофточке и с покрытой светлым платком головой. Судя по одежде уже встреченных мной жителей, скорее всего, кухарка или служанка. Я попыталась ее догнать, но женщина, не дойдя до ворот пары метров, развернула тележку и села на простую скамью, тянущуюся вдоль сплошного деревянного забора.

– Доброе утро, – улыбнулась я ей, подходя ближе. – Не подскажешь, уважаемая, когда здесь открывают ворота для посетителей?

Некоторое время она смотрела на меня как на сбежавшую из больницы идиотку, потом, опомнившись, прикрыла рот, внимательно оглядела мою одежду и обувь и вдруг жалостливо вздохнула:

– Сейчас выйдет Бронк, повар магистра, я его попрошу провести тебя в дом. Только ты ничего там не спрашивай и не отвечай, сиди себе и жди. Хаттерс приходит в столовую завтракать, и Бронк намекнет, что его ждет странная юная эйна. Тогда и спросишь, о чем хотела. Ну а дальше как судьба повернет. Обычно он помогает всем потерявшим память или

двинувшимся разумом.

– Спасибо, – искренне сказала я, достала из кошелька монетку и протянула.

– Убери, – обиделась женщина, – тебе пригодится на лечение.

– Тогда продай мне что-нибудь, – не зная, как еще отблагодарить за обещание помощи, предложила я, поглядев на расставленные в коляске плетеные короба.

– Разве что орешков, – с сомнением поджала губы торговка, потом забрала монетку и достала из одного короба маленький туесочек: – Вот, каленые, с солью.

– Спасибо, – выдохнув еще благодарнее, присела рядом с ней.

Однако долго ждать не пришлось, минут через пять из распахнувшихся ворот появился пахнущий жареным мясом и ванилью невысокий и немолодой мужчина и начал переставлять короба в свою тележку.

Женщина тихо прошептала ему, что нужно бы помочь странной эйне, и мне пришлось сделать вид, будто не слышу ее слов.

– Тогда испеку сегодня блинчики, давай побольше сметаны, – искоса глянув на меня, постановил Бронк и скомандовал: – Иди за мной, не отставай.

Это распоряжение относилось ко мне, и на раздумья или сомнения не оставалось ни секунды. Я вмиг очутилась рядом с поваром и шла за ним след в след, пока мы не оказались в довольно просторной прихожей.

– Посидишь здесь, – еле слышно приказал Бронк, кивнув на стоявшие вдоль стен стулья. – А учеников не бойся. Буду сам приглядывать.

– Спасибо, – проникновенно поблагодарила я, рассмотрела в глазах мужчины неприятно царапнувшую меня откровенную жалость и села в самый темный уголок.

И не из-за страха перед учениками, просто так удобнее наблюдать за вошедшими. Ведь пока человек тебя рассматривает, можно многое понять по его мимике. А вот свои чувства пока никому не хотелось показывать, поэтому поспешно опустила на глаза короткую вуаль, приколотую к шляпке скорее ради украшения.

Первый незнакомец появился примерно через полчаса. Уверенно вошел в дом, сделал несколько шагов по направлению к самой широкой двери и вдруг, резко остановившись, обернулся ко мне:

– Это еще кто такая?

Я смотрела сквозь вуаль на его лицо, не столько красивое, сколько выразительное, на дерзкую усмешку и темно-серые глаза под насмешливо

приподнятыми бровями и мысленно прощалась с еще одной неудачной попыткой судьбы свести меня с мужчиной моей мечты.

Потому что только вот такому обаятельному парню, похожему на героя из моих заветных снов, я никогда не прощу грубости и высокомерия.

Так как никаким боком не отношусь к наивным мечтательницам в розовых очках, которые свято верят в собственную способность выковать из замшелого эгоиста и циника заботливого, нежного, все понимающего и верного возлюбленного.

Причем ковать пытаются не силой собственного чувства, не добротой и терпением матери Терезы, не преданностью декабристки и не материнской заботой и пониманием, а какими-то странными выходками, неуместными колкостями и капризами.

Я всегда искренне сочувствовала Наташке, упорно грезившей не менее чем об олигархе, но ни разу не попробовавшей посчитать, по сколько миллионов юных мечтательниц приходится на каждого из них.

И точно знала, что мне такая участь не грозит, в магазинчике хватало общения с высокомерными снобами, чтобы понять раз и навсегда, насколько духовно они далеки от манящего меня образа. А внешность... Ну не дурочка же я, чтобы не понимать – это всего лишь сосуд. И пусть кто-нибудь другой пьет из него горький яд.

– Ты кто? – не дождавшись ответа, грозно прикрикнул незнакомец.

– Инла Кавина, – с достоинством произнесла я, давая ему последний шанс.

– Селянка? – пренебрежительно вздернул он бровь. – Кто тебя пустил?

Выдавать повара я не собиралась, поэтому смолчала, продолжая наблюдать за ожидающим ответа мужчиной.

Пауза затянулась, и я уже начала прикидывать, насколько мощна защита на браслете Шейны, когда дверь за спиной моего собеседника распахнулась и в прихожую вошел магистр Хаттерс. Я сразу узнала его по описанию деда: среднего роста и неопределенного возраста светловолосый мужчина с неожиданно черными глазами.

– Где она?

– Вон, – кивнул в мою сторону сероглазый грубиян и с издевкой доложил: – Инла Кавина.

– Мне сейчас некогда, – буркнул магистр, проходя мимо нас, и я вскочила, собираясь бежать следом за ним. Но он и сам уже приостановился, медленно обернулся ко мне и неверяще переспросил: – Кто?!

– Вода в колодце холоднее, чем в реке, – тихо произнесла я, понимая,

как мало у меня времени.

Он застыл и на краткий миг широко распахнул глаза, но тут же опомнился:

– Мне и в самом деле некогда, Инла. Срочное дело. Где ты остановилась?

– Пока нигде, – пожала я плечами.

– Тогда жди здесь. Нейлорс, скажи Бронку, чтобы отвел эйну в комнату для гостей и позаботился. И постарайтесь с ней не шутить.

– Спасибо, – шепнула я, провожая его взглядом, и, как только дверь за магом захлопнулась, опустилась на пригретое местечко ждать Бронка.

– Идем, – бросил помрачневший Нейлорс и направился к двери, но на пороге, не слыша позади себя звука шагов, оглянулся через плечо: – Чего сидишь?

– Магистр Хаттерс велел, – очень вежливо и холодно пояснила я этому упряму, – сказать Бронку.

Больше он разговаривать со мной не стал, возмущенно фыркнул и хлопнул дверью. Все ясно, или старший ученик, или подмастерье. Бес говорил, что у Хаттерса обычно живут двое-трое учеников разного возраста. По мнению магистра, обучение идет значительно быстрее, когда младшие наблюдают за тренировками старших.

– Инла, – выкатился из боковой двери сияющий повар, – идем, я тебя устрою в самой удобной комнате, поближе к черной лестнице. Как захочешь есть, приходи на кухню.

Через пару минут я сидела в уютной спальне с видом на сад и слушала указания Бронка. Оказывается, он тут единственный постоянный слуга, вернее, домоправитель, и служит Хаттерсу много лет. Я едва удержалась от вопроса, знал ли он Бестенса, да вовремя прикусила язык, припомнив, что дед имел свой замок, когда ушел из этого мира, и ему было почти шестьдесят.

– Если будет скучно, спускайся вниз, в гостиную, и не бойся, – еще раз объяснил Бронк, прежде чем уйти. – Парни у нас не наглые, Хаттерс держит их в строгости.

– Спасибо, – искренне поблагодарила я, и он вдруг решил, уккоризненно шепнул:

– Да не благодари все время, как нищенка. Одежда у тебя небедная, незачем так унижаться.

– А разве... – расстроившись, поискала я в памяти нужное слово, – у вас нет обычая благодарить людей за доброту и внимание?

– Если тебе сделают доброе дело и денег не возьмут, – пояснил он, – то

можно. Но лучше дать мелкую монетку, человек будет видеть, что ты оценил его труд.

«Да, – вздохнула я про себя, – русским духом тут и не пахнет». Хотя и в стране, которую я считаю своей родиной, жители все чаще надеются на шуршащую благодарность. Но мне встречалось немало людей, готовых помочь в трудную минуту абсолютно незнакомому человеку за искреннее «спасибо» или просто так, потому что иначе они не смогут считать себя людьми.

Достала кошелек, вынула несколько монет и протянула повару.

– Как тебе не стыдно! – вмиг вскипел он. – Я тебя пожалел...

– Ты же сам научил, – сердито швырнула я монетки на стол, – а теперь обижаешься! И не желаешь понять, что я приехала издалека и ваших обычаев не знаю.

– Ладно, – посмотрев в мое расстроенное лицо, постановил Бронк, – я обед готовлю и приду, научу тебя самым простым правилам. А пока отдыхай.

– Я не устала и выспалась хорошо. Хочешь, помогу тебе?

Делая от чистого сердца это предложение, я в глубине души надеялась, что он откажется, не все повара готовы открывать свои секреты первым встречным, но Бронк неожиданно согласился:

– Ну помоги. Только платье попроще надень, тут в шкафу висит старая одежда Пантеи, она нарочно оставила.

Повар убежал, а я несколько минут сомневалась, не последовать ли его совету, но выбрала уже проверенный способ. Сняла накидку и шляпку, убрала вместе с сундуком в шкаф и заперла на ключ, а потом, встав перед зеркалом, превратила шелковое платье в простое, из небеленого полотна. Фасоном оно походило на довольно простенькие наряды, в каких были встреченные мной утром женщины. Только не удержалась, отделала оборку на юбке и лиф вышивкой в стиле гжели. Заколола заплетенные волосы на затылке в низкий узел, чуть подкрасила созданным блеском губы и вдруг поняла, что, собираясь чистить овощи или лепить пирожки, упорно думаю о здешних шутниках.

И не потому, что они меня волнуют как мужчины... хотя глупо себе лгать. Местные мужчины мне, конечно, интересны, ведь именно среди них придется искать свое счастье. Как теперь предельно ясно, ради этого дед так упорно разоблачал и критиковал всех моих земных ухажеров, никому не дав продержаться рядом со мной больше двух-трех встреч.

Ведь тогда шанса уговорить меня возвратиться сюда у него бы не осталось. Но не могу сказать, что сейчас я на него за это в обиде. Нет, ни в

коей мере. Как-то случайно встретила в парке одного из бывших поклонников. Он вальяжно шлепал по тротуару в пляжном прикиде с открытой банкой пива в одной руке и мобильником в другой и о чем-то увлеченно переговаривался с невидимым собеседником, а метрах в трех позади везла детскую коляску явно беременная молодая женщина. Кроме надрывающегося плачем малыша, коляска была загружена сумками и пакетами.

– Насть! – оглянувшись, вдруг рывкнул мой бывший ухажер. – Ты не слышишь, что Машка орет?

Она хмуро огрызнулась и сунула ребенку соску, а я поспешила свернуть на другую аллею, вдруг с содроганием представив, что могла бы быть на ее месте.

Но сейчас в учениках Хаттерса меня больше всего интересовали их магические способности. Это дома, сидя в мягком кресле, интересно и даже весело читать, как кто-то шутя швыряет в героиню фаерболом, а когда начинаешь осознавать, что швырнуть какую-нибудь каку могут именно в тебя, становится вовсе не до смеха.

По лесенке я спускалась осторожно и облегченно выдохнула, лишь оказавшись на кухне. Тут было весьма просторно и очень чисто, так, как бывает только у педантичных аккуратистов. У моего деда такая чистота в кабинете и в лаборатории.

Бронк ловко строгал какой-то овощ и негромко напевал себе под нос веселую песенку, а заметив меня, панибратски подмигнул и кивнул на стоящий у окна обеденный стол:

– Поешь горячих пончиков.

Отказываться я и не подумала, завтрак в пансионе уже начал забываться, а впереди ждала неизвестность, и ее лучше встречать не на голодный желудок.

То, что повар назвал пончиками, очень мало напоминало круглые шарики с повидлом, которые пекла когда-то Клавдия Степановна, и еще меньше – пышечки с дыркой посредине, продающиеся в соседней с нашим магазинчиком блинной.

У Бронка это были круглые, как лепешечки, пирожки с творогом и ягодами, подслащенные душистым медом, и мне стало понятно, почему дед всегда страдальчески вздыхал, поглощая земной аналог родных пончиков.

– Отнесешь ученикам? – невинно спросил Бронк, когда я отодвинула тарелку.

Разумеется, мне хотелось посмотреть, чем занимаются молодые маги, пока учителя нет поблизости. Неплохо бы заодно и прикинуть их

возможности. Все же я теперь тоже кое-что умела, хотя пока и сама в это не верила до конца и каждый раз ждала подвоха, создавая платье или туфли.

Но своих опасений пока не забыла и уверенности в том, что сумею выстоять перед каким-нибудь магическим фокусом, тоже не чувствовала.

– Хаттерс сказал, когда уходил, – осторожно намекнула повару, – чтобы они со мной не шутили. Может, лучше вообще не показываться им на глаза?

– Как хочешь, – разочарованным Бронк почему-то не выглядел, – я просто так предложил, все девушки мечтают познакомиться с магами.

– Спасибо, – не сумела я сдержать ехидную усмешку, – но я о таком никогда не мечтала.

Говорить вслух, что, как выяснилось, всю жизнь прожила рядом с магом, я пока не собиралась. Да и про шеоссов тоже – теперь они казались еще более загадочными, чем два дня назад. И явно неспроста дед на всякий случай советовал держаться от них подальше, хотя и буркнул, что встречаются эти существа еще реже, чем синие дубы. А мне вот повезло, попадание точно в яблочко.

– Тогда давай налепим пончиков, – предложил повар, ловко ссыпав порезанные овощи в котел. – Их все любят.

Глава седьмая

Мы принялись лепить пирожки, а попутно Бронк рассказывал обо всем, что ему вспоминалось. Как выяснилось, молодые девушки из высшего общества, к которому относятся дочери и родственницы князя и самых богатых горожан, по улицам без сопровождения не ходят. Нет, на них никто не нападает, просто не принято.

Такое позволено только простолюдинкам и магиням, ну, еще их ученицам и женщинам свободных нравов. Поэтому бакалейщица так удивилась, обнаружив меня утром в переулке. Ведь платье на мне было довольно дорогое и сундучок особый.

Про сундучок хотелось узнать поточнее, но Бронк уже рассказывал про чаевые, как я назвала про себя цену благодарности. Женщины в таких нарядах, в каком гуляла по городу я, вообще не достают кошель, за них расплачивается сопровождающий. И тем более не говорят никому спасибо, это лавочники и приказчики больших магазинов обычно благодарят прекрасных эйн за то, что посетили их заведение. Так как позже будут с гордостью хвастать перед простыми покупателями, какие важные особы к ним заходят.

Ну и еще потому, что расплачиваются спутники этих девушек, не скупясь, не в пример прочим покупательницам. А особенно боятся и не любят торговцы магинь. Те, как правило, умеют считать не хуже самих лавочников и насквозь видят качество товара.

– Бронк! – Дверь резко открылась, и на пороге замер подозрительно прищурившийся Нейлорс. – Ты про чай не забыл?

А мне почему-то показалось, что спросить он собирался вовсе не это.

– Не забыл, – спокойно отозвался повар. – Вон на столе стоит корзинка, можешь взять.

Ученик поджал губы, повернулся и ушел. Корзинка послушно летела за ним.

– Пф, – фыркнул мой собеседник, махнул пальцем, и дверь захлопнулась.

– Ты маг? – изумилась я.

– Немножко. У меня способности меньше, чем положено ученикам. Но совсем без дара здесь нельзя, магистр везде разных заклинаний навешал, чтобы домоправитель мог один справиться. Маги помногу слуг не держат.

– А ученики, – оглянулась я на дверь, – разве не могут помогать?

– Мне и самому нетрудно, – пожал плечами Бронк. – А им учиться нужно, хотя всем по-разному. Нейлорс скоро сдаст на подмастерье, а двое младших только осенью пришли. Еще есть Витерс, но он всегда занят.

Повар нахмурился и перевел разговор на другое, начал рассказывать о том, с какими бедами приходят к магистру горожане и жители окрестных селений.

– Лезут со всякими мелочами, думают, он всемогущий, – с неодобрением усмехался Бронк, – может вернуть ушедшего жениха или найти в лесу заблудившуюся козу. Он, конечно, смог бы, но сил потратит много, а времени – еще больше. Ему проще дать пять серебряных за ту козу, но ведь так можно избаловать, они сами за хозяйством следить перестанут.

– Бронк, – в кухню без стука заглянул рыжеватый, курносый парнишка, плутовато покосился на меня, – мы там чашку случайно разбили и чай пролили. Селянка не может убрать?

– А сами вы не умеете? – само сорвалось с языка.

Нахальство и предприимчивость учеников меня одинаково возмутили и насмешили.

– Им магистр запрещает тратить силы на бытовые заклинания, – вставая, пояснил Бронк. – Они еще накопители заполнить должны.

– Отдыхай, сама схожу, – опередила я доброго домоправителя. – Ну, веди, Сусанин, где там ваша чаша Иуды?

– Меня зовут Звенорс, – покраснел парнишка и почти бегом ринулся к распахнутой створке в конце широкого коридора.

– Инла, – попытался остановить меня повар, – ну зачем ты это делаешь?

– Что? – На миг оглянулась я и рассмотрела на его круглом лице откровенное огорчение. – Ты думаешь, они могут на меня напасть?

– Нет, – уверенно качнул он головой и тихо вздохнул: – Просто проверяют.

Подробнее объяснять Бронк не стал, а расспрашивать не было времени, рыжий козел-провокатор уже выглядывал из засады. Я пожала плечами и пошла дальше, мне тоже хотелось кое-что проверить. Ведь потом такой возможности может и не представиться: едва Хаттерс выяснит, что у меня есть способности, он добавит к моему имени пару букв, и всем вокруг станет ясен мой новый статус.

Это как в онлайн-игре: пока бегаешь в простом шмоте – ты нуб, а как только надел артефактный сет, все сразу видят твою ценность и профу.

А мне необходимо как можно раньше понять для себя, насколько здесь

ценятся личностные качества человека независимо от его магических умений.

– Ну, – входя в просторную комнату, осведомилась я с ехидцей, – и зачем вам потребовалась селянка?

И не обращая внимания на уставившихся на меня парней, нагло оглядела помещение, служившее, судя по шкафам с книгами и полкам, уставленным всевозможными камнями, бутылками и колбами, классом для этих великовозрастных учеников.

Старшим предсказуемо оказался Нейлорс, ему я дала бы, по земным меркам, от двадцати до двадцати шести лет, потом шел симпатичный шатен, сидевший у окна ко мне спиной, но искоса поглядывающий через плечо. Судя по заваленному бумажками и камнями столу перед ним, это Витерс.

Ушастый черноглазый парнишка с собранными в хвост темными волосами, уставившийся на меня заинтересованным взглядом, – единственный, чьего имени я не знала, и ему явно нет и восемнадцати, как и Звенорсу.

– Разве ты ей не сказал? – ненатурально удивился Нейлорс. – Вот чай на полу.

– И кто же из вас оказался криворукой растяпой? – еще ехиднее спросила я, продолжая изучать комнату. И начиная понимать, как тщательно они подготовились к моему приходу.

Все шесть свободных стульев, в беспорядке расставленных по комнате, заняты всякой мелочью, от книги до рабочей перчатки, и пройти между ними к поблескивающей у стола луже можно только бочком. А уж вытирать ее и вовсе придется, изогнувшись буквой зю.

Но я ничего убирать тут не намерена, только им об этом пока неизвестно.

– А тебе это важно? – прищурился Нейлорс, и его дружки затаили дыхание.

Только Витерс решительно отвернулся к своим книжкам и зашелестел страницами.

– Конечно, – уверенно бросила в ответ и направилась к шатену.

Мне просто не терпелось посмотреть, что за камни у него на столе.

– Инла! – насмешливо окрикнул Нейлорс. – Ты не туда идешь.

– С чего ты так решил? – не менее едко огрызнулась я, и не думая оборачиваться.

– Лужа в другой стороне.

– Мальчики, – вовремя припомнилось мне нужное слово, – вы уже

достаточно взрослые, чтобы не делать луж. И убирать их самостоятельно, раз уж проштрафились.

В комнате повисла нехорошая тишина, но я уже добралась до стола. За спиной Витерса останавливаться не стала, зашла сбоку, желая видеть не только камни, но и все помещение. И на несколько секунд потеряла дар речи, разглядев рассыпанные перед шатеном сокровища.

Ну, на мой взгляд, разумеется. Хотя и лежало среди них несколько крупных, необработанных алмазов и изумрудов, мое внимание привлекли более простые и мягкие камни, из которых можно вырезать украшения и поделки любой формы. Разноцветные шпаты, шелковый селенит, россыпь льдистых кристаллов флюорита.

– Что ты собираешься с ними делать? – безошибочно выудила я из кучки серо-зеленый оникс с ярко выраженным кружевным узором.

– Ты взяла самый дешевый камень, – ухмыльнулся неслышно подобранный Нейлорс. – Попроси вон тот, серый.

– А с чего ты взял, что я собираюсь у него что-то просить? – изумленно подняла я бровь. – Тем более алмаз? Я просто смотрю.

– Я подарю тебе камень, – вдруг поднял ко мне лицо Витерс, и в серых глазах промелькнула острая боль.

И пропала, словно почудилась. Парень отложил свои книги, отвернулся от меня и слез со стула.

Все-таки хорошо иметь за плечами стаж общения с самыми разными покупателями, я еще в первую секунду почувствовала, что меня ждет большой подвох. И прочно наклеила на лицо приветливую улыбку – «все капризы за ваши деньги».

С этой улыбкой и смотрела, как Витерс ковылял к шкафу на неестественно коротких ножках в маленьких, словно детских, башмачках. Просто вопиющая несоразмерность ощущалась во всей его фигуре и в этих самых ногах. Они были ему чужды, как китайцу – котелок.

Присмотревшись и отбросив мысленно эти странные ножки, я вдруг отчетливо сообразила, что все остальное в ученике очень гармонично. И подтянутая, стройная фигура, и разворот прямых плеч, и гордая посадка головы.

И только от колен начиналось недоразумение, и теперь меня больше всего волновало одно: неужели у Хаттерса не хватает сил, чтобы исправить эту несправедливость? Ведь парень, который по всем правилам должен быть выше меня как минимум на десять сантиметров, сейчас почему-то не доставал и до плеча.

А он вытащил из шкафа какую-то шкатулку и преувеличенно спокойно

вернулся на место, подтверждая этим показным хладнокровием уже сделанный мной вывод. Сейчас он специально показывал мне свой изъяс, и, судя по притихшим соученикам, это отработанный трюк, вернее всяких луж отпугивающий от будущего подмастерья местных красоток, явно видевших в знакомстве с магами какую-то выгоду.

– Вот, взгляни. – Устроившись на стуле, Витерс щедрым жестом высыпал передо мной содержимое своего ларца.

В основном это были серьги, кольца, браслеты, медальоны, ожерелья и подвески. Все массивное, с крупными камнями, надежными кастами. И всего несколько поделок, но именно они меня привлекли с первого взгляда. Ящерки, рыбки, птички и листики были слегка наивны и непритязательны, но идеально выточены и отполированы.

– Как ты их делаешь? – изучая желтый ониксовый листок с прожилками и червоточинкой, спросила я задумчиво, но ответил не Витерс, а Нейлорс.

– Магией, – высокомерно фыркнул он, любовался моим озадаченным лицом и жестко закончил: – А теперь иди убирать. Ты ведь за этим сюда шла, а не камушки рассматривать.

– Ты прав, – подумав, согласилась я, – камни я здесь увидеть не ожидала. Но и убирать не собиралась. Мне просто хотелось понять, чем тебе не нравится твой учитель?

– Не болтай глупости! – обозлился Нейлорс и попытался меня припугнуть: – Не тебе рассуждать на эту тему!

– А кому? – оглянулась я, словно в поисках судей. – Да и рассуждать тут не о чем. Всем известно, что учителей положено уважать и слушать их указания. А тебя Хаттерс настойчиво попросил со мной не шутить. Но ты почему-то не счел нужным выполнить его просьбу. И как только нашел меня на кухне, сразу придумал, как заманить сюда. И младших учеников в заговор втянул, хотя не можешь не знать, что магистр их за это не похвалит.

Эти самые младшие мгновенно поскучнели, насупились и уткнулись в свои книжки. Только Витерс задумчиво перебирал камни.

А вот Нейлорс вскинулся, как от удара, и ядовито процедил:

– Ну надо же, какая разговорчивая селянка! И в какой же деревне обучают так ловко работать языком?

– Откуда мне знать? – холодно огрызнулась я. – Мне до сих пор никогда не приходилось бывать в ваших деревнях. А здраво рассуждать научил дед.

Бережно положила на стол листик, который вертела в пальцах, и спокойно направилась к выходу.

– Инла, подожди! – спрыгнул со стула Витерс и поковылял за мной.

Никому другому не удалось бы сейчас меня задержать, а вот от стука его уродливых ножек я остановилась как вкопанная, да еще и обернулась.

– Возьми на память. – Парень протягивал мне тот самый листик, и серые глаза смотрели с болезненной надеждой.

Пришлось взять, хотя я отчетливо понимала, что делать этого не нужно ни в коем случае. А еще положено что-то сказать или подарить взамен... хотя бы цветочек. Мне ничего не стоило сделать целый букет любых цветов, но я хорошо помнила слова Шейны про магов и пока не собиралась никому открывать свои способности. И без того уже дважды засветилась, в следующий раз может не повезти.

Поэтому просто нагнулась и прикоснулась губами к виску Витерса, тихо шепнув:

– Я буду о тебе думать.

Нейлорс ехидно заржал, но я уже шла к выходу, не обращая на него внимания. И только чудом, точнее каким-то невероятным седьмым чувством, заметила, что лужа к этому моменту разлилась по полу так привольно, словно здесь опрокинули не чашку, а бочку воды. На миг приостановилась, решая, как преодолеть неожиданное препятствие, но тут весьма своевременно подоспела помощь. Причем сразу с двух сторон.

– Ней! – яростно рявкнул позади меня Витерс, и в тот же миг от входа раздался строгий голос Бронка.

– Я обязан доложить об этом магистру, – официально, как полицейский, сообщил повар, махнул рукой, и лужа исчезла. – Эйна Инла, тебя ждут в кабинете, я провожу.

Глава восьмая

Кабинет оказался на втором этаже, и до самых дверей мы шли молча. Не знаю, о чем думал Бронк, я себя ни в чем виноватой не чувствовала и потому оправдываться не собиралась. И вообще, не моя вина, что магистр не вбил своим ученикам в голову простую вещь, о которой знали все маги. В этом мире умение управлять магией могло внезапно проснуться у любого человека, и его можно было приобрести переходом в другой мир или даже особым ритуалом. Хотя все эти способы требовали либо необычного стечения обстоятельств, либо желания верховного совета магистров.

– Инла Кавина, – открыв дверь, вежливо объявил повар, и я шагнула внутрь, вдруг почувствовав, как задрожали от волнения руки.

– Проходи, садись, – пригласил Хаттерс, сидевший за круглым столом рядом с двумя незнакомыми мне мужчинами.

Судя по одежде, обилию медальонов и колец да усталым, чуточку недоверчивым взглядам, все они маги, но мне уже поздно пугаться или отступать.

– Добрый день, – вежливо проговорила я, усаживаясь на стоящий с моей стороны стул.

– Как живет Рэйльдс? – холодно осведомился тот из мужчин, который показался мне старше всех, и его вопрос вдруг больно ударил меня откровенной отчужденностью, затаенным сарказмом и недоверчивостью.

– Неплохо живет, – процедила сквозь зубы и с ужасом почувствовала, что сдержаться не удастся.

Вдруг стало предельно ясно, как напрасно ждала от них помощи, и душу затопила волна полынно-горькой обиды и тягучей боли. Значит, придется возвращаться к Шейне, другого пути нет. Несколько секунд я боролась с подступающими слезами, потом, глядя в отстраненные лица магов, тихо добавила:

– Только болеет часто. Старенький стал, ему уже больше восьмидесяти лет. У нас редко кто живет дольше, экология плохая, войны, химия, а вот магии нет. Почти... Дед только через четырнадцать лет с трудом отыскал слабый источник. Но всю собранную энергию копил, на себя не тратил, чтобы отправить меня сюда. На двоих ему бы не хватило.

К этому моменту слезы уже катились по моим щекам непрерывным потоком, и я почти ничего не видела, но рассмотреть потрясенные взгляды магов все-таки успела.

А потом рядом со мной вдруг что-то взорвалось, прыснуло на спину и в лицо горячими брызгами, и я непроизвольно зажмурилась, сжалась и закрыла голову руками. Несколько минут вокруг гроыхало и шипело, слышался звон бьющегося стекла, грохот падающей мебели, доносились встревоженные, яростные вопли, но понять я сумела немного, маги кричали какую-то абракадабру.

Разобрала лишь голос Нейлорса, оравшего: «Мастер Хаттерс!» – да отчаянный зов: «Инла!» – но кто меня звал, Витерс или Бронк, в этой какофонии так и не поняла. Да и не до того было. Я с ужасом ожидала последнего удара, и даже не поверила себе, когда все стихло и раздался суровый голос Хаттерса, решительно выставяющего из кабинета учеников. А потом дошла очередь и до меня.

– Инла? – совсем рядом осторожно окликнул магистр. – Ты как?

– Жива вроде, – шмыгнула я носом и, не удержавшись, спросила: – А что такое вы тут устроили? Проверку?

– Получается, что да, – с невеселым смешком ответил он. – Нужно теперь уборку делать. А тебе с себя мусор придется самой снимать... и заодно объяснять, откуда на тебе такая мощная защита.

– Сейчас, – не открывая глаз, буркнула я, пытаюсь решить нерешаемую задачку: и магам не солгать, и тайну шеосса не выдать.

Но сначала я представила, как тает и исчезает осыпавший меня мусор, а заодно возвращается чистота и свежесть. И не только ко мне, а ко всему в этой комнате. Все равно уже снова прокололась, так чего теперь мелочиться.

– Сильна, – озираясь, вздохнул через минуту один из магов и разочарованно выдохнул: – А я ведь почти поверил в другой мир.

– А вам неизвестно, – мгновенно оскорбилась я, – что междумировой переход открывает умение управлять магией? А я два раза его перенесла, туда и обратно. И там дед как мог мои способности тренировал.

– Но здесь установить на тебя защиту он никак не мог, – мрачно объяснил Хаттерс и отвернулся.

Вот теперь мне стало предельно ясно: настал тот самый сакральный момент, когда решается судьба деда, и значит, выбора у меня нет. Если я скрою свое знакомство с шеоссом, то потеряю доверие этих магистров и вместе с ним – возможность спасти единственного родного человека. Родного по духу и образу мыслей, а это, как я все яснее понимаю, самое главное.

– Вот, – обреченно пробормотала я и опустила браслет Шейны с предплечья на запястье, – моя защита.

– Что там? – еще пренебрежительно ворчал один из магистров, а Хаттерс уже сидел рядом и недоверчиво рассматривал кусочки дерева:

– Не может быть...

– Меня в лес принесло, – вздыхая, сдавала я свои тайны. – Там прохладно, а одежды нет. Но дед научил шерсть выращивать, велел пару дней сидеть под кустом, пока смогу делать отвод глаз. Потом, как назло, дождь пошел, под кустом мокро. Я и пошла искать место посуше. Ну и нашла... синий дуб.

– И шеосс тебя не выгнал?

– Он позже пришел, и это я его выгнала. Но он запретил про себя рассказывать... вы должны об этом знать.

– А сюда как добралась? – В глазах магистров жарко горел исследовательский огонь.

– Он помог. Нанял сопровождающих, а они посадили на аржабль. Но я не поняла, что это такое.

– Сегодня аржабль из Роэна прибыл на два часа раньше, – вдруг припомнил Хаттерс. – И башня прислала запрос на контракт для магини Инланы.

– Это пилот так меня назвал, когда на извозчика сажал, – вот об этом я могла рассказать досконально.

– Кто такой пильот? – спросил магистр.

– И дэд? – добавил Хаттерс.

– Черт... – задумалась я. – Не знаю, как по-вашему будет «пилот», но это человек, который управляет летающими повозками. Ну, аржаблями. А дедом я зову Рэйльдса Теонса Бестенса. Он меня вырастил и был мне дедом. По-русски это «отец отца». Понятно?

– А откуда ты знаешь язык этого мира?

– Сначала дед учил, а потом шеосс добавил, чтобы я не выглядела неграмотной.

– Но ведь, – заинтересовался старший магистр, – шеоссы ничего не делают просто так. Ты должна была пройти испытания.

– Уважаемый тэйн... извините, не знаю вашего имени, а с чего вы решили, будто я их не прошла? Хотя вовсе и не собиралась. И сейчас не хочу становиться шеоссом. Мне нужно сначала деда спасти, потом с родителями познакомиться, с братьями... и теперь еще учиться, наверное, придется, хотя становиться магом я тоже никогда не мечтала. У меня профессия есть, без куска хлеба не останусь.

– Меня зовут Эдирес, магистр верховного совета, – представился маг. – А это магистр Тобенс. И теперь я тебе верю, никому не под силу подделать

амулеты шеоссов. Но в деле Рэйльдса много несовпадений. Мы даже не знали, что он ушел в чужой мир. И искали его по всем заброшенным городам и пустыням.

– Шейна так и сказала, – задумавшись, кивнула я, – что вы считаете его преступником. И будете ловить, закрывать дар и допрашивать через всякие артефакты. Но ведь это несправедливо! Он же сам хочет вернуться, всегда хотел, неужели нельзя обойтись без жестокости?

– Кто такая Шейна?

– Шеосс, – убито буркнула я и тяжело вздохнула.

Не получился из меня резидент... выдала все тайны. Хочешь не хочешь, придется сажать синие дубы.

– Ты с ней разговаривала? – Теперь в глазах магов светилась зависть.

– Ну да. Другого способа прийти к взаимопониманию не нашлось.

– О чем?

– Обо всем, что меня волновало. Я же вообще ничего не знала... Нет, дед объяснял, конечно, но он же не догадывался, что его считают преступником. Хотя я вам так скажу: у нас преступников сажают в тюрьму и двадцать лет дают за самое зверское преступление. А Бесу наш мир был хуже каторги, теперь я это очень хорошо поняла. Вот, например, взяты меня: язык ваш знала, порядки тоже, к кому идти за помощью, Бес очень хорошо объяснил. Я могу по памяти нарисовать карту вашего материка и отметить все города. И все равно столько неувязок в пути случилось. Рогатая компаньонка в сундучок влезла, спасать пришлось, ее братец меня обманул, одну на аржабль засунул. Хорошо хоть пилот оказался порядочным человеком да торговка помогла, потому что сочла сумасшедшей. А в том мире мы с Бесом попали на пустырь, без одежды, он язык не знал, поэтому притворился немым. Его в больницу для сумасшедших отправили, меня – в другую, потом в приют. Он несколько дней учил язык, после искал меня. Ему еще повезло, что в больнице добрые люди старую одежду собрали. Пока он придумал, как заработать, пока нашел квартиру и няньку... мне ведь чуть больше года было, я же фотографии смотрела.

– А как он объяснил, почему тебя унес? – осторожно спросил Хаттерс.

– Он говорил что-то про лавину и про то, что сначала спас моих родителей, а затем нашел меня, но почему пришлось уходить в другой мир, я как-то не поняла. И еще мне непонятно, почему вы не нашли его одежду и амулеты.

– Мы их не искали... амулеты, – осторожно уточнил Эдирес, как-то странно на меня посмотрел и вздохнул: – Потому что нашли его руку...

вместе с курткой. И решили, что он забрал тебя как донора. Поэтому и платим твоим родителям большую пенсию.

– А они разве ничего не помнят? – насторожилась я.

– Они лежали без сознания, и их сразу отправили к целителю, – усмехнулся Тобенс. – А впоследствии выяснилось, что у них стерта память. Или заперта, но они не помнят, как попали в лавину. А Рэйльдс был сильным менталом, поэтому все заподозрили его. И теперь ему придется открыть память – или им, или свою.

– Шейна сказала, что это неприятная процедура, которая может нарушить его разум, – осторожно проговорила я, проверяя свои догадки.

– Инла, – укоризненно уставился мне в глаза Хаттерс, – мы все это знаем и постараемся быть предельно осторожными.

– Но ведь ты его учитель, – не опустила я взгляда, – и должен знать его как свои пять пальцев. А кроме того, он долго жил в своем доме, неужели у людей не сложилось о нем никакого мнения? Вот в моем мире... ну, который я привыкла считать родным, Беса все соседи уважают, Клавдия Степановна его обожала, считала очень порядочным человеком. Да кроме всяких мошенников, никто про него ничего плохого не сказал за двадцать лет. Дед никому не отказывал в помощи, выращивал травы, варил зелья, делал пилюли...

– Да, и я тогда очень удивился, – хмуро вздохнул Хаттерс. – Но твоя мать... Ты уж извини, но она весьма привлекательная женщина... а ее муж очень ревнив. И может, Рэйльдс тебе отец... а не дед, тогда все стало бы понятно.

– Нет, – уверенно объявила я. – Это невозможно. У нас отцовство подтверждается простым анализом, и дед об этом знал, он же почти месяц лежал в больнице. И если бы считал меня дочерью, то давно бы это доказал, и не пришлось бы воровать для меня документы. Да и потом легче было бы решать всякие проблемы, пока мне не исполнилось восемнадцать.

– Инла, а что ты делала после восемнадцати? – невинно задал вопрос Эдирес, и все они как-то насторожились.

– Работала. – Мысль о том, что они как-то проверяют мои слова, заставляла отвечать предельно честно и одновременно не особенно расслабляться.

– Рэйльдс не мог тебя прокормить?

– Мог. Но я же училась на ювелира, мне нравилось это дело. А кроме того, источник, который нашел дед, находится в деревушке, а мне хотелось остаться в городе. Мы там жили с самого начала, и я привыкла. Поэтому мне нашли работу в магазине, и квартиру дед купил рядом. А к нему я

иногда ездила в гости, по праздникам в основном.

– А мужа... или жениха...

– Нет, – не дала я ему договорить. – Мне всего двадцать два, и я еще ничего не видела. Только в Финляндию пару раз съездила да летом собиралась в Эмираты, уже путевку заказала. И тут дед заболел... а когда я приехала, рассказал про этот мир. Разумеется, я ему не сразу поверила, хотя он всегда говорит правду.

Я тяжело вздохнула, вспомнив последний взгляд деда, и кулаком стерла покотившуюся по щеке слезу.

– А что он рассказывал про твоих родителей?

– Ничего плохого. Уехали неизвестно куда на заработки и пропали, – мрачно буркнула я. – Там такое бывает. Времена тяжелые.

– Инла...

– Не зовите вы меня так! – вдруг само сорвалось с губ. – Меня зовут Варвара. Варвара Сергеевна Синцова. И пусть сначала это было не мое имя, но я другого никогда не имела и привыкла к этому.

– А почему Рэйльдс скрыл твое настоящее имя, тебе неизвестно?

– Прекрасно известно, – засмеялась я сквозь слезы. – Дед тоже его не знал. А если бы в детстве рассказал про другой мир, я бы обязательно проболталась... в школе, во дворе, в училище. И меня сочли бы сумасшедшей, как Бронк утром. Он даже учил меня не говорить «спасибо», как я привыкла. У нас это просто вежливость, все говорят.

– Варьварья, – попытался произнести мое имя верховный магистр, – мне нужно уходить, важные дела. Но я постараюсь сегодня же собрать совет. Будем решать, как поступить. А ты выбирай, где будешь пока жить. Поедешь к родителям или останешься тут?

– А можно несколько вопросов? – подумав минутку, спросила я.

– Конечно. Задавай.

– Сначала просьба. Можно мне пожить тут и пока ничего не сообщать родителям? У них все хорошо, как я поняла, ну и не нужно заранее волновать. Теперь вопросы... Что с ногами у того ученика? Разве вы не можете ему помочь? И еще... Зачем вы меня так проверяли?

– Разумеется, ты можешь жить у меня сколько захочешь, – мгновенно ответил Хаттерс, и по кислым улыбкам его коллег я поняла, что ему банально завидуют. Наверняка представляют, столько секретной информации из меня можно выкачать. – А ноги Витерс потерял пару лет назад во время неудачного вызова огненной стены. Его самого спасти удалось, но ноги сгорели в уголь. Извини за подробности. А вот тебя никто и не собирался проверять, просто кастовали успокаивающие заклинания,

а твой браслет вдруг поставил мощный защитный купол. И этот купол вызвал ответные действия наших амулетов, но все это мы поняли не сразу. Сначала считали, что ты напала... прости, но, к сожалению, такое тоже бывает.

С минуту я ошеломленно смотрела на магов, которые так спокойно заявляют, что пытались меня убить, и думала, стоит ли теперь им верить.

– Варьварья, – с досадой прервал молчание верховный жрец, – поверь, это просто чудовищное недоразумение. Ничего с тобой плохого бы не случилось, мы лишь старались тебя усыпить. Это твой браслет упорно сжигал все заклятия. В магической практике так иногда бывает – какие-то заданные заклинаниям или амулетам параметры вступают в противодействие с чужими артефактами.

– Я это понимаю, – подумав, кивнула я, – очень хорошо. Делая артефакт или сильный амулет, всего предусмотреть просто невозможно.

– Ты очень смышленная, – поощрительно улыбнулся Тобенс. – Да иначе и быть не может. Шеоссы далеко не всех пускают дальше границы леса и позволяют пройти испытание.

– Мне кажется, дело немного не в этом, – кротко ответила я, пытаюсь придумать, как повежливее высказать возникшую в голове догадку. – Но ваши пояснения натолкнули на одну мысль. Если даже у вас случаются подобные ошибки, то почему вы не допускаете, что и Бес мог неправильно кастовать какое-то заклинание? Не умышленно, а нечаянно. Тем более он потерял руку. Думаю, в той ситуации ему было не до изобретения коварных планов и не до рассуждений вообще. Скорее всего, речь шла о спасении его самого, а открывая портал, дед прихватил и меня. Наверняка случайно, но тут может быть и несколько вариантов. Но вот версию про заранее продуманный план можно исключить со стопроцентной уверенностью. Бестенс вовсе не дурак, чтобы действовать наобум. И он педантично аккуратен во всем, что касается магии и химии, вы бы видели, в каком порядке у него инструменты и колбы! А в тот раз явно случилось нечто непредвиденное, какая-то беда, не оставившая ему никакого выбора.

Маги слушали молча и после не сказали ни слова, но я уже знала, что заронила в их души сомнение в справедливости прежних выводов. Просто дед точно такой же, и если подбросить ему каверзную задачку, он никогда не успокоится, будет ломать голову, пока не решит.

Магистры в этом очень похожи на него, а значит, через некоторое время тоже начнут обдумывать то старинное происшествие с нового ракурса и не остановятся, пока не найдут ответ. Или несколько правдоподобных предположений, но, главное, больше не будут обвинять

деда в предумышленном тяжком преступлении. А сейчас мне хотелось выяснить еще одну тонкость, но я никак не могла решиться.

– Варь... – запнулся Хаттерс и смущенно улыбнулся: – Никак не привыкну к этому странному имени.

– Шеосс зовет меня Варьей, – решила я пойти ему навстречу. – Но мне непонятно еще одно... почему вы не вырастили Витерсу ноги?

– Это непросто, – хмуро глянул он и пояснил: – Создать ноги взрослого человека. Вернее, мы можем это сделать, но они будут неживыми, без единой капли крови. Их несложно пришить, но почти невозможно оживить. Зачастую маги просто выращивают из крови пострадавшего запасное тело и берут у него ноги или руки. Тогда они приживляются очень легко, и не нужно учиться ходить. Но хотя донорское тело растет намного быстрее, чем обычно, ждать приходится несколько лет. Вот Витерс сейчас ждет свои ноги, но еще года два ему придется жить с этими.

– Так он ходит на обгорелых костях? – поежилась я, представив страшную картинку.

Такое отношение к пациентам казалось мне неожиданным, странным и вообще неправильным, но я слишком мало понимала в медицине, чтобы вслух сомневаться в их методах. Зато догадывалась, как нелегко Витерсу жить калеккой, когда рядом его друзья обсуждают девушек.

– Нет, – тяжело вздохнул Хаттерс, – ему прижили ноги животного, которое совпадает с человеком по нескольким параметрам.

– Обезьяны? Или свиньи? – Других подходящих кандидатов в доноры я не знала, но и этого было достаточно, чтобы принять решение. – А шеоссы могут вырастить ноги?

– Они могут все, – мечтательно улыбнулся Эдирес и огорченно добавил: – Но никогда не помогают. Может, потому, что их трудно найти.

– У меня есть одно желание, – пробормотала я, понимая, что без их разрешения ничем помочь ученику не смогу, – я хочу отдать его Витерсу. Но для этого мне нужно дерево. Тут есть какой-нибудь садик?

– Да, за домом, – торопливо выпалил Хаттерс и вдруг замялся: – Только, Варья... я должен предупредить. Витерс – сын князя, и у него есть нареченная. Прежде они встречались очень часто, а теперь он даже домой не ходит. Не хочет, чтобы его жалели. Но если тебе удастся ему помочь, Вит сразу же побежит к ней.

– И правильно сделает, – кивнула я, лишь чуточку покривив душой, но сразу признав, что это самый лучший вариант.

Намного хуже было бы, если бы он начал ухаживать за мной из

благодарности.

– Тогда идем, – решительно поднялись магистры, которым явно не терпелось посмотреть на живого шеосса.

– Только ничего не говорите ему, – забеспокоилась я. – Вдруг не удастся? И... извините, конечно, но я боюсь, что вам она не покажется.

– Мы посмотрим из окна, – пообещали маги, и спорить с ними дальше мне не хватило совести.

Я на их месте тоже ни за что не пропустила бы такое событие.

Глава девятая

Всего через пять минут мы с Витерсом неторопливо сошли с заднего крылечка и направились по дорожке к деревянной беседке. Ученик, которому Хаттерс велел показать мне сад, не оглядываясь, ковылял впереди, я тихонько брела следом, рассматривая ухоженные деревца. В основном фруктовые, обильно усыпанные начинающими спеть плодами. Мне почему-то казалось, что под сливу или грушу шеосс не придет, и я искала клен или дуб. А заметила березку и, сразу поверив в правильность выбора, направилась к ней.

– Витерс, давай посидим под этим деревом?

Парень оглянулся, смерил взглядом дерево, потом меня и как-то неохотно свернул с тропинки.

– Тут негде сидеть.

– Тогда просто немного постоим... – Я взялась за светлый ствол и прикрыла глаза, мысленно вызывая Шейну.

Целую минуту мне казалось, что это бесполезное занятие и меня никто не слышит, но листочки вдруг затрепетали, словно под порывом ветерка. И как-то резко трава вокруг вдруг вымахала по пояс, а ветви стали намного гуще и склонились почти до земли, скрывая нас под непроницаемым шатром. В следующую секунду Витерс молча повалился мне под ноги, а рядом со стволом возник зеленый зверь.

– Что случилось? – Голос шеоссы был бесцветен и сух, но я и не ожидала сердечного приема.

– Прости, пожалуйста, что оторвала от важных дел, – начала торопливо объяснять причину вызова. – Ничего страшного... на первый взгляд. Вот этот ученик уже два года живет без ног... ему пришили чьи-то, но он от этого очень страдает. Он же молодой, умный, симпатичный, но никуда не ходит, даже к невесте и родителям... живет как старичок.

– Разве он здесь один такой? – холодно изумилась Шейна.

– Наверное, нет, – упавшим голосом пробормотала я, – просто мы сегодня разговаривали... и его взгляд... не знаю, как сказать понятнее... мне стало за него очень больно.

– Варья, я не могу помочь всем.

– Отлично понимаю. И не могу пока сказать, получится ли из меня маг. Но теперь точно знаю, чем буду здесь заниматься, хотя раньше не имела к медицине никакой склонности.

– А камни? – В ее голосе прорезался интерес.

– Ну будут же у меня свободные минутки? Вот этот Витерс тоже создает разные поделки... он подарил мне одну.

– Покажи.

Я протянула на ладони листок, и Шейна целую минуту пристально его рассматривала. Мне даже любопытно стало, куда она смотрит? Хотя вещь, несомненно, изящная, но ничего особого. Или все же есть?

– А как дела с дедом? – Шеосса создала скамейку, села, и зеленый зверь вдруг исчез, вместо него сидела женщина в простом платье. – Садись, рассказывай новости.

Некоторое время я рассказывала ей, как добиралась сюда, как разговаривала с магами, и как-то незаметно выложила все, вплоть до своих сомнений в их выводах.

– Понимаешь, не было у него причины меня воровать, – волнуясь, объясняла я свои соображения. – Вернее, не так. Бес никогда не действует спонтанно, вон сколько лет искал источник, копил магию, чтобы меня сюда отправить. И ни словечком не выдал своих планов. Но ведь он и здесь таким был? И если бы ему понадобился ребенок для каких-то недобрых целей, он никогда не стал бы воровать на соседнем хуторе, да еще и среди бела дня. И к тому же лавину устраивать. Это все подтвердили. Ну и каким нужно быть дураком, чтобы так наследить и на шуметь, если можно было потихоньку утащить беспризорника где-то подальше от дома? Но я абсолютно уверена, что дед никогда бы на такое не пошел, он просто ненавидит всяких маньяков и уродов. И значит, эти селяне... мои родители, что-то знали... и не зря у них отшибло память. И еще... мне только что подумалось... деду ведь было известно, как непросто тут получить новые конечности? Значит, нарочно ушел в наш мир, когда потерял руку, не хотел быть слабым. Или боялся чего-то... но об этом слишком мало информации и пока можно только предполагать.

– А тебе уже сказали, как тут выращивают ноги, глаза и прочие органы? – испытующе заглянула мне в глаза Шейна.

– Где-то выращивают тела... – пробормотала я и задумалась.

Сейчас эта процедура уже не виделась такой уж простой и удобной. Ведь это тело должно питаться, двигаться, чтобы мышцы не были ватными, и значит, ему присущи и все остальные потребности. А без хотя бы примитивного разума с этим никто не справится.

– Очень редко, – со вздохом пояснила она. – Чаше нанимают всяких бродяг или заключают договор с преступниками. И на них выращивают третью ногу или почку. Донорский лазарет устроен на острове Тегуэнь,

в огромном старинном храме, и вокруг живут только маги и сильнейшие из целителей. Это очень выгодное занятие, и за ноги, которые где-то растут для твоего нового друга, уже заплачена весьма солидная сумма.

– Я этого не знала, но это не имеет сейчас значения. Даже если бы мне все объяснили, я бы просила тебя помочь. Люди бывают разные, у нас в доме жил безногий инвалид, пил вечерами на балконе пиво, ездил с друзьями на рыбалку, и вокруг него все время крутились женщины. И если бы ему сказали, что нога через пять лет отрастет, он не стал бы жить иначе. А Витерс другой, он ранимый и гордый... и он ведь маг? А все маги, как я начинаю подозревать, когда-нибудь придут к вашим синим дубам. Нет, я тебя не уговариваю, нельзя так нельзя! Магистры сразу сказали, что шеоссы ничего не делают для людей, и я особо не надеялась. Но не попросить просто не могла, даже если есть всего один шанс из тысячи.

– Ну, один из тысячи всегда есть, – серьезно заявила Шейна, – а у тебя есть много больше. Ты же решила стать целителем? Почему бы не начать прямо сейчас? А я буду подсказывать.

– Я не против, – обдумав ее слова, подняла на шеоссу взгляд, – но вдруг ошибусь? Или не сумею?

– Кто не ищет, тому не суждено найти.

– Ладно, – посомневавшись, решила я. – А где мне это делать?

– А чем тут плохо? Тепло, свежо и тихо – я купол от любопытных магистров поставила.

– А стола нет, – огорчилась я и тут же сообразила, что все у меня есть, чего ни пожелаю.

Удобно быть магом.

Посреди шатра немедленно возник операционный стол. Именно такой, какие я пару раз видела в кино.

– Это что такое? – потрясенно рассматривала Шейна черный пластик.

– Стол для операций. Вот тут можно привязать руки, чтобы пациент не дергался... – Мое бормотание становилось все тише.

– Убери, тебе энергия понадобится, – скомандовала шеосса, и, едва я убрала свое творение, сама вырастила нечто вроде плетеного шезлонга. Сама легко перенесла на него Витерса и отступила в сторону: – Снимай с него обувь и штаны.

Я на миг замерла, недоверчиво глядя на невозмутимую Шейну, и покорно шагнула вперед. Она права, врачам наготы пациентов стесняться не положено. И пусть я еще и близко не врач и не целитель, но когда-то нужно начинать, раз неожиданно даже для себя выбрала такую профессию.

Стащив с парня крохотные ботиночки, я обнаружила свиные копытца

и расстроилась еще больше. Значит, он даже летом не мог раздеться, чтобы позагорать или искупаться. Недалеко от Крихета есть озеро, а почти через центр протекает небольшая речка. И хотя мне точно не известно, как принято тут купаться и загорать, но ведь определенно не в башмаках?

Расстегивая серебряные пряжки на штанах Витерса, я очень надеялась, что на нем надето хоть какое-нибудь белье, и, когда увидела белые подштанники, украшенные узенькими, целомудренными кружавчиками, сначала обрадовалась. А через минуту едва сдерживалась, чтобы не захохотать.

Над самой собой, разумеется, ведь сотворить ему боксеры для меня ничего не стоило.

– Я рада, что у тебя растет уверенность в себе, – с легкой ехидцей заметила наблюдающая за мной шеосса.

– Это не уверенность, а нервный шок, – пояснила я, отбросив в сторону штаны.

При виде мохнатых свиных конечностей, торчащих из длинных, ниже коленок, подштанников, смеяться резко расхотелось. Бедный Витерс, он смотрел на них каждый день...

– Закатай штанины повыше, – велела Шейна, и я не стала церемониться.

Просто прикрыла глаза и представила на месте смешных исподников обычные темные шорты.

– А теперь, – словно не заметив моего самовольства, продолжила командовать шеосса, – вообрази себе мужские ноги, но не создавай, рано. Они должны быть иллюзорными и точно совпадать сверху с его собственными коленями.

– О'кей, – привычно буркнула я.

Не такая уж сложная задачка для тех, кому приходилось создавать на мониторе различные проекции и целые комбинации из янтаря и камней. Представив бесплотные ноги нормальной длины, гармонично подходящие телосложению парня, я создала их туманный образец и водрузила на то место, где должны быть настоящие, живые конечности.

– Хорошо, только сделай прозрачными, нам нужно разместить в них скелет.

Это получилось не сразу, но Шейна немного помогла, и я поняла свою ошибку. Нужно верить, что они существуют, но пока состоят как бы из уплотненного воздуха.

– Человеческие кости тебе придется выучить, – создавая в эфемерных конечностях такой же фантомный скелет, только окрашенный в синий цвет,

изрекла шеосса.

– А я их знаю. Я же училась на отделении прикладного искусства, а там обязательно нужно знать строение скелета и мышц. Иначе не сделать достоверной статуи.

– Это хорошо, – кивнула она, – но книги все же приобрести.

– Ладно, – согласилась я и вспомнила про ее подарки. – Кстати, Шейна, спасибо за листья. Но я не знаю, что с ними делать... ну, чтобы пользы было больше. Они же ценные.

– Можно продать, – заканчивая работу, беспечно пожала она плечами.

– Это для денег. А для пользы?

– Тоже продать, только лекарям. Но об этом тебе Хаттерс расскажет, он и сам успешно занимается целительством. А сейчас сделай донорские ножки пациента прозрачными, кроме костей, раз ты их знаешь.

– Человеческие знаю, а не свиные!

– Они ведь похожи. Но можно представить, что ощущаешь плотность тканей, и мягкие делать прозрачнее. Не забывай, ты уже прошла девять испытаний и пила сок дуба, поэтому у тебя не только зрение стало лучше, но и прочие способности. Осязание, слух и чувствительность к теплу. Если закроешь глаза и попытаешься рассмотреть тепло его ног, то сразу поймешь, где кости. И каждый сосуд тоже увидишь.

– Значит, все вы – гениальные целители, – сделала я мгновенный вывод. – Тогда почему не хотите помогать людям?

– Хотим, – серьезно отозвалась Шейна. – И иногда помогаем. Только нас мало, и у нас есть своя важная работа. Наш мир тоже нуждается в исцелении... но не отвлекайся. Там зрители уже волнуются.

Дальше дело пошло чуть быстрее, и Шейна помогала не только советами, но большую часть работы я сделала сама. Удлинила кости, нарастила и укрепила мышечный скелет и сосуды, используя для их создания уже имеющиеся ткани и добавив магией недостающие. Растянула кожу и изменила ее структуру, заодно расправившись с щетиной. И все это ни на миг не прерывая циркуляцию крови и целостность нервных волокон.

По лбу вовсю катился пот, а руки дрожали, хотя и не касались ни скальпеля, ни тела пациента, когда я, отшатнувшись от него, буквально рухнула на скамью.

– Нужно бы создать ему штаны, – намекнула севшая рядом Шейна. – А то начнет стесняться, когда проснется.

– Нечего ему сегодня просыпаться, – устало возразила я, но все же создала зеленую простыню, обернувшуюся вокруг Витерса, – пусть кости немного укрепятся. Или ты хотела с ним поговорить?

– Нет, не хотела. А вот тебе хотела сказать...

– Чтобы больше тебя не звала? – невесело улыбнулась в ответ. – Понимаю, правила такие. Но не жалею, хотя с тобой приятно поговорить. Ты очень мудрая.

– Расту, – с притворной скромностью опустила взор Шейна. – Сначала была чудовищем, потом дураком...

– Прости, дед мне почему-то ничего о вас не рассказал.

– Он действительно осторожный и предусмотрительный, – усмехнулась шеосса. – Постарался отправить тебя в тот лес, где двадцать лет назад не было ни одного синего дуба. Это я их там посадила. И про нас тоже умышленно молчал, считается, что мы слышим мысли тех, кто, придя в лес, думает о нас.

– А на самом деле это не так? – проснулось мое любопытство.

– Не совсем. Если всех слушать, работать будет некогда. Но тебя я услышу, если дотронешься до дерева и позовешь.

– Но мне ведь больше помощь не положена? Ты говорила – если будет очень плохо, а я нарушила условие.

– Зато ты прошла десятое испытание, – легкомысленно отмахнулась Шейна.

– Как – прошла? – Я замерла, только теперь осознав, какую цену заплатила за доброе дело.

– Но если жалеешь... – Шеосса смотрела на меня испытующе, но я горько усмехнулась:

– Нет, не жалею. Уже успела понять, что не всегда в жизни получается так, как мечталось.

– А о чем ты мечтала? – Шейна вдруг забыла, как торопила меня еще несколько минут назад.

– О чем и все, – суховати ответила ей, рассказывать о рухнувших мечтах оказалось неожиданно больно. – Встретить своего единственного мужчину, открыть мастерскую, найти учениц, потом дети... ну, банально.

– Но все это вполне исполнимо, – мягко сказала шеосса, поднимаясь со скамьи. – Мы же договорились, что ты придешь через триста лет.

И исчезла, словно ее и не было.

Через минуту в шатре посветлело, понемногу начали выправляться склоненные ветви, но реже так и не стали. Я немного посомневалась и убрала заросли травы, скамью и шезлонг, оставив под спящим учеником только тонкий слой сена. Долго тут лежать ему не придется.

Магистры и в самом деле примчались как на пожар, даже Эдирес, у которого пару часов назад были где-то очень важные дела.

На несколько секунд застыли возле Витерса, потом уставились на меня.

– Ну как? – почему-то шепотом спросил Хаттерс.

– Он завтра сможет понемногу начинать ходить, – уверенно доложила в ответ, понимая, как много сейчас у них вопросов. – А я выбрала себе занятие. Буду целителем.

– Тогда тебе нужен хороший учитель, – моментально сориентировался Эдирес.

– Пока не вернется дед, попрошу быть учителем мастера Хаттерса. Шейна считает его хорошим целителем, – само пришло оптимальное решение.

– А откуда она знает, что я занимаюсь целительством? – искренне поразился магистр.

– Мне кажется, они знают все, – тихо озвучила я сделанное только что открытие, – и про всех.

Маги задумались и примолкли, но про Витерса не забыли. Окружили его, осторожно отогнули простыню и внимательно осмотрели ноги. Похоже, магистрам очень хотелось потрогать и помять плоды нашего с Шейной труда, но я бдительно следила и нахмурилась, едва Тобенс протянул к пациенту руку.

– Не нужно, – опередив меня, остановил его Хаттерс, завернул ученика и поднял в воздух так легко, как Нейлорс утром нес корзинку.

– До завтра, – попрощались старшие магистры и направились к ведущей на улицу калитке, а мы неторопливо пошли к дому.

Вернее, это я брела почти через силу, вдруг почувствовав себя неимоверно уставшей. Словно целый день подменяла в магазине Наташку, и покупатели шли сплошным потоком, не давая присесть.

– Я отнесу его в спальню, – предупредил Хаттерс, когда мы вошли в дом, – и приду.

– А нельзя его устроить на денек рядом с моей комнатой? Ему необходим присмотр. – Почему-то очень не хотелось, чтобы пронырливые ученики крутились возле моего первого пациента.

Пока еще мне самой не верилось, что его ноги, которые всего пару часов назад были просто туманом, уже такие же крепкие и надежные, как мои собственные. И упрямо прорастало в душе опасение, как бы кто-то неосторожный ненароком не испортил созданное мной чудо.

– Я устрою его в смежной со своей спальне, – понимающе улыбнулся Хаттерс, – и буду следить. Мне же ты доверяешь? И кроме того, тебе нужно отдохнуть.

– Надеюсь, это не из-за правил приличия? – как бы про себя проворчала я и на всякий случай добавила: – Шейна считает, что целитель не имеет права на такие предрассудки.

– Им можно все, – с легкой завистью согласился мой временный учитель.

– В нашем мире, – неотступно следуя за ним, не согласилась я, – пол врача давно не имеет значения, главное – профессионализм.

– Варья, я им завидую, – серьезно сообщил Хаттерс. – А мы зачастую вынуждены лечить молодых женщин под присмотром ревнивых мужей и бдительных компаньонов. Но женщина-целитель, осматривающая наедине раздетого мужчину, всегда будет предметом осуждения. Кстати, можно задать нескромный вопрос... откуда на Витерсе взялись такие странные штаны? Разве...

Учитель слегка запнулся, и я не сдержала смехок:

– Были на нем подштанники, если ты про них. Но слишком длинные. Чтобы не терять времени, я превратила их в шорты. У нас летом все мужчины в таких ходят, очень удобно. Впрочем, многие девушки – тоже.

– Хотелось бы посмотреть, – словно в шутку буркнул магистр, бережно опуская ученика на постель, и изучающе глянул на меня: – Значит, у тебя способность к созиданию?

– Да, – призналась я и направилась к двери. – Если есть магия, могу создать любую вещь, которую видела вблизи. Вот простыню сделала. Правда, Шейна велела сотворить штаны, но спорить не стала. Она вообще очень мудрая. И с юмором.

– Первый раз слышу, чтобы так говорили про шеоссов, – с затаенной печалью усмехнулся маг. – Ну иди умойся и немного отдохни, через полчаса обед. Или ты будешь кушать в своей комнате?

– А где лучше?

– Вместе с нами. За обедом мы обсуждаем наши планы и важные события, и мне не хотелось бы говорить о тебе за спиной.

– Тогда я обязательно приду, – пообещала учителю и побрела в свою комнату, жалея, что не спросила Шейну, могу ли я лечить саму себя.

Хотя... кто мне мешает попробовать? Ну, не прямо сейчас, а чуть позже.

Но оказавшись в комнате и обнаружив устало вззирающее на меня из зеркала растрепанное, бледное существо в мятом платье, испачканном пылью и травяным соком, я осознала собственную неправоту. Учиться возвращать себе бодрость и здоровый вид придется в первую очередь. И прежде всего потому, что я не люблю, просто ненавижу, когда на меня

смотрят сочувствующими взглядами. А еще – ради выбранной профессии.

Заморенным и чахлым врачам не очень доверяют даже у нас, а тут таких наверняка считают шарлатанами. Какой же сапожник без сапог?

Однако первым делом я умылась и сменила одежду. Вернее, сняла и превратила в энергию, а из сундучка достала последний из заготовленных Шейной нарядов. Бежевое платье было из плотного шелка и довольно простого фасона: юбка с оборкой, пояс, рукава чуть ниже локтя и округлое декольте. Оно вполне устраивало меня отсутствием кружев, пуговиц и каких-либо украшений, так как кокетничать с учениками, которых заранее вычеркнула из списка возможных поклонников, я не собиралась. И вообще, мне пока не до этого, проблема Беса сидела в мозгу больной занозой, не позволяя забыть о ней ни на миг.

Минут пять, пока переплетала и закалывала волосы, я внушала самой себе, что бодра и полна сил, и усталость как будто в самом деле отступила. И внезапно возникла новая догадка, и она жгла мне душу, так хотелось хоть с кем-нибудь поделиться. Но кроме Хаттерса, никого подходящего не было, а магистр ясно намекнул, что в ближайшее время будет занят учениками. Пришлось обсуждать ее с самой собой, и чем больше я думала, тем больше находила в ней достоинств.

– Эйна Инла, – постучав, заглянул в дверь Бронк, – обед. Идем, я провожу.

Повар окинул мой наряд цепким взглядом, и на его лице промелькнуло откровенное разочарование, но он молча прошествовал впереди меня, показывая дорогу. Хотя я и сама бы смогла найти столовую, она располагалась рядом с кухней, и оттуда уже доносился звон вилок.

Глава десятая

– Приятного аппетита, – войдя в комнату, пожелала я, но ответил только Хаттерс:

– И тебе, Варья. Садись сюда, теперь это твое место.

Парни, сидевшие напротив учителя, вмиг спрятали ехидные ухмылки и приняли самый равнодушный вид, но в их взорах я видела недоумение, любопытство и даже подозрение. Но придумать никто из них ничего не успел, Хаттерс обвел всех ироническим взглядом и отчетливо объявил:

– Знакомьтесь, моя новая ученица, Варьяна Теонс.

– Но ее звали... – оскорбленно вскинулся Нейлорс и прикусил язык.

– Это было условное имя на время ее путешествия, – жестко прервал все возможные вопросы магистр. – А теперь она носит данное верховным советом имя и одно из имен учителя. Я выбрал ей имя Теонс.

«Как и у деда», – вспомнила я, но смолчала, магистр явно намеревался сообщить нам еще какие-то новости.

– Теперь у нас есть новый младший ученик, – хитро ухмыльнулся рыжий парнишка.

– Но приносить чай и убирать со стола все равно будешь ты, – спокойно обронил Хаттерс. – И не забывай, Звен, что я не беру больше четырех учеников и лишнего могу отправить в Роэн.

– Но почему меня? – обиженно забурчал Звенорс. – Если положено...

– Дурак, – едва слышно вздохнул черноглазый парнишка.

– Звенорс! – Голос Хаттерса стал холоднее воды из холодильника. – В моем доме законы устанавливаю только я. Меняю их тоже я, но не из вредности или прихоти, а по обстоятельствам. И об этом обязательно говорю каждому ученику в тот день, когда он входит в этот дом. Вот сейчас это услышала Варья. Хочешь, спросим, что она об этом думает?

– Все справедливо, – пожала я плечами. – Мой дом – моя крепость.

– А теперь о том, почему она не будет таскать вам чай. В этом доме достаточно мужчин, чтобы обойтись в таких несложных делах без помощи единственной девушки. Но есть и более важная причина. Хотя она приехала только утром, но вовсе не младшая. За сегодняшнюю операцию совет верховных магов счел Варьяну достойной звания подмастерья, и ее браслет скоро будет здесь. Магистр уже вылетел на аржабле.

– Ого! – уважительно присвистнул у меня за спиной Бронк. – Поздравляю, Варьяна! А операция... это секрет?

– Для вас – не секрет, – ответил Хаттерс и снова уставился на рыжего: – А вот для посторонних – тайна. И прежде чем ее открыть, я предупреждаю всех учеников, что наложу на вас заклятие неразглашения, и наказанием будут огромные синие носы. И в этот раз можете не надеяться на пощаду, дело слишком серьезное, и терпеть предателей в собственном доме я не намерен.

– Звену лучше уйти, – неожиданно произнес темноглазый парнишка, – у него не хватит силы воли.

– Лишь бы тебе хватило, – с ненавистью зашипел Звен.

– Мне кажется, Жиньос прав, – не стал молчать Бронк. – Звен очень любит обсуждать чужие дела и рассказывать дочкам булочника обо всем, что происходит в этом доме.

– Когда это я... – вскочил с места покрасневший как помидор рыжик, но учитель одним движением брови вернул его на стул.

– Каждый вечер, как ходишь пить с ними чай, – жестко ответил он, – но считаешь, будто мои слова про защиту всех тайн – просто угроза.

– Значит... – задумалась я, – он им рассказывает новости, а они слышат что-то другое?

– Вот именно, – кивнул магистр. – Звен считает себя хитрым и ушлым, а дочери булочника, которые слушают его бред, после веселятся от души и всех уверяют, что встречаются с глупым парнишкой только ради камушков, которые он им таскает.

– А эти камушки... – Почему-то мне не поверилось, что маг позволил нахальным девчонкам наживаться на легкомыслии его младшего ученика.

– Возвращаются в мой сундук, – подтвердил эту догадку Хаттерс. – И очень скоро ушлые красотки обнаружат пропажу.

– Да, Звен, – не выдержал Нейлорс, – ты круто вляпался.

– Ты тоже, – невозмутимо откусывая пирожок, сообщил Жиньос. – Утром я видел в шкафу с поделками синее кольцо, которое два дня назад ты заворачивал в шелковую бумагу и перевязывал ленточкой.

Нейлорс побледнел и начал покрываться красными пятнами.

– А чего вы хотели? – подкладывая хозяину жаркое, хмыкнул Бронк. – Втихомолку обманывать учителя и думать, будто вы его умнее?

Обед мы заканчивали в молчании, и я искренне изумлялась, как можно быть такими самоуверенными и наглыми. Неужели они всерьез считали, что за двести лет маг мог остаться доверчивым ротозеем, не знающим, чего ожидать от новых учеников? Тем более с его возможностями? Да у него наверняка в запасе уже не один десяток способов защиты своих вещей и подопечных и отслеживания их проделок и проказ.

– Они не такие уж плохие, – тихо сказал Хаттерс, когда парни покинули столовую и мы остались одни.

– Я знаю. – Теперь я и в самом деле в этом не сомневалась.

Плохих он бы просто не пустил в дом или выгнал после первой же каверзы. Они всего лишь имеют небольшие слабости и недостатки, как абсолютно все люди, и с этими недостатками он борется и надеется постепенно победить.

– Расскажи про деда, – помолчав, предложил маг.

– Бес – единственный родной мне человек, – предупредила я. – И хотя я иногда с ним спорила или даже ругалась, но никогда не смогла бы бросить. У меня была знакомая, они дедушку отвезли в стардом... а через полгода он сгорел. И она даже не жалела, говорила, что ему и так мало оставалось. После этого я с ней не могла разговаривать... ненавижу тупых подлецов. Она гордится детьми, без конца рассказывает, какие они умные и способные, и не понимает, что однажды ее мальчики точно так же отвезут в приют ее саму, когда она не сможет вымыть за собой посуду. Ведь они не раз слышали ее рассуждения про деда.

– А Бестенс?

– Он пока справляется со всем сам и неплохо зарабатывает на пилюлях. И соседки возле него вертятся. Но я рассчитывала позже, когда ему будет там трудно, купить квартиру побольше и перевезти его в город. В городе проще нанять сиделку... Но Хаттерс! Я сделаю все, чтобы забрать его сюда! Тут его родной мир и все, что он создал и любил. Если совет не захочет его выслушать без ковыряния в голове, найду другой способ. Ты знаешь, мне тут пришла мысль – наверняка дед специально закрыл им память. Видимо, они что-то знали... или могли вскоре узнать, а может, догадаться и проговориться, а он этого не хотел. Я понимаю, что должна бы защищать родителей, но как представляю, как Бес где-то под снегом, с оторванной рукой, истекая кровью, думал не о том, как не погибнуть самому, а искал деревенскую девчонку... значит, иначе он не мог... И только благодаря ему я еще жива.

Некоторое время Хаттерс задумчиво крутил в пальцах изящную вилочку, какими тут ели пирожные, и молчал, потом с сожалением вздохнул:

– У меня было много учеников, некоторых я помню очень хорошо, с другими дружу, а с одним веду совместные исследования. Но Рэйльдс никогда ничем особенным не отличался. Дар имел средний, учился средне, хулиганил не меньше других, и когда получил звание подмастерья и решил строить себе дом западнее большого торгового пути, я не стал его

отговаривать. В холмистых предгорьях Хортского хребта мало городов и крупных поселков, в основном крошечные деревушки и хутора. И потому маги селятся там неохотно, и у него не было бы недостатка в клиентах. Следовательно, и в средствах. Лет через двадцать он написал мне, что достроил дом, взял под опеку пару десятков деревушек и хуторков, а в свободное время занимается изучением редких ритуалов и параллельных миров. И приглашал в гости, но я так и не собрался, ученики попались очень запущенные, намного более пройдошливые, чем нынешние. А потом я долгое время не получал о нем никаких известий. Вспомнил только, когда меня вызвали в совет и сообщили, что Бестенс исчез с чужим ребенком. Мы до конца жизни отвечаем за своих питомцев, но тогда мне нечего было сказать магистрам. Рэйльдс, которого я знал, не был способен на такой поступок, но ведь со временем люди меняются? И я не мог даже представить, как сказалась на нем жизнь в провинции. Вскоре выяснилось, что за эти годы у него было трое учеников, все в разное время, больше одного он за раз не брал. И все они встали за учителя горой, я даже немного позавидовал. А следствие так ничего и не обнаружило, и постепенно о Рэйльдсе забыли, но я надеялся, что он жив и когда-нибудь объявится. Правда, даже предположить не мог, что вместо него придешь ты, поэтому в первый момент и не сообразил, откуда мне известно это имя.

— А мне Шейна все объяснила на второй же день. И когда принесла мне платья, там в карманах лежали... вот. — Я подала учителю вышитый платочек.

— Она тебе не запретила об этом рассказывать?

— Тебе — нет. А другим — на мое усмотрение. Но с магистрами я говорила так откровенно только из-за Беса. Раз Шейна считает их способ опасным для разума, то нужно сделать все, чтобы избежать этой проверки.

— Думаю, теперь они не захотят с тобой ссориться, — хмуро намекнул Хаттерс. — Дар у тебя очень выгодный и сильный.

— Но на остров все равно не поеду, — сразу отказалась я, и глаза учителя изумленно расширились.

Однако ответить он не успел. В дверь вежливо постучали, и появился Жиньос:

— Учитель, у нас занятия будут или можно пойти на площадку?

— Будут. — Хаттерс встал со стула, и я последовала его примеру, неосознанно ощущая, что именно этого магистр от меня и ждет.

В знакомой комнате были распахнуты окна, пахло цветами и летом, прогретой землей, привядшей травой и начинающими спеть яблоками.

— Садись пока за стол Витерса, — кивнул мне учитель и оглядел

учеников. – Сегодня Нейлорс займется отработкой заклинания очистки сложных растворов, а все остальные – пополнением накопителей. Варья, возьми на столе шкатулку с камнями и скажи, как ты думаешь, в какой камень войдет максимальное количество энергии?

– Я не могу сказать, как я думаю, – вздохнула я, – потому что уже знаю точный ответ.

– Тогда просто выбери любой камень и заполни его энергией, каждый маг должен иметь при себе запас на крайний случай.

– Извини, Хаттерс, – сообщила виновато, – но этого мне тоже лучше не делать. Накопитель у меня уже есть.

Ученики опасливо захихикали, но маг уgomонил их одним движением брови.

– Ну тогда создай что-нибудь, хоть маленькое, и собери энергию, – спокойно предложил он.

– Хорошо.

Я прислушалась к собственным ощущениям и поняла, что подаренная Шейной ладанка больше не холодит кожу, как до обеда. Значит, можно попробовать. Прикрыв на миг глаза, представила лежащую на ладони кисть белой сирени и сразу же почувствовала прохладу нежных лепестков и сладковатый аромат.

– Здорово! – восхитился Жиньос.

– Дай им потрогать и убедиться в ее реальности, – одними глазами похвалил меня магистр.

– Легко. – Не почувствовав особой потери энергии, я создала по такой же ветви на столах учеников и в руке мага, и пока они дотошливо их изучали, наслаждалась ароматом своей грозди.

– А теперь собери энергию, – с легким сожалением произнес Хаттерс минуты через три, и я встала с места.

Обошла учеников и прикосновением пальца превратила цветы в магию.

– А издали забрать не пробовала? – Похоже, Хаттерс решил посвятить сегодняшний урок изучению моих возможностей.

Я бы не против, мне очень нужно как можно быстрее научиться управлять неожиданно свалившимся на голову даром. Но вот кислые рожицы младших учеников и расстроенный взгляд Нейлорса тревожно сигналият о пропасти, все растущей между нами. И это неправильно, не люблю я внутренних войн, и вообще никаких не выношу. Насмотрелась на беженцев из ближнего зарубежья, приехавших к соседям, когда после бомбежки остались без дома и половины семьи.

– Пробовала, – призналась кротко. – Но пока не уверена, что заберу только свою магию. Ведь им будет обидно?

– Резонно, – снова похвалил меня улыбкой учитель и повернулся к Звенорсу: – Теперь ты покажи, насколько продвинулся после прошлого раза. Варья, если хватит энергии, попробуй сделать небольшое украшение из любого камня.

Легко сказать! Интересно, чем я ему это «небольшое» выточу, если не представляю процесса без набора инструментов и, главное, без электрического шлифовального станочка?

Однако вслух спорить не стала, и так веду себя слишком смело для ученицы, судя по изумленным взорам новых одноклассников. Хотя для себя давно вывела правило: незачем изобретать велосипед, если проще и надежнее задать вопрос опытным людям. Или «Яндексу», он знает все. Жаль, здесь инета нет...

Некоторое время я задумчиво копалась в ящичке, краем уха прислушиваясь к путаным ответам отчаянно краснеющего рыжика и скупым, но уверенным объяснениям Жиньоса.

И постепенно начинала понимать, насколько бесхитростно и одновременно ошеломительно дерзко решение, которое само напрашивается в этой ситуации. Я ведь уже создаю магией вещи из ничего, почему же мне не создать так же какую-нибудь вещицу из камня? Разница лишь в одном: раньше я создавала вещи, которые не раз держала в руках и точно знала, какими параметрами и качествами они должны обладать.

А теперь нужно создать нечто новое, эксклюзивное. И как я начинаю понимать, это намного проще и вместе с тем сложнее. Когда имеешь дело с инструментами, всегда есть риск случайным движением испортить заготовку, а созданное магией украшение или статуэтку можно будет поправить в случае неудачи. Вот только морально я пока не готова ошибаться, и хотя сейчас у меня нет возможности сделать в компе объемный эскиз, но ведь можно представить вещицу мысленно во всех подробностях.

В этот миг я обнаружила, что уже в третий раз беру в руки тот самый оникс с кружевным узором, и твердо отодвинула ящичек. Раз меня так тянет именно к этому камню, значит, где-то в глубинах сознания выбор уже сделан. Повертела оникс в пальцах, поворачивая разными сторонами и прикидывая различные наработанные варианты. А обнаружив, что серый цвет идет широкой полосой над прозрачной прослойкой, вдруг отчетливо увидела в камне статуэтку. Довольно простую, без особых тонкостей, но занятную и вполне достойную стать моей первой работой.

Отвернувшись к окну, чтобы чужие взгляды не сбивали настрой, повернула камень так, чтобы рисунок шел правильно. И решительно закрыв глаза, представила застывшую пенную волну, которой станет узорчатая часть камня. Прозрачная прослойка придаст ей глубину, а выше прорежется серая, в рыжеватых разводах лодка, в которой, сложив весла, сидит с удочкой рыбак. Мне не хотелось его слишком детализировать, и я создала довольно бесформенную брезентовую робу, протянутые под скамью ноги и тонкую соломинку удочки.

Но когда попыталась представить выглядывающее из-под капюшона лицо, вдруг ясно увидела деда – таким, какой он был в последний день. Растрепанные седые виски, темная щетина на подбородке, ввалившиеся щеки. И лишь почувствовав, как согрелся в руках оникс, поняла, что работа уже завершена.

Распахнула глаза, приподняла ладонь и закусила губу, чтобы не всхлипнуть. Из-под капюшона печально и устало на меня смотрел маленький Бес.

– Позволишь? – спросил из-за плеча Хаттерс, осторожно снял с моей ладони статуэтку и долго молча рассматривал. А потом тихо скрипнул зубами и заявил: – Пусть пока побудет у меня.

– О'кей, – еле слышно буркнула в ответ и усмехнулась.

Отказать ведь все равно не получится. Да и зачем она мне, если я и без того все время думаю про деда и невольно представляю, каково это, остаться совершенно одному в чужом мире. Ведь это только для меня тот мир родной, а Бес всегда помнил про этот.

– Можно? – стукнув в дверь, в классной появился Бронк. – Тэйн Хаттерс, я уже приготовил ужин.

– Садись, – кивнул ему магистр и задумчиво оглядел учеников: – Тогда я расскажу вам, за что эйна Варьяна получила звание подмастерья. И можете не вставать и не уходить, заклинание неразглашения я на вас уже кастовал. Сегодня она вырастила ноги моему ученику Витерсу, и сейчас он еще спит. Но уже завтра сможет ходить как прежде.

Минуты две они потрясенно молчали, переводя озадаченные взоры с меня на учителя и никак не решаясь поверить, что он не шутит.

– Но уважаемый тэйн, – первым не выдержал Бронк, – ведь это очень сложная операция! И никто не взялся, пока новые ноги не вырастут.

– Все верно, – спокойно кивнул Хаттерс. – Но у Варьи редкий дар – созидание. И богатое воображение. Только сейчас она у всех на глазах за три минуты создала из обломка простого камня редкую по точности и выразительности статуэтку. Посмотри.

И поднял на ладони мой оникс.

Бронк не усидел на месте, подобрался поближе и долго восхищенно цокал языком, не забывая уважительно оглядываться на меня. Ученики тоже решились, некоторое время рассматривали статуэтку, потом сели на места.

А я старалась не улыбаться: Хаттерс очень ловко перевел разговор на камень, хотя лучше всех знает, насколько несопоставимы эти работы. И догадывается, что без шеоссы я никогда бы не сумела вернуть Виту ноги. Да и пытаться не осмелилась бы, не настолько я самоуверенна.

Прежде чем отпустить нас умыться и переодеться к ужину, магистр выдал мне книги, которые велела прочесть Шейна, и я утащила их в свою комнату. Сутки здесь длиннее почти на четыре часа, и долгими вечерами я вполне могу заниматься.

В столовой ничего важного не произошло, ученики заговаривать со мной не спешили, лишь посматривали задумчиво и опасливо, явно сожалея об утренней выходке. Видимо, только теперь до них дошло, что я не просто дерзила, а вполне могла сотворить нечто вроде обещанных им учителем гигантских синих носов, если не хуже. Проведывать Витерса тоже не рвались, особенно после того как Хаттерс мельком заметил, что комната, где спит мой пациент, защищена особо коварным щитом.

После ужина я сходила к Витерсу, в сопровождении учителя, разумеется, он просто не смог бы пропустить такое событие.

На лицо парня глянула мимоходом, отметила, что выглядит он здоровым и спокойным, и неожиданно даже для себя живо обрадовалась. Значит, его организм воспринял все произошедшее как естественный процесс и не собирается бастовать и пытаться отторгнуть внезапно добавившиеся конечности. Пару минут я посидела с закрытыми глазами возле его ног, уже целенаправленно проверяя их обострившимся чутьем на повышенную температуру, и успокоилась окончательно.

– Все хорошо, – подняла взгляд на учителя и встретила с его задумчивым взглядом.

– Каким способом ты проверяла?

– Тепловым зрением, – подумав, сформулировала я название своей новой способности. – Оно у меня недавно, после сока синего дуба. Кстати, тэйн Хаттерс, мне нужна ваша помощь в серьезном деле.

– Ученики зовут учителей мастерами, – добродушно поправил он. – Простолюдинов – по имени, а князей, знатных и богатых горожан, военачальников, всех чиновников, хозяев больших магазинов и помещиков – тэйнами. Проще всего это определить по одежде, простую

рубаху не наденет ни один из них. Женщин, имеющих право на обращение «эйна», узнают точно так же. Ну а потом уже по поведению... но это ты испытала на себе.

– Понятно, – кивнула я, точно зная, почему дед не стал мне забивать голову этими тонкостями, по его плану я должна была добраться сюда простой селянкой.

– Так какая помощь тебе требуется? Не стесняйся, я могу многое.

– Шейна дала мне листья синего дуба, – сообщила я, с удивлением наблюдая, как постепенно каменеют его скулы, но остановиться уже не могла и договорила тихо и виновато: – И сказала, что их можно продать. Но если я хочу распорядиться ими с наибольшей пользой, то лучше попросить об этом тебя.

– Варья, – помолчав, горько усмехнулся магистр, – извини меня. Сейчас я сержусь не на тебя, а на себя. Столько лет учил молодых магов, вырастил не один десяток подмастерьев, пятнадцать мастеров и четырех магистров, а самого неординарного просмотрел, не увидев за обычной внешностью и средними способностями благородное сердце и чуткую душу. Без этого просто невозможно вырастить человека, который за три дня сумеет стать для шеоссов своим. Я давно знаю, как бдительно и мудро они выбирают себе адептов, и знаком с очень честными магами и магинями, которые каждый год в начале лета уходят в северные леса, прячут в дуплах одежду и бродят по кустам, мечтая о встрече с шеоссами. Но за десятки лет так ни разу ни одного и не встретили.

– Мне кажется... – вздохнула в ответ на это признание, – а лучше сказать, я почти уверена, что они эмпаты. Ведь на Шейну я сердилась по-настоящему и становиться шеоссом никогда не мечтала. Да и теперь не собираюсь. Даже договорила, что приду к ней не раньше, чем через триста лет.

– Представляю, как она веселилась, – засмеялся вдруг Хаттерс. – Ведь для магов триста лет – это самый расцвет сил, когда многое уже знаешь и умеешь, давно разобрался в своих истинных желаниях и отбросил все мелочное, обывательское, показное.

– Ну и пусть, – поднялась я со стула. – Зато за триста лет я успею привыкнуть к мысли, что нужно бегать по лесу в зеленой шубе, таскать во рту какие-то камни и спать в шалашах.

– Светлые силы! – охнул магистр. – Так сколько же испытаний ты прошла? Но если нельзя, то не говори.

– Не буду, – подумав, кивнула я и призналась: – Но значительно больше, чем было на первой странице договора. И это я говорю только

тебе, но не из вредности или жадности. Все равно мои объяснения никому не помогут, незачем давать им пустых надежд. Теперь я не сомневаюсь – шеоссы близко не подпустят тех, кого не хотят. Однако в моем случае она явно ошиблась... или просто ментальность у меня для них непривычная. Хаттерс, а про какой-то браслет нельзя узнать подробнее?

– Маги в нашем мире – ценность, наверняка тебе дед рассказывал. И совет старших магистров поощряет тех, кто старательно учится и развивает свои способности. На каждое повышение статуса дарит ученикам браслет с защитой, вложенной в него самыми сильными мастерами. Такой, как у меня, только мой из платины, а подмастерью положен серебряный.

– А он не вступит в противодействие с браслетом шеосса? – засомневалась я.

– Не знаю, – честно ответил магистр. – Я до сих пор никогда не видел амулетов, подобных твоему. У нас дерево вообще считается самым ненадежным материалом, после тканей, разумеется, для хранения щитов. Но я буду рядом, и если что-то пойдет не так, помогу.

– Еще можно встать возле дерева... – В могущество шеоссов мне теперь верилось больше, чем в силу магов.

– Ну и это не помешает, – покладисто согласился Хаттерс, но как-то поскущел и направился к двери. – Думаю, до рассвета мы тут не понадобится.

– Еще бы не проспать, – ворчала я, шагая следом за учителем.

Длинные сутки уже начали сказываться, за окном еще цвели в небе закатными сполохами плотные, как из ваты, облака, а меня уже ощутимо клонило в сон.

– У нас день короче, – едва сдерживая зевок, сообщила я, и магистр тут же оттаял.

– Да еще и магии столько истратила! Иди спать, а если проснешься раньше, просто позвони.

– Как? – зависла я, не представляя, как можно кому-то звонить, если у меня нет мобильного.

– А как вы там звоните? – заинтересовался учитель, явно решивший проводить меня до спальни.

– Достаем из кармана телефон и нажимаем на кнопку, – сам сорвался с губ полный сожаления вздох.

– И он звенит?

– Да, только не у меня, а у того, кому я звоню. Можно поговорить с любым человеком, даже если он находится за океаном за тысячи километров от тебя. Лишь бы его номер у тебя был. Но у вас такое

невозможно.

– Ну, не совсем. Мы пишем на камне амулета связи магическим стилем сообщение, и друг его видит. Нужно только обменяться камушками, соединенными с амулетом связи. Самый сильный амулет позволяет общаться с тремя десятками друзей, больше обычно не требуется.

– И то выход! – обрадовалась я и снова не сдержала зевок.

– А мне или Бронку позвонить просто. – Распахнув дверь в мою спальню, учитель прошел к стоящей на тумбочке странной конструкции, которую я приняла за авангардистскую скульптуру, и подергал рычажок. – Мне – красный, Бронку – синий. Если что-то важное, звони мне в любое время суток. Если захочешь есть или пить – зови Бронка, не стесняйся. Он мало спит. Когда нет работы на кухне, плетет в своей комнате кружева.

– Молодец, – с уважением похвалила я, заперла за магистром дверь и рухнула в постель, стараясь не вспоминать, что хотела почитать учебники.

Зато среди ночи, проснувшись и сообразив, что сна ни в одном глазу, устроилась в постели с книжкой и читала до тех пор, пока в доме не запахло вчерашними пончиками.

Торопливо создав себе длинную вишневую юбку-брюки и к ней блузку из тонкого шелка, на тон темнее, в рубашечном стиле, переоделась, заколола косу высоким узлом и помчалась пить чай.

Первым, едва влетев в столовую, я увидела хмурого Хаттерса, сосредоточенно мешавшего чай и даже не поднявшего голову в ответ на мое приветствие.

– Пришла, – горестно вздохнул Бронк, глядя на меня несчастными глазами, и уставился на хозяина: – Мне пойти на кухню или самому рассказать?

– О чем? – сразу заподозрила я неладное.

– О Витерсе, – скрипнул зубами магистр. – Беда у него. Надо было мне его одного не отпускать... он как проснулся, сразу побежал родителей радовать, но до них не дошел, заглянул к невесте.

– Дальше можешь не рассказывать, – прошла я к столу и подвинула к себе налитый поваром чай. – Где он сейчас?

– Спит. Но дел натворить успел.

– Никого не убил? – спросила просто ради приличия, гадая, чем могу помочь в этой ситуации.

– Не успел. Меня вызвали. Они тут недалеко живут. – Учитель явно был чем-то расстроен.

– А самое плохое что? – на всякий случай забросила удочку.

– Он в ярости кричал, что отказался бы от всяких ног, если бы знал,

чем за них заплатит, – поглядывая на меня как-то виновато, вздохнул маг.

– Ничего странного, – выбрав пончик, искренне посочувствовала я. – Людям в подобных ситуациях свойственно неадекватное восприятие действительности.

– Ты выражаешься так, – на миг забыл о своей проблеме Хаттерс, – словно десять лет училась в женской обители для знатных эйн.

– А у вас такая есть? – изумилась я и коротко усмехнулась: – Нет, меня подруга подучила на скорую руку.

– То есть... ты на него не обижаешься?

– А за что? Витерс просто был не в себе, и думаю, ему было очень больно и обидно. Но ты же учитель со столетним стажем и наверняка знаешь, как его успокоить?

– Конечно, – хмуро фыркнул Хаттерс. – И первым делом заставлю Вита попросить у тебя прощения. Я просто не могу дальше учить человека, который не отличает добро от зла и не умеет ценить великодушные поступки.

Некоторое время мы молча пили чай, и я пыталась понять, нужны мне оправдания первого пациента или нет. А потом, как советовал дед, поставила себя на его место, представила, как прихожу утром к дому любимого человека и вижу... Елки! Как мне сразу не пришло в голову, что спозаранку влюбленные парочки вовсе не разгуливают по саду, взявшись за ручки! И значит, Вит имел полное право разнести на атомы домик, где все знали о том, что их дочь в открытую, на глазах всевидящих соседей, изменяет нареченному жениху.

– Не нужно заставлять, – приняла я решение. – Если ты позволишь мне с ним поговорить, я объясню ему свою точку зрения на эту ситуацию. А потом пусть решает сам, все равно извинения, сделанные под нажимом, искренними не бывают.

Глава одиннадцатая

Однако поговорить с Витерсом не удалось. Не успели мы встать из-за стола, как двери распахнулись.

Едва рассмотрев входящих в столовую высоких и стройных молодых магов, одетых неброско, дорого и с щеголеватой небрежностью, я осознала, что судьба снова подбрасывает сложную задачу. Определить, нужен ли мне один из них больше всех остальных мужчин этого мира?

Но с первого взгляда на гостей оказалось просто невозможно решить, кто из них привлекательнее. Брюнет с твердыми скулами и насмешливым взглядом темно-серых глаз или блондин, мечтательно изучавший меня золотистыми очами.

– Светлое утро, мастер Хаттерс! – дружно приветствовали они моего учителя и, повинуясь приглашающему жесту нахмурившегося мага, сели к столу, уверенно взяв меня в клещи.

– А это знаменитая целительница Варьварья? – Блондин произнес мое имя очень уверенно, нежно и почти правильно.

– Для которой мы привезли очень ценные подарки и новости? – попытался смутить меня жарким взором брюнет.

Точно такими взглядами обычно прожигают молоденьких продавщиц гости из Закавказья и Турции, твердо убежденные в собственной неотразимости. И в том, что являются пределом мечтаний всех бледнокожих женщин от двенадцати и до восьмидесяти лет.

Но у меня, как и у всех здравомыслящих девушек, поработавших хотя бы год с покупателями или клиентами, весь день идущими сплошным потоком, давно выработалась устойчивая аллергия на подобные проявления мужской самоуверенности. И потому в ответ на эту откровенную атаку гости получили лишь холодную усмешку.

– Меня зовут Варьяна Теонс, – вежливо поправила я гостей и выжидающе замерла, мысленно упрекая себя в беспечности.

Следовало выяснить заранее, имею ли я, по местным обычаям, право заговаривать с незнакомцами прежде учителя.

– Очень приятно, – снова расцвел чарующей улыбкой блондин. – А я магистр Леттенс Сааторс.

– А я, – упорно давил на меня своей харизмой сексуальный брюнет, – магистр Инвелс Хаситс.

– Вы можете приступать к ритуалу, – учтиво, но с заметной

прохладцей заявил им Хаттерс.

– Мы привезли прекрасной Варьяне, – широко осклабился в ответ на это предложение Леттенс, – приглашение посетить остров целителей. Старшие магистры считают, что такой редкий талант достоин ритуала посвящения в главном зале совета.

– Большое им спасибо, – улыбнулась я блондину восторженно, как наивная лохушка, которой у входа на рынок дарят выигравший билетик на большой приз. – Я польщена этой честью. Но мой опыт пока очень невелик, и я опасаясь не оправдать надежд магистров. Поэтому намерена побыть в учениках еще годик... или два, пока не вернется мой дед.

– Ну, это твое право, – ничуть не расстроился брюнет, наоборот, в его взгляде мелькнуло резко насторожившее меня веселье.

Так обычно радуются пакостники, готовящие друзьям вовсе не приятный сюрприз. Суповую миску с живыми жабами, например, или коробку, где вместо конфет спрятан ужик.

– Но защитный браслет все равно уже твой, – нежно, как признание, произнес Леттенс, доставая из кармана усыпанный камнями широкий наруч.

Слишком роскошный и дорогой, чтобы одаривать такими простых подмастерьев, даже я это поняла, хотя пока очень мало знала правила магов.

– И как она покажет такой браслет другим ученикам? – ледяным тоном процедил Хаттерс. – У нас даже старшие магистры скромнее носят.

– Но никому из них не удалось за три часа вернуть пациенту нормальные конечности, – возразил Инвелс, уверенно беря меня за левую руку, на которой незримо притаился браслет Шейны.

Я резко повернула голову и холодно уставилась на наглеца, пытаясь донести до него взглядом всю глубину моего возмущения.

И в этот момент что-то тихо щелкнуло, и мою правую руку кольнуло острыми иглами.

– Я протестую! – попытался вскочить с места учитель и тут же тяжело осел, уставившись перед собой ничего не видящим взглядом наркомана.

Душу пронзила острая боль за человека, искренне пытавшегося помочь нам с дедом и даже не подозревавшего, что его мнение и желание ничего не значат. Сейчас вот эти красавчики поступят так, как им приказал кто-то мощный, желающий заполучить меня, вернее мои неожиданные способности, в свое распоряжение. И поедет Варька туда, как самая последняя рабыня, и будет ходить на задних лапках, выполняя приказы местных боссов.

Стало быть, постепенно зрело в моей душе понимание, больше никогда не увидеть мне ни свободы, ни деда. Просто не нужен он им – начнет бунтовать, искать способы вызволить меня из плена, и этим будет мешать их налаженному, сытому житью.

И на мои мечты и желания им точно так же плевать, как в том мире олигархам – на рабочих, пашущих в их фирмах и супермаркетах. Кого волнует мнение какой-то кассирши, которая из-за неудобно поставленной кассы и дополнительных нагрузок в виде сигарет и жвачек не имеет возможности работать сидя и к вечеру едва стоит на отекающих ногах?

Но там можно попытаться найти место поспокойнее, хотя и заработок будет меньше. А тут мне просто перекрыли все выходы, и есть только один шанс остаться на свободе – сбежать в лес.

Но для этого мне нужно хоть на пару минут обезвредить сладкую парочку, вмиг потерявшую все благодушие и пронзавшую меня колючими взорами.

– Какие камушки! – включила я полную блондинку и, положив руку с браслетом перед собой, принялась изучать сверкающие бриллианты.

И даже на миг не усомнилась, что в каждый засунуто по мощному заклинанию. Защиты, как пели тут эти Иуды, только вряд ли для меня.

Энергия хлынула в мою ладанку ручьем, и вскоре я заметила, что, по мере того как греется мой накопитель, камни браслета теряют блеск и яркость. Как интересно, нужно будет провести пару экспериментов. Похоже, у меня появилась способность отличать заряженные амулеты от пустых.

– Что ты делаешь? – вдруг зло рявкнул Леттенс и протянул руку.

Не знаю, чего он хотел, и выяснять не стала, ударила первой. Прикрыла глаза и представила клетку из толстых стальных прутьев. Такую, в каких в цирке держат тигров, когда они не на арене. Только размером поменьше, и стояла она не во дворе и не в сарае, а выросла вокруг наших гостей.

– Гадиная!!! – зло заорал брюнет, вскакивая со стула.

И тут же, врезавшись головой в толстые прутья, громко вскрикнул, застонал и начал торопливо водить руками вокруг разбитого темени.

А я в этот момент, не обращая внимания на брань, которой поливал меня еще недавно такой ласковый блондин, и не прикасаясь к гостям, тянула из них истраченную на клетку силу. Вернее, из многочисленных амулетов, которые находила по едва ощутимому теплу. Как выяснилось, Иуды были увешены ими под одеждой, как папуасы.

И едва пополнив резерв, вновь и вновь укрепляла их персональную

тюрьму.

– Хватит... – вдруг со стоном прошептал Хаттерс.

Покопался в карманах, достал какие-то пилюли и поспешно проглотил, запив остывшим чаем.

– Беги, – велел он мне через несколько секунд, и в этот раз его голос почти не дрожал.

– Куда? – еще горько усмехалась я, но уже с удручающей ясностью понимала, как здорово влипла.

Ведь бежать отсюда имеет смысл лишь в одну сторону.

В лес к шеоссам.

– Куда ты ее гонишь? – презрительно сплюнул немного подлечившийся Инвелс и самоуверенно уставился на меня: – Послушай моего совета, мышка. Лучше быстренько освободи нас и покорно иди туда, где тебя ждут.

– Не слушай его! – резко перебил гостя Хаттерс и подтвердил мои подозрения: – С острова тебе не вырваться.

– А ей и отсюда выскользнуть уже не удастся, – язвительно ухмыльнулся Леттенс. – Ты же не думаешь, учитель, будто мы пришли всего вдвоем, когда у тебя в доме такая гостья? Едва она сделает из дома хоть один шаг, на него обрушится залп ментальных заклятий. Те, кто дежурят на улице, вооружены сильнейшими артефактами. Мы-то выживем, и даже способностей не потеряем, на нас мощная защита. А вот тебе и твоим лоботрясам придется намного хуже. И лучше вам сразу уйти в темные долины, чем потом триста лет пускать слюни возле храма.

– Вы тоже не выживете, – пообещала в ответ, собирая с их амулетов последнюю энергию. – Нет у вас больше защиты. Все ваши подвески и ожерелья, которые спрятаны в поясах, карманах и под рубашками, уже пусты.

В доказательство протянула над столом руку, представила, как распадается на части предательский браслет, и по столешнице тут же глухо зазвенели осыпающиеся обломки.

– Гадина!.. – Схватившийся за амулеты брюнет начал белеть так резко, что сквозь кожу проступила синеватая щетина.

– Поэтому в ваших интересах, – холодно продолжала я их прессовать, – придумать такой выход, чтобы никто не пострадал.

– Ты наивная дура, – с чувством объявил блондин и с неожиданной горечью добавил: – Если надеешься, что он есть. Посмотри на своего учителя, он давно все понял и сейчас пытается решить, кого проще принести в жертву. Тебя или себя и остальных учеников. Но тебя все равно

поймают. Клаурт убедил совет, что ты очень опасна и должна содержаться под присмотром. Иначе даже он не возьмется предсказать, какими бедами обернется наша доброта для мира.

– Кто такой Клаурт? – оглянулась я на Хаттерса.

– Клаурт Лайзен – страшный человек, – мрачно буркнул тот. – Магических способностей ничтожно мало, зато математические уникальны. А еще он имеет усиленный артефактом дар убеждения. Клаурт может просчитать успешность любого начинания или идеи, организовать новое дело и за год сделать его самым доходным из подобных. А также убедить любого человека заняться вовсе не тем, чем тот хотел бы. Он уже почти сто лет управляет делами острова Тегуэнь и постепенно прибрал к своим рукам не только хозяйственные заботы и расчеты, но и совет магов. Ты пока не в курсе, а всем жителям нашего мира хорошо известно, что живущие на Тегуэне целители и ученые большую часть сил и времени отдают изобретению новых методов в целительстве, но плохо разбираются в финансовых и хозяйственных делах.

– Дальше можешь не объяснять, – кивнула я, – все понятно. Даже почему он на меня ополчился. Боится, как бы не начала всем подряд бесплатно выращивать ноги и руки, оставив его без прибылей. Типичный бизнесмен и кардинал в одном флаконе, и методы до одури знакомы.

– Варья, – заявил вдруг Хаттерс, – собирайся. Я отправлю тебя порталом, а эти красавчики выйдут и скажут об этом своим сопровождающим.

– Никуда мы не пойдем, все равно нам никто не поверит, – обреченно хмыкнул блондин. – Клаурт высчитал, что у нее должны быть сильные способности ментала. Именно из-за них сюда послали нас, а не Эдиреса. В нем инквизиторы уже рассмотрели зависимость. Поэтому лучше эти три часа мы будем вспоминать свою жизнь и жалеть о несбывшемся.

– Хаттерс, – поднялась я из-за стола, – идем в другую комнату. Мне нужно с тобой поговорить.

Учитель послушно поднялся со стула и пошел следом, вонзая этой покорностью в мое сердце острый нож. Теперь я не сомневалась: он примет от судьбы любое наказание, когда я уйду.

Вот только и во мне дед вырастил и совесть, и ответственность за свои поступки и решения. И принять от Хаттерса такую огромную жертву я никогда не смогу.

– Возьми вот это, – добравшись до своей комнаты и закрыв ее невидимым, впервые созданным защитным куполом, я втиснула в руки учителя саквояж. – Там листья и драгоценности. Бери все, что понадобится,

не сомневаясь. И не ищи меня, жди здесь и не волнуйся. Если я уйду, то в лес, и не знаю, когда смогу передать весточку.

Наверное, получилось сумбурно, но Хаттерс понял. Отставил саквояж, притянул меня к себе и обнял так, как обнимал дед, без малейшего намека на особые отношения.

– Это я сглупил, не нужно было разрешать тебе лечить Вита при магистрах.

– Я упрямая – в деда. Все равно бы не отступилась, – виновато шмыгнула носом и отстранилась. – Пойду. Нечего нервировать группу захвата.

И побыстрее отвернулась, чтобы не смотреть на горько сжавшиеся губы учителя. А шагая вниз по лестнице, поспешно преобразовала свою одежду в удобные и немаркие вещи: штаны и футболку в стиле «милитари», ботасы и кепку с длинным козырьком. А заодно убрала и косу, уже автоматически собрав энергию в ладанку. В плену мне будет не до длинных волос.

– Ого! – вытаращился Леттенс, когда я подошла к клетке и собрала в накопитель и ее, предпочитая не обращать внимания на горячую ладанку и не задумываться, куда там вместились такая прорва энергии.

– Вперед, Сусанины, – презрительно бросила им, не вынимая рук из карманов. – На чем вы собирались везти меня на ваш Тегуэнь?

– На аржабле, – пробормотал Леттенс и тоскливо добавил: – Но ты должна была спать... или влюбиться в кого-то из нас.

– Я выбираю тебя, – сообщила я деловито. – Ты не такой трус и врешь меньше.

– Просто он осторожный, как крыса, – обиделся Инвелс, с интересом рассматривая мой костюм.

– Выбор сделан, – отрезала я, подхватывая Леттенса под руку и попутно меняя свой наряд на легкомысленное розовенькое платьице в оборочках и кружавчиках. Шляпка была ему под стать, с бантиками и атласными лентами. – Надеюсь, ты хорошо сыграешь свою роль и не будешь пытаться выдать охране нашу тайну. Красавчик, тебя это тоже касается.

– Я не дурак, – потрясенно рассматривая мой наряд, огрызнулся брюнет. – В отличие от тебя. Зря надеешься оттуда выбраться.

– А с чего ты решил, что я собираюсь бежать с вашего райского островка? – метнула я в него презрительный взгляд. – Если имею шанс договориться с вашим Клауртом? Он ведь человек очень умный и не станет варить суп из курицы, несущей золотые яйца.

– Надеюсь, они нам поверят, – хмуро вздохнул Леттенс, освободил руку и приобнял меня за талию. – Положи голову мне на грудь и блаженно улыбайся.

– От твоей груди пахнет потом, и так идти мне неудобно, – пробурчала я, выходя на крыльцо, но, заметив висящие за забором аржабли, счастливо захлопала в ладоши: – Ой, какие милые облачка! А как мы на них полетим?

И хотя колени чуточку дрожали, я свято верила Шейне, заявившей, что никто не сможет пробить защиту ее браслета и проверить мои истинные эмоции. Но все равно истово мечтала о деревце или кустике, за который могла бы поддержаться хоть секунду.

Вот только с этой стороны двор перед домом был выложен плиткой, и на ней не росли даже сорняки. Да и не прорваться мне сквозь живую преграду из аржаблей и сидящих в них магистров, которых теперь смутно ощущаю теплыми пятнышками.

Об аржаблях я прочла все, что нашла, еще ночью. Оказывается, больше ста лет назад один из местных магов попал в наш мир или в подобный ему. И там на путешественника самое неизгладимое впечатление произвели дирижабли, громадные, блестящие, с удобными кабинами, способные за раз переносить на дальние расстояния толпы пассажиров и многие тонны груза. Портила перспективу лишь необходимость создавать сложные механизмы и добывать недешевое в этом мире топливо.

Поэтому маги, загоревшиеся идеей после возвращения коллеги домой, решили создать магический дирижабль. В отличие от иномирного, назвали его аржаблем, а за основу взяли переносные домики пауков-летяг, сотканые в виде шариков из смазанной затвердевающим клеем паутины.

Огромные связки этих домиков способны при попутном ветре подниматься на значительную высоту и преодолевать огромные расстояния. Однако сами пауки были не лучшим дополнением к летательному аппарату, поэтому их умение делать пузырьки привили симбионту – полумразумной субстанции, живущей на мелких источниках магии и питающейся энергией. А для управления аржаблями построили башни, испускающие лучи магии в строго заданных направлениях.

Вновь созданное существо выучили постоянно наращивать слои легчайших пузырьков, создавать во внутренней полости каюты для путников и переходить от башни к башне по питающему их лучу энергии. Контролировали полет аржаблей маги уровня подмастерья, имеющие хоть небольшие способности к ментальному общению.

А сейчас в каждом из кучки аржаблей, плотно облепивших переулочек, ощущалось по два-три человека.

Поэтому я послушно брела рядом с Леттенсом, строя самые восхищенные гримасы и лихорадочно соображая, чем еще отвлечь загнавших добычу охотников от возможности действовать строго по утвержденному темным кардиналом плану.

И сразу поняла, что искомое решение передо мной, едва рассмотрела затерявшийся среди белых и бледно-серых собратьев аржабль нежно-розового цвета.

– Леттик, смотри! Розовенький! Мы же на нем поедem? Ну Леттик, ну миленький! – подпрыгивая как от нетерпения, капризно пищала я, увлекая мага к приглянувшемуся аржаблю.

– Можем и на нем, радость моя, – метнув по сторонам опасливый взор, приторно улыбнулся блондин и подвел меня к ложноножке, удерживающей летуна на месте. – Садись в это креслице, оно поднимет тебя наверх.

– А ты? Я без тебя не хочу! – капризно надула я губки. – А вон того Иуду не бери, он вредный.

– Не волнуйся, не возьму, – ехидно скривил губы блондин, явно считая это заявление моей крупной тактической ошибкой.

Откуда ему было знать, что в желудке Инвелса уже плескается литр теплого божоле, смешанного с текилой и пивом, убийственная смесь, по словам Наташки. Сама я такой гадостью никогда себя не травила, и это тоже заслуга Беса, но постаралась, чтобы раньше завтрашнего дня брюнет не проснулся.

И теперь жалела только об одном – что больше ничем не могу помочь Хаттерсу.

Подъемник резво вознес меня в розовое нутро аржабля, и его примитивное сознание тотчас потянулось к моей силе, найдя ее очень привлекательной. Но я не дала ни капли, пока рядом со мной не появился взъерошенный, мрачный блондин.

– Входи сюда, – раздвинул он передо мной створки каюты, как я про себя привычно называла совершенно не похожее на нее помещение.

– А ты? – снова наигранно закапризничала я, ощущая рядом присутствие еще одного мага. – Мне без тебя скучно!

– Скоро приду, – солгал Леттенс и нажал на стенку, заставляя аржабль убрать отверстие.

– Жду! – крикнула в никуда, вызвала кресло и плюхнулась в него, возвращая своей одежде походный вид.

Первая часть «мерлезонского балета» отыграна, и, надеюсь, достоверно.

Пару часов я просто сидела, закрыв глаза и всматриваясь в

окружающий мир ощущениями аржабля. Они не совпадали с нашими, но человеческий мозг – это самый гибкий и лояльный к незнакомым программам процессор. Ведь слышим же мы в голосе чтеца свист зимних вьюг и шепот ночного камыша над потоком. К тому же во мне, судя по всему, постепенно адаптировались особые способности шеосса, и местность, над которой мы пролетали, я видела почти как наяву.

Только находящиеся на земле предметы, луга, рощи, деревеньки и поля были плоскими, словно нарисованными, а вот потоки воздуха и магический луч казались почти осязаемыми. Но ярче всего чувствовались летевшие следом аржабли и путешествующие со мной маги.

Леттенса я нашла неподалеку, тихо спящего в каюте напротив. А вот пилот, замотанный в разноцветный кокон щитов, сидел впереди и постоянно посматривал в висевшее перед ним туманное оконце, в котором виднелось мое одетое в камуфляж тело, мирно лежащее на кресле.

И вот это было огромным промахом: не следовало мне показывать магам все свои возможности. Хотя они и так уже многое знали, но до сих пор хотя бы не догадывались, как обстоит у меня дело с резервом. А теперь постараются его истратить, если я правильно понимаю обстановку, исходя из опыта компьютерных боев.

И еще мне теперь с предельной четкостью ясно, почему дед всегда был против моего желания качать танка. Приходилось брать хила, хотя тогда это сердило невероятно, потому что его вырастить в разы труднее. Особенно если никто не помогает прокачивать левелы. Зато сейчас, имея большой опыт прохождения арен и данжей, я легко разгадывала намерения магистров, и оптимальные планы борьбы сами выстраивались в мозгу.

К концу четвертого часа полета мне захотелось есть, и я не стала себе отказывать в такой малости. Создала пару больших чебуреков и стакан кофе со сливками, плотно перекусила и потянула к себе энергию из окутывающего пилота кокона.

Попутно отдавая часть оживившемуся аржаблю. По моим расчетам, он как раз находился на максимальном удалении от башни Крихета и стремился встать на луч башни назначения. А мне нужно было помешать ему в этом и свернуть в сторону.

Не важно в какую, лишь бы вырваться из западни так, чтобы Хаттерс остался непричастен.

Мне даже карта не нужна, и не имеет никакого значения, где я заставлю летуна выпустить меня на волю. Лишь бы это было поле или лесок. Хватило свободы, на десять лет вперед наелась. И никакой любви пока тоже больше не хочу, только возможности привести деда и пожить

спокойно, пока он что-нибудь придумает. У него это получается лучше, чем у меня, достаточно вспомнить, как он сумел устроиться в совершенно чужом мире.

А я в родном, зная заранее, где и кого нужно искать, сумела вляпаться во все кучки, какие разложила на моем пути судьба.

Магистр почувствовал, что его обирают, когда на нем остался лишь жалкий воздушный щит, и принялся лихорадочно наращивать защиту. А я, пополнив до отказа свою безразмерную ладанку, потянула его энергию с удвоенной скоростью и начала полностью сливать в аржабль, одновременно пытаясь заставить его свернуть с луча.

Водитель сопротивлялся почти час, не иначе был увешан накопителями. И все же проиграл. Рухнул в кресло и уснул, не заметив снотворных пилюль, которые я десантом забросила ему в желудок. Все-таки целитель с опытом хила и знанием препаратов чужого мира – это сногшибательная смесь.

Несколько секунд я отдыхала, последний раунд дался не так уж легко, потом закрыла глаза и попыталась слиться сознанием со стремительно несущимся куда-то обожравшимся аржаблем. И похолодела, обнаружив, что он стоит на встречном луче.

Спросить, где и когда пилот умудрился меня переиграть, было не у кого, да и ответ на этот вопрос никакого значения сейчас не имел. Все равно аржабль не остановится, пока не доберется до башни, там его ждет особое угощение из питательной смеси. А я даже представления не имею, куда попаду, зато уверена, что там меня обязательно встретят магистры с Тегуэня.

Аржабли ведь – не единственный летающий транспорт этого мира, и отнюдь не самый быстрый.

С этого момента я больше не строила планов, зато упражнялась в созидании вещей и их поглощении. И через некоторое время поняла, что моя ладанка каким-то образом постепенно растягивается. Или это растет моя собственная способность накапливать и сохранять в себе энергию?

Разумеется, я догадывалась, что бесконечным этот процесс не может быть, и все время прислушивалась к себе и не давала ладанке нагреться слишком сильно. Но магию из аржабля тянула без стеснения, помня, что резко останавливаться они не умеют.

А когда почувствовала на горизонте теплую звездочку башни, то снова слилась сознанием с аржаблем, уговаривая его притормозить. Влепить летуна в башню или какое-то строение мне вовсе не хотелось; о том, что станет с ним в подобном случае, книжка умалчивала.

Плоская, какая-то ненастоящая крепость возникла впереди, и я стиснула зубы, мысленно тормозя, как на санках, и ногами, и руками. Не знаю, что сработало, опыт сравнительно маленького летуна или мои приказы, но аржабль замер, и я решительно поднялась с кресла.

А чего тут сидеть, все равно сдвинуть аржабль с места уже не удастся, а расправиться с ним магам ничего не стоит.

Ложноножка в этот раз оказалась короткой, и летун, явно обиженный тем, что лишился части энергии, почти вышвырнул меня на плиты узкой площади.

Она была совершенно пуста, и лишь впереди, на крыльце стоящего в глубине двора здания, виднелась закрытая мощными щитами фигура мага. Да еще несколько теплых пятен угадывались за ставнями второго этажа.

И идти можно было только вперед, лишь безумец решился бы под прицелом этих недружелюбных взглядов попытаться удрать через мощные запертые ворота.

Я и пошла, неторопливо и спокойно, рассматривая зубчатые стены в четыре роста высотой и убийственно узкие лесенки, словно не в плен сдавалась, а прибыла на экскурсию.

А они так же спокойно смотрели в щели ставен, незыблемо уверенные, что главный экспонат здесь сегодня именно я.

Глава двенадцатая

Пропась разверзлась под ногами внезапно, не оставляя ни малейшего шанса отпрыгнуть в сторону или ухватиться руками за край. И пока я летела в глубокий и довольно широкий колодец с идеально ровными стенами, лишь кое-где забрызганными чем-то бурым, власть над телом перехватило прятавшееся в глубинах подсознания существо.

Оно мгновенно вырастило пышную зеленую шерсть вместо одежды, создало воздушную подушку под ногами и нечто вроде купола, тоже воздушного, но непроницаемого для взоров, над головой.

Поэтому приземлилась я довольно благополучно, ничего не отбив и не сломав, как хотелось бы поймавшим меня в ловушку магам. Ведь просто невозможно упасть с высоты пятиэтажного дома на кучку слежавшейся сырой соломы и остаться целым, если не обладаешь сверхчеловеческими умениями.

Осознание этой простой истины мгновенно поставило меня и незнакомых мне магов, которым я не сделала ничего плохого, по разные стороны баррикад.

А на войне все средства хороши.

Но спешить я не собиралась, вооруженная опытом прохождения данжей. Едва сунешься в какой-нибудь зал или коридор, как оказывается, что только этого и ждала толпа различных мобов, сидящих по укромным уголкам.

А вот здесь я бы даже моба рассмотреть не могла: судя по неясной, слегка расплывчатой картине, в колодце царила полнейшая темнота. И никакого выхода отсюда не было. Я выяснила это минут за десять, проверив все стены округлого помещения, где явно для острстки валялось несколько неопознанных костей.

Но ведь такого просто не могло быть?

Элементарно прибить меня они могли бы и во дворе, обрушив шквал различных заклинаний, бежать оттуда мне было некуда. Да и не поняли бы их потом ни любознательные исследователи, ни коллеги-целители, ни те из магов, которые горячо мечтают присоединиться к толпе зеленых монстров, упорно сажающих синие дубы.

Значит, пора принять за рабочую версию, что сейчас меня просто пытаются запугать, сломать духовно, раз не получилось в прямом смысле, и склонить к покорности и безоговорочной капитуляции.

А вот индейская вам хижина.

Хотя я и родилась в этом мире, но выросла на русской земле, с детства впитав русский дух и русскую гордость и свободолюбие. И просто зверела, когда меня пытались принудить к чему-то силой, как европейцы – санкциями. В том мире меня всегда интересовало только одно: почему русские дипломаты так вежливы и тактичны, так скромно отвечают на безумные обвинения и злобные выпады озверевших забугорных господ?

И хотелось всего на пять минут стать кем-то вроде Лаврова или Захаровой. Нет, на ее месте я не стала бы петь и танцевать врагам «калинку». А просто спросила бы, неужели господа французы, поляки и прочие европейцы на самом деле наивно считают, что если бы Россия не победила в Великой войне, то кто-нибудь сейчас, через столько лет, помнил, что когда-то были на свете такие страны, как Франция, Польша, Дания, Норвегия, Бельгия, Югославия, Греция или Голландия? Ведь немцы их для того и захватывали, чтобы сделать своими рабами на фермах и фабриках, а вовсе не планировали когда-то возвращать независимость. Точно так же как только редкие специалисты да археологи помнят про свободолюбивые племена пуэбло, чероки, папага, сиу. А вместе с ними – о майя, ацтеках и прочих, исчезнувших с лица земли народов.

«Жаль, не было у меня тогда возможностей шеосса», – вздохнула, заподозрив, что не стоит считать, будто выхода нет вообще, если он не обнаружен на одном уровне с дном колодца. Потайной выход вполне может найтись выше.

И оказалась права: замаскированная под камень дверь отыскалась примерно на высоте третьего этажа. Попавшим сюда пленникам можно было даже не надеяться влезть туда с переломанными ногами. Да и ни один маг с истраченным на излечение резервом тоже не добрался бы.

А я все-таки влезла, но сначала позаботилась о собственной безопасности. Первым делом проверила колодец на наличие магических «жучков» и вскоре нашла около десятка на разных уровнях. И снова порадовавшись обретенному умению шеосса, просто вытянула из них магию.

Нужно будет при встрече сто раз сказать Шейне спасибо, и плевать, что здесь это не модно. «Мода приходит и уходит, а человеческие ценности остаются», – говорила Клавдия Степановна, с особым шиком носившая старинные ридикюли и шляпки, надевавшая весной не куцую ветровку, а роскошный длинный пыльник цвета розового жемчуга.

Проверив обнаруженные за стенкой колодца коридоры и помещения, я потихоньку слезла и снова села на лично созданный стульчик, пытаюсь

сообразить, как лучше поступить.

О том, чтобы попытаться прорваться в том месте, где я ожидала найти выход, больше не могло быть и речи. Там в каждой комнатке или камере светились пятна тепла, и не важно, кто там был.

Просто охранники или заключенные и стража. На такую толпу мне не хватит никакой энергии.

Нужно идти другим путем, и как можно скорее, пока магистры думают, что маринуют запуганную, ошарашенную девчонку, и выжидают удобный момент. Или надеются, что я скоро начну страдать и плакать. Ведь есть же среди них кто-то вроде эмпата?

Сложнее всего оказалось выбрать направление. Когда мы подлетали к башне, я была очень занята, но все же смутно помнила, что крепость стоит на холме, и значит, в какую бы сторону я ни попыталась проложить подземный ход, когда-то неизбежно выйду на склон. И вполне вероятно, что склоны холма за крепостью круты и обрывисты, да и идти туда намного дольше. Кроме того, там может находиться река, или болото, или вообще скала. Но это только сказать легко. Во-первых, я даже примерно не представляю, сколько магии нужно, чтобы проделать хоть узенький лаз, а во-вторых, мне совершенно не хочется вывалиться прямо под несветлые очи магистров.

К тому же, пока я бродила здесь кругами, у меня сбилась ориентация в пространстве. И теперь не имею никакого понятия, в какой стороне замок, а в какой – стены. Прежде чем выбрать направление, мне как-то нужно определиться со сторонами света.

Не надеясь ни на чудо, ни на удачу, я прислонилась к гладкому камню, положила на него ладони и даже глаза зажмурила, пытаясь отыскать в толще пород хоть какой-нибудь намек на близость склона или прохода.

И почти растворилась слухом, ощущениями и каким-то неизвестным чувством в прохладной глубине безмолвного и безответного пространства, постепенно поворачиваясь и скользя вдоль стены и не находя ничего, похожего на вожделенный путь к спасению. Всего один раз мелькнуло в недрах холма даже не тепло, а намек на него, и тотчас пропало.

А я все брела и брела, силясь проникнуть обострившимися чувствами как можно дальше, и когда уже заподозрила, что завершила круг, вновь почувствовала то самое неверное тепло. Теперь оно было чуть насыщеннее, и я еще пыталась понять, чем это объяснить, моим усилившимся восприятием или сокращением расстояния, как теплое пятнышко вдруг разделилось. И то, которое было слабым, осталось на месте, а более яркое начало быстро удаляться.

«И что же это может значить?» – замерла я в напряжении, как гончая собака, учуявшая след дичи.

Похоже, только одно: еще один колодец. И там тоже сидит преступник, но к нему приходит кто-то, кто может свободно передвигаться по проходам. Стражник или палач, выбор тут невелик. И мне нужно именно туда, все равно ближе ничего найти не удалось. А раз его уже проведали, то у меня будет в запасе несколько часов.

Разумеется, я понимала, как зыбки и ненадежны предпосылки, отталкиваясь от которых, я делаю эти выводы, но ничего другого, более правдоподобного, просто не приходило в голову.

И я решилась. Отметила направление и, прежде чем начинать прокладывать тоннель, с огромным удовольствием превратила и подлую крышку люка, через который попала в ловушку, и найденную выше дверцу в монолитную скалу. Пусть попотеют, пока сюда доберутся.

А потом создала большого, сантиметров семьдесят в диаметре, крота с алмазными когтями и клыками, способными прогрызть любой камень. Но предусмотрительно заложила в него верность мне и готовность выполнять любые распоряжения. Указала направление будущего тоннеля, высоту входа примерно полтора метра от пола и благоразумно отошла в сторону.

Он вгрызся в стену с хрустом горнодобывающего комбайна, а я села на стул и принялась ждать, попутно обдумывая технические детали тоннеля и внося поправки в ход работ. Например, велела ему изредка пятиться назад и растаскивать выкопанную породу по колодцу.

Довольно скоро я убедилась в правоте своих предположений: каменными были только стенки моей ловушки, а холм – глиняным. Через некоторое время заваленный сырой глиной пол сравнялся по высоте с отверстием, потом глина выросла со всех сторон крутыми горками, которые крот старательно утрамбовывал, пока я сидела на корточках в тоннеле. Наконец мне это надоело, и я велела ему отрыть для меня небольшую каморку возле того места, до которого он докопал проход. И едва она была готова, превратила стул в энергию и перешла на новое место.

Отсюда клочок тепла ощущался намного отчетливее. И пока я, загородив щитом выход в тоннель, чтобы снующий туда-сюда крот не засыпал меня глиной, следила за ним, узник так и оставался в одиночестве. И более того, был странно неподвижен, заставляя сомневаться, не к монстру ли я иду?..

Эти подозрения заставили меня предпринять особые меры предосторожности, и, когда крот заскрипел клыками, дробя толстую каменную стену, я уже держала наготове не раз опробованное в боях

станящее заклинание «плеть обездвиженности».

Однако оно не понадобилось.

Просто не на кого было бросать. Пленник, лежавший вниз лицом на решетке из потемневших от времени реек, был привязан к ней за руки и за ноги и небрежно прикрыт грязной тряпкой.

И судя по худым и грязным конечностям, не имел никакой одежды, кроме этой тряпки. Больше в камере вообще ничего не было: ни светильника, ни стола, ни кружки с водой. Лишь дыра в полу под решеткой да несколько лужиц вокруг. Видимо, его изредка обливали холодной водой, и это бессердечное обращение с беспомощным человеком мгновенно добавило ноликов к счету, который я мысленно писала на магистров острова Тегуэнь.

Но сначала необходимо было разобраться с кротом и выяснить, что с арестантом. В центре его спины я ощущала жаркую искру боли.

Крота, подумав, решила пока оставить и сделала ему внушительную кучку мороженой рыбы, почему-то изначально постановив, что это будет его любимая еда. А потом создала узнику боксеры и сдернула с него сырое и холодное тряпье.

– Что-то рано ты пришел, – с трудом ворочая языком, произнес вдруг несчастный, – бывший друг Жетмос.

– Это не он, – пробормотала я, радуясь, что тут темно.

Мне свет не нужен, а в шкуре шеосса очень удобно, но ему этого видеть пока не следует.

– А кто? – В голосе не было никаких эмоций.

Ни интереса, ни радости. Даже страха. И это показалось мне самым ужасным.

Это сколько же нужно издеваться над человеком, чтобы он начал с таким равнодушием относиться к жизни?

– Пока такой же узник, – мирно проговорила я и осторожно осведомилась: – У тебя ноги двигаются?

– У меня только челюсть двигается. – В нарочито бесстрастном голосе скользнула тонкая нотка горечи.

– Тогда на, пожуй, – сунула я пленнику кусочек колбаски, но узник неожиданно стиснул зубы:

– Пошел прочь, щенок! Я за мясо не продаюсь.

– Не щенок, а девушка, – вздохнула я, мысленно методично проверяя его позвоночник. – А у тебя в двенадцатом позвонке торчит тонкий штырь, и на него завязано какое-то заклинание. Ты не в курсе, что это? Я могу его убрать, но как бы не навредить еще сильнее. Лекарь из меня пока

слабенький.

– Хуже не будет, – помолчав, процедил узник.

– Как скажешь. – Я уже почти привычно растворила магию стержня и веревок, полюбовалась, как исчезает жаркое пятно боли, и слила энергию в ладанку.

А потом бросила щедрую порцию магии на очищение худого тела узника и создание ему такого же, как у меня, камуфляжа. Устраивать сейчас несчастному душ – не самая лучшая идея.

Но он об этом и не подумал. Первым делам осторожно покрутил кулаками, разминая затекшие мышцы, и осторожно покосился в мою сторону:

– Ты видишь в темноте?

– Да, – нехотя призналась я. – И свет пока создавать не буду. Эти магистры тут везде следилок насовали.

– Вообще-то, я тоже магистр, – бросил он пробный шар.

– Я говорю про тех, кто живет в этом замке и прячет сюда неугодных. Таких, как ты.

– Девушка... – усмехнулся он хмуро. – Ты ведь тоже маг?

– Я тут в первую очередь узник, – не попалась я в простую ловушку. – И потому тебе помогла.

– Дай тот кусочек...

– Вот, – создав целую палку полукопченой колбасы и батон хлеба, сунула ему. – Ешь и рассказывай, что ты знаешь про этот замок.

Он поднес колбасу к носу и целую минуту нюхал, закрыв глаза, затем так же долго нюхал батон. А после, так и не откусив, опустил руки и снова усмехнулся. Горько и безнадежно.

– Про этот замок я знаю все. Он мой. И про узников все знаю. Несколько лет искренне считал, что делаю для братьев важное дело, помогая убедить бунтарей и провокаторов в их неправоте. Забери свой хлеб... и можешь снова меня привязать.

– А кол тебе в спину тоже предлагаешь воткнуть? – зло поинтересовалась я. – И кроме того, как мне кажется, в один прекрасный день ты и сам сообразил, что тебя используют вовсе не для благих дел.

– Ты говоришь, как воспитанница гимназии для знатных эйн, – с легкой усмешкой сообщил узник и наконец откусил кусок колбасы.

– Учитель вчера сказал то же самое, – невольно вздохнула я.

– Кто твой учитель?

– Хаттерс. – Скрывать то, о чем знают все снующие где-то над нами маги, я не собиралась, шестым чувством ощущая, что этот страдалец мне

пока не верит. – Меня зовут Варьяна Теонс.

– Первый раз слышу, – напрягся он.

– Не сомневаюсь. Хотя ты наверняка один такой остался, сегодня я у них знаменитость. Чтобы забрать меня и отправить на Тегуэнь, к дому Хаттерса пригнали целый десяток аржаблей и двух сногшибательных красавчиков.

– Как их звали?

– Почему звали? И сейчас зовут. Блондина – Леттенс, а брюнета – Инвелс. Но давай я тебе все это позже расскажу? Сначала уйдем подальше. Ты мне только подскажи, в какую сторону копать.

– А свет можешь зажечь?

– Раз очень нужно, то могу, – согласилась я.

А почему бы и не сделать светло, если уже нашла все следилки и заклеила черной смолой. Но прежде чем зажечь свечу, убрала шкуру шеосса и вернула себе родной камуфляж. Да отправила крота в прорытый им тоннель, нечего пугать узника такими чудищами.

– Какой-то странный у тебя свет, – искоса рассматривая меня, пробормотал мужчина, сразу обретший яркость.

Хотя его это особо не изменило. Лицо бледное, с заострившимся носом и синими кругами под глазами и вокруг рта, спутанные пряди неровно обкорнанных волос висят грязными сосульками, руки прозрачные, как у узника замка Иф. Ну вылитый граф Монте-Кристо.

– Зато надежный, – огрызнулась я, вставляя свечку в выросший из стены подсвечник. – И давай ближе к делу. Когда они к тебе придут?

– Скоро, – закаменел скулами бывший хозяин замка. – Стержень, который ты убрала, не только парализовал мои конечности, но и доставал до узла магического сплетения и постоянно сливал энергию.

– Тогда рассказывай, куда лучше копать, чтобы попасть на склон. Лучше на тот, где растут деревья, – велела я. Заметив сомнение и нерешительность во взгляде серых глаз, с укором добавила: – И думай быстрее, мне еще учителю помочь нужно и его воспитанникам.

– Откуда ты взялась? – по-прежнему медлил он.

– Из другого мира, – ответила чистую правду. – Но давай вечер откровений устроим позже? У меня не так много силы, чтобы сражаться с твоими бывшими друзьями. Хотя драться вообще не люблю, культурные люди должны уметь решать свои проблемы цивилизованно.

– Хорошо, – оглядев меня изумленным взором, наконец согласился пленник. – Деревья есть на северном склоне, там овраг. Но если магистры догадываются, что ты пойдешь именно к деревьям, то там нас будут ждать.

– Вот засада, – огорченно фыркнула я и пристальнее взгляделась в его лицо. – Но мне почему-то кажется, что у тебя есть другой план.

– Да. В замковом саду тоже немало растений, и про них наверняка не забудут. Но есть одно дерево, о котором не вспоминает даже садовник. Молодая цветущая липа стояла здесь, когда мой дед возводил этот замок, и не одно столетие украшала внутренний дворик. Но однажды в грозу сгорела. Пенек обточили в виде статуи, и все считают его просто произведением искусства. Но раз в десять лет весной из него вырастает побег и дает гроздь необыкновенно крупных и душистых цветов. Вот до этого места мне добраться проще всего. Я знаю подземную часть замка наизусть и могу пройти так, чтобы не столкнуться ни с одним из магов. Но у меня два вопроса...

– Давай, – смерив его укоризненным взглядом, ответила я.

– Ты даже не поинтересовалась, – прищурился узник, – о чем я хочу спросить?

– А зачем спрашивать, если у меня все равно нет выбора? – резонно возразила ему. – Хочешь не хочешь – придется соглашаться на любые условия.

– Извини, – помолчав, процедил Монте-Кристо. – Просто твое появление очень напоминает дешевый спектакль.

– Но ты ведь не дурак, – уставилась на него с надеждой, – и должен понимать, что чем больше я буду доказывать, тем больше у тебя будут расти сомнения? Может, просто пойдем спасаться?

– Тогда выполни мою просьбу – дай попить и скажи, откуда тут дыра?

– Котя прокопал, – подавая магу большую кружку с витаминным коктейлем, коротко пояснила я и ради доказательства позвала: – Котя, иди ко мне!

Не знаю, откуда взялось это имя, но кроту шло необычайно. Выскользнув из тоннеля, он ловко поймал крупную рыбину, блеснув алмазными клыками и смысленными глазками. Создать его слепым у меня просто не поднялась рука.

– Это Котя? – запнувшись, выдохнул Монте-Кристо, открывать подлинное имя он почему-то упорно не желал, и тут же поинтересовался: – А что у него с зубами?

– Они алмазные, – сообщила я терпеливо и снова напомнила: – Куда идем?

– Нужно пройти коридором до лестницы, подняться и открыть дверь, – наконец отвернулся он от крота и взглянул на меня испытующе: – У тебя есть хоть один атакующий амулет? Я сейчас плохой помощник.

– Так поэтому ты и тянешь время? – догадалась я и обозлилась. – Лучше покажи мне на макете, где эта липа. Потом обсудим план.

И создала туманный макет холма и стоящий на нем замок.

– Дом не такой, – пробормотал узник. – Вот тут крыло заворачивает влево.

– Откуда мне было знать, – хмуро огрызнулась в ответ, – если я его только с той стороны видела? И всего пару минут, потом свалилась в колодец.

– Ты шла от ворот? – помрачнел он.

– От башни аржабля.

– Подлецы... – скрипнул зубами Монте-Кристо, умело меняя на моем макете очертания дома. – И что сказали, когда пришли?

– А прийти они не успели, – фыркнула я насмешливо. – Мне удалось нащупать твою камеру и прокопать ход.

Узник на несколько секунд завис, и, судя по всему, прежние сомнения снова подняли в его душе свои змеиные головы, но мне было не до его тараканов.

У меня возникла новая идея, и я приступила к ее исполнению.

Но чтобы нечаянно не оскорбить и не насторожить нечаянного сообщника секретностью, озвучивала каждое свое действие.

– Дверь лучше приварить, а лестницу заложить камнями и забетонировать, – перечисляла я, поглядывая на макет, на котором появлялись крохотные подземные тоннели, как ходы древоточцев, пронизывающие вершину холма.

Потом замигала светлая точка, сидящая в тупичке, и мне сразу стало понятно, что это мы. Покрутив макет, я попросила показать подвал, куда можно идти без опаски, и мысленно провела прямую линию. А потом так же мысленно вложила ее в мозги Коти, и он, ринувшись в угол, вгрызся в камень стен.

– Теперь можем минут пять отдыхать, – объявила узнику и задумалась о том, куда крот будет девать выкопанную глину.

А попутно возникла и более прозаичная проблема, и, сложив их в одну, я нашла отличный выход. Собрала в ладанку магию из висевших на двери с той стороны увесистых замков, заодно сняла все засовы и создала в дальнем конце коридора, там, где недавно была лестница, кабинку с удобствами.

– Меня не теряй, приду через минуту, – предупредила я, поставив на стол блюдо с отварной курицей и кружки с бульоном.

А когда вернулась, возле его тарелки лежала лишь кучка костей и

стояла пустая кружка. А на моей тарелке скучал одинокий окорочок.

– Если хочешь, создам еще еды. Лишь бы тебе не стало плохо. После голодовки вредно сразу сильно наедаться.

– У меня есть способности целителя, – как-то криво улыбнулся Монте-Кристо, – и переест не страшно. А мясо нужно.

– Тогда ешь, – создавая хлеб и тарелки с икрой и ветчиной, согласилась я.

– Сначала погуляю, – направился он к двери, и я снова пожала плечами.

Да сколько угодно. Пока Котя не завалил глиной, все будет работать. Вот только эта глина очень сильно задерживает его продвижение: пока он выкопает отрезок хода, пока ее вытолкает, а потом вернется... как жаль, что нельзя запустить какой-нибудь транспортер, я видела такие в каком-то кино про шахтеров.

– Теперь я верю, что ты из другого мира, – вернувшись, снова сел к столу узник. – Ни одна из женщин нашего мира не сумела бы сыграть такое поведение.

– Чем тебе не нравится мое поведение? – возмутилась я, и он внезапно развеселился.

Правда, смеялся как-то грустно и почти сразу стал серьезным.

– Дело не в этом. А в том, верю тебе или нет.

– Монте-Кристо! – оскорбленно уставилась на него, не донеся до рта ложку с икрой. – Я понимаю, что тебя тут целенаправленно сводили с ума, но, судя по всему, старались они зря. Ты можешь рассуждать вполне логично.

– Да я уже рассудил, – снова коротко хихикнул он. – Не беспокойся, больше тебя проверять не стану. Только скажи, почему ты меня так зовешь?

– Был в том мире знаменитый узник, – буркнула я. – Много лет сидел в подземном каземате. Подожди!..

Мне вдруг пришла в голову замечательная идея, как ускорить наше продвижение вперед. Полсотни муравьев ростом с ворону выползли из первого прокопанного Котей тоннеля и ринулись в новый ход, как грачи на пашню. А через несколько секунд уже побежали обратно, таща на спине плотные комки глины. Это крот, получивший новый приказ, уплотнял выкопанный грунт задними лапами и отшвыривал от себя, безостановочно вгрызаясь в глину.

– Наверное, в том мире ты была сильным магом, – задумчиво рассматривая шустрых мурашей-гигантов, пробормотал Монте-Кристо, нагло сменив тему о своем имени.

– Промахнулся, – весело фыркнула в ответ. – Никогда я не была магом, кроме вирта.

– Не понимаю, – подумав, признался он, не замечая, что уже скребет ложкой по дну миски.

– Нету там магии, – пояснила я и печально вздохнула, вспомнив деда. – Почти. Очень редко встречаются совсем чахлые источники, да на глубине по разломам коры в геомагнитной сети чувствуется слабое излучение. Но добыть его трудно.

– Сколько тебе лет? – вдруг заинтересовался сотрапезник.

– В том мире было примерно двадцать три, а в этом, как мне сказали, всего двадцать, годы здесь длиннее. Да и сутки тоже.

– И зачем ты сюда пришла?

– Странный ты человек, Монте-Кристо, – возмутилась я. – Не кормил, не поил, баньку не топил, постель не стелил, а вопросы задаешь.

– Э... – завис он на целую минуту. – Но ты же понимаешь, что у меня сейчас энергии не хватит создать еду? И я вообще не созидатель. У меня способности в магии целительства, иллюзии и немного эмпатии. Иначе я не собирал бы капли воды...

Он резко смолк и отвернулся.

– Извини, – тотчас раскаялась я, – это шутка такая. Вернее, сказка, у нас ее даже дети знают. Все время забываю, что у нас с вами не совпадает информационный запас, да и мировоззрение тоже не всегда, не говоря уже об общих темах для юмора.

– Как я понимаю, – подумав, сказал он, – ты обиделась, что я не сказал своего имени. Но мне просто не хотелось, чтобы ты судила меня по нему, за последние три года я сумел выпачкать его так, что родной отец проклял и ушел из дома.

Некоторое время я молчала, взвешивая эти слова и пытаюсь поставить себя на его место, потом сообразила, чего он ждет, и вздохнула, не зная, как объяснить свою смутную догадку.

– Монте-Кристо, – наконец решилась я на откровенность, – я в этом мире всего шестой день. И уже успела совершить столько ошибок, что мой дед не найдет приличных слов, когда об этом узнает. У вас тут на первый взгляд все просто и мило, а начнешь вникать – такой же беспредел, как у нас. Но я пока слышала нелестные отзывы лишь про одного человека, его имя Клаурт.

– Нет, – твердо ответил узник в ответ на мой испытующий взгляд, – слава светлым силам, я не Клаурт. Меня зовут Данерс Эсхонс Дерлит. И последнее имя лучше вслух не произносить, меня ненавидят все маги,

которые знают или догадываются, каким чудовищем я был еще... а какой сейчас наверху период?

– Извини, Данерс, но разобраться в этом я пока не успела. Явно начало лета, наш повар приносил с рынка молодые овощи, а в садике начинали спеть первые яблоки.

– Значит, – помрачнел он, – я тут уже три периода. Наш год делится на восемь периодов, и каждый – еще на две доли. Когда я отказался выполнить приказ Клаурта, еще бушевали зимние ливни первой доли восьмого. А сейчас, судя по яблокам, уже первая – третьего периода.

– И они не пытались тебя уговорить или заставить?

– Команда защиты населения от магических преступлений за три года, пока я был главным инквизитором, – нехотя буркнул Данерс, – ни разу не применяла откровенное принуждение. Мы могли очаровать, подкупить или припугнуть, намекнуть на неприятности, создать видимость или даже иллюзию наказания, не больше. Но и этого многим хватало, чтобы согнуться и сдаться. А когда один из магов не сдался, Клаурт велел мне привезти на остров его дочь... и определить в дом развлечений. Вот тогда я и сам превратился для них в бунтаря, смутьяна и саботажника. И на мне отыгрались все, кому я где-то помешал. Только не думай, я не жалею. Когда оказался на этой решетке и сполна прочувствовал все унижение и бессилие узника, у которого нет даже надежды на справедливый суд, то первым делом во всем обвинил себя. Я был ничем не лучше их, а в том, что не позволял никому переступать неочерченных границ, заслуга отца, воспитавшего во мне неприятие насилия. Зато в том, что оно бывает разным, не сумел разобраться я сам. Может, все-таки пойдешь одна?..

– Данерс, – вскипело во мне возмущение, – ты за кого меня принимаешь?! Это только подростки да замшелые эгоисты рассуждают с позиции юношеского максимализма. По их мнению, все люди могут быть в душе либо совсем белыми, либо черными. А я придерживаюсь мнения Шрека, что мы как лук – многослойные. И кроме того, имеем тенденцию меняться в лучшую или худшую сторону, в зависимости от обстоятельств и условий социума.

– Спасибо, – снова засмеялся бывший инквизитор, – ты объяснила очень хорошо. Я, конечно, не знаю, кто такой Шрек, но хотел бы с ним познакомиться.

– Он огр, и он из мультика... – смутилась я, даже не заметив, что говорю на русском языке.

– А ты так и не сказала, зачем сюда пришла, – сделав вид, будто ничего не заметил, осторожно напомнил Данерс.

Рассказывать свою историю пока не хотелось, но коротко ответить все же пришлось:

– Я здесь родилась. А туда попала случайно и теперь вернулась.

Он задумался... и под эту задумчивость съел еще миску созданных мной пельменей.

Глава тринадцатая

Вскоре мураши, успевшие до потолка засыпать глиной ведущий к лестнице длинный коридор и последний отрезок хода из моего колодца, начали складывать сырые комья вокруг нас. Пришлось приказать Коте выкопать нам сбоку от тоннеля, где он работал, небольшую пещерку.

– Может, влезем на стол? – предложил, очнувшись от мыслей, узник.

– Лучше сделаем по-другому. Там Котя сейчас копает в конце тоннеля пещерку, переждем в ней.

– Мы находимся под подвалами, – забеспокоился Данерс. – Здесь слой глины тоньше и может просесть в любой момент. Поэтому в этих ходах лучше не сидеть.

– Попробуем укрепить своды, – решила я, вспоминая лекции по горному делу, и недолго думая создала под потолком на всем протяжении от камеры до выкопанной Котей ниши воздушный щит.

И сразу почувствовала, как похолодела ладанка. Значит, нужно собрать энергию из всего, что было создано недавно, возникло привычное решение.

– Идем.

Узник едва успел встать, как его стул и стол с посудой исчезли. Вместе с удобствами и подсвечником. Свеча перекочевала в руки мага, и ему же я предоставила почетное право первому ползти по тоннелю. Но едва Данерс опустился на колени перед огибающим его ручейком комьев глины, в моей голове родилась новая идея.

– Подожди!

Мураши новый приказ исполнили четко, как рота элитных войск на параде. Бросили в кучу глину, разделились и построились в две колонны по трое в ряд.

Создать два тонких валяных коврика не составило труда, потом я положила один на ближайшую колонну и легла вниз животом на получившуюся платформу. Попутно просчитывая в уме, сколько моих килограммов придется тащить каждому гигантскому насекомому и не слишком ли их мало.

Оказалось – в самый раз. Едва я устроилась, мураши бодро ринулись вперед, унося меня в пещеру. К приезду инквизитора там уже стояли два узких шезлонга и свисал с потолка маленький столик. И как только бывший узник осторожно устроился на своем месте, я убрала бо́льшую часть щита с оставшегося за нами тоннеля и вздохнула с облегчением – ладанка снова

стала теплой.

– Уже близко, – прислушавшись к чему-то, пояснил мой сообщник. – Как ты, наверное, догадываешься, все маги строят свои жилища на источниках и привязывают их к себе ритуалом объединения... по многим причинам. Поэтому я получал магию даже в закрытой камере, хотя и мало. Именно из-за этого ритуала меня и прикололи к лежанке – набрав полный резерв, я мог бы попытаться вырваться на свободу.

– Ну вот вырвешься ты сегодня, – задумалась я, – и что будешь делать? Начнешь им мстить?

– Насчет мести я пока не думал, – усмехнулся Данерс угрюмо. – Но вот выкинуть их из своего дома, освободить всех, кто сидит по камерам, и помириться с отцом мечтал долгими ночами... или днями. Они нарочно приходили всегда в разное время, иногда никого не было по двое-трое суток, а иногда врывались каждые полчаса. Не смотри так, жалости я не жду, просто объясняю, почему считал большой глупостью лелеять в душе несбыточные мечты.

Некоторое время мы молчали, грызли орехи и сухофрукты, пили апельсиновый сок и горячий чай.

Благодушное настроение разлетелось вдреизг вместе с тишиной. Где-то глухо рявкнул взрыв, и холм содрогнулся, как от землетрясения.

– Неужели они додумались обрушить замок? – едва слышно прошептал побелевшими губами Данерс.

– Надеюсь, они не такие дураки. – Больше мне нечем было его успокоить, хотя и сама думала точно так же.

Вот только сделать пока ничего не могла, лишь выдала Коте приказ копать быстрее. Помню, чем оканчиваются взрывы домов. Пожарами и прорывами водопровода. Хотя, возможно, в этом замке никаких труб и нет.

– Данерс, у тебя в замке есть водопровод? – Вот ведь вроде совсем простой вопрос задала, почему же он смотрит так озадаченно?

– Ну... – помявшись, ответил осторожно, – смотря в каком смысле.

– А разве он может быть в разных смыслах? – Теперь зависла уже я, но, подумав, решила объяснить как-нибудь попроще: – Вот у нас водопровод в основном центральный. То есть стоят где-то на реках или скважинах насосы и качают воду всему городу. И холодную, и горячую. И если дом взрывается, то трубы лопаются, и вода заливает подвалы.

– Понял, – выдохнул Данерс с облегчением. – В моем замке насос тоже есть, работает от накопителя, но воду качает только по приказу. Иначе никакой энергии не хватит. Поэтому затопить нас не может.

– И то хлеб, – буркнула я. – А пожар? Если стена упала, а в кухне

горел огонь?

– Летом на огне никто не готовит, есть магические плиты, – объяснил хозяин замка. – И кроме того, от пожара дом защищен. У меня вообще защита сильная.

– Тогда чего ты переживаешь? Раз они не могли разрушить дом?

– Но мы ведь ощутили взрыв? И я даже не сомневаюсь, что взрывали ту часть замка или дома, куда мы не должны были добраться. Среди них дураков нет, Варьяна, – серьезно глядел на меня бывший инквизитор. – Ты же видела Леттенса и Инвелса? Оба были в моей команде. У каждого очень сильна способность к очарованию, а Леттенс к тому же имеет дар вызывать доверие и сочувствие.

– Понятно, – усмехнулась я, припомнив, как слащаво улыбались мне эти мачо. – Но в таком случае, как только мы попадем в подвал, я отправлю вперед мурашей. А за ними Котю. Потом иду я, последним – ты. И не спорь, умные герои – это живые герои.

– Варьяна, – хмуро вздохнул Данерс, и мне стало ясно, что мой такой хороший план не прошел, – ты все правильно рассудила. Но это мой замок, и защиту на него ставил я. А твоих мурашей она сожжет и не заметит.

– Это хорошее замечание, – похвалила я и задумалась. – Значит, с этого момента они станут негорючими и самовосстанавливающимися. Все чешуйки и панцири пусть содержат асбест, а регенерация будет почти мгновенной. Ну а еда... Пусть едят кухонные отходы и всякие подпорченные плоды, ветки, листья. Будут лесными санитарями.

Остальными качествами вроде чистоплотности, способности размножаться делением и лояльного отношения к людям и всевозможным животным, кроме саранчи, медведок и прочих вредителей, с которыми так рьяно боролся дед, я наделила мурашей-гигантов без сомнений, осознав, что у меня просто не поднимется рука превратить их в энергию.

Посмотрела на глину, больше не рыжую, а серую, с вкраплениями песка и камней, которую таскали из-под лап Коти уже получившие новые качества носильщики, и поняла, что крот тоже нуждается в дополнительной защите и регенерации. И еще в способности быстро бегать, передавать информацию и исполнять мелкие поручения.

В следующий раз постараюсь так опрометчиво не создавать живых существ. Как выясняется, имеющим способность созидания магам очень трудно, почти невозможно уничтожить свое живое творение.

В подвал Котя вырвался как-то неожиданно. Раздался громкий стук обломков стены, зашуршали какие-то ветви или солома, и в пещерку ворвался запах сухих трав.

– Мураши, ко мне! – призвала я, вскакивая с шезлонга, но магистра опередить не сумела, он первым оказался возле дыры, громко именуемой выходом.

И обойти его тощую, но высокую и плечистую фигуру тоже не удалось. Да я и спорить не стала, принимая резонность его доводов. Но пусть не думает, что может мной командовать. Такое право пока есть только у Беса да у Хаттерса, и то лишь потому, что я убеждена в их мудрости.

По подвалам наша дружная команда почти бежала, но, покидая выкопанный проход, я все равно собрала всю энергию, какую смогла. И в подземных комнатках и коридорах не мелочилась: обирала все замки и следилки, которые научилась отличать по холодноватому щекочущему ощущению.

Данерс мчал вперед не оглядываясь и, похоже, уже забыв про нас, но мы про него помнили и не отставали. И потому едва не сбили мага с ног, когда добрались до арки, за которой виднелось узкое, круглое помещение, заваленное камнями.

Я осторожно протиснулась мимо застывшего изваянием магистра и заглянула внутрь. Верхней части стен и потолка не было, они кучей лежали в центре, а вместо крыши сияло сотнями звезд густо-синее ночное небо.

Красиво... и печально. Как я помню из истории прежнего мира, разрушают чужие жилища, храмы и статуи лишь ведомые навязанной идеей и жадностью озлобленные фанатики. Все они, как правило, обладают примитивным мышлением и лишены способности испытывать лучшие человеческие чувства. Такие, как сострадание, доброта и отзывчивость. И очень обидно осознать, что и этот мир не без таких уродов.

– Это башня источника, – с горечью пробормотал Данерс. – Если срочно не расчистить, он может найти другой выход.

Вот теперь и мне стало ясно, зачем магистрам понадобилось рушить чужое жилье. Они просто боялись, что мы сюда доберемся и станем мощнее. Значит, мой Монте-Кристо и в самом деле сильный маг, раз враги решились остаться без магии. Или... Додумать последнее предположение я не успела, оглушенная новой догадкой.

– Так чего тогда мы тут стоим? – как сумела властно рявкнула на мага, убитого потерей воделенной энергии. – Быстро веди меня к дереву!

Объяснять ему, что это место может быть изощренной ловушкой, а его бывшая команда, вероятно, только и ждет, когда мы начнем тут копать, чтобы нанести последний удар, просто нет времени.

– Конечно, – сухо вато согласился Данерс, решительно отвернулся от разрушенной башни, и мы снова побежали.

Проносясь по пустынным подвалам, потом по лестницам и узким коридорчикам явно черной половины дома, я постоянно прислушивалась к нарушаемой только нашими шагами тишине и бдительно оглядывала все углы и подозрительные местечки.

Но лишь очутившись на низком каменном крылечке, за которым начинались коротко подстриженные декоративные кустики и цветы, отчетливо осознала, как лоханулась. Ведь кроты – очень чуткие животные и могут находить в толще земли махоньких червячков. Так почему мне не пришло в голову добавить Коте умение издали ощущать всех живых существ?

Хотя сделать это никогда не поздно... Ворча про себя, подозвала Котю и добавила ему новую способность, а заодно и способ сообщать мне о любом приблизившемся человеке.

Затем придирчиво оглядела оболваненные кустики и смело сунула в них руки, не обращая внимания на обернувшегося инквизитора, мерявшего меня подозрительным взглядом.

В этот раз Шейна откликнулась мгновенно и почти сразу возникла рядом. Но была почему-то полупрозрачной, невесомой, словно собранной из тумана.

– Ты здорова? – всматриваясь в меня, с тревогой спросила она и тут же перебила сама себя: – Вижу. Но далековато... полчаса продержишься?

– Да, – кивнула я, едва сдерживая вдруг подступившие слезы. – Но Шейна, эти гады взорвали башню с источником!

– А ты знаешь, чей это замок и источник? – Голос призрака вдруг стал холоднее, и я сразу поняла почему.

К нам осторожно приближался инквизитор, и на этот раз его изможденная физиономия казалась застывшей, как гипсовая маска.

– Знаю. Вон хозяин, Данерс.

– Данерс Эсхонс Дерлит, – непримиримо шелестела в ее словах ледяная вьюга. – Главный инквизитор совета и личный палач Клаурта, беспощадный Дерлит.

– Слышала уже, – отметив краем глаза, как резко прикусил губу недавний узник, не сдалась я. – Но, Шейна, дед всегда говорил, что людям свойственно ошибаться! А Данерс на себе испытал всю прелесть своих методов, я нашла его распятым и приколотым к доске, как букашка.

– И ты готова ему поверить? – так же холодно смотрела она, но теперь я больше не сомневалась, что это новая проверка, приближающая меня к посадке дубов.

И все равно не могла ответить иначе.

– Да, – поглядев на ее бесстрастное лицо, нехотя кивнула я. – Предпочитаю думать, что он прозрел. Ему сейчас и так трудно, даже отец отвернулся. И эти, «команда спасения», поиздевались как смогли. Но зла в нем я не чувствую.

– Хорошо, – так же невозмутимо согласилась Шейна. – Возьми энергию и восстанови башню. Ты это сможешь. И жди.

Призрачная фигура шеоссы вмиг сжалась в повисший передо мной сияющий силой шар, и я уже привычно слила его в ладанку.

Кожу припекло как горчицей, но боль почти сразу прошла, оставив ощущение тепла и уверенности в своих возможностях. Покосившись на ошеломленного магистра, я повернулась и побежала назад, к источнику. Желания рассказать бывшему инквизитору о своих находках и ошибках у меня пока не появилось. Да и звать его с собой тоже, пусть поступает как хочет.

Однако по пути не забывала приглядывать за упорно бежавшей следом долговязой фигурой и честно признавалась самой себе, как сильно рисковала, заступаясь за человека, темная слава которого дошла даже до зеленых лесников. Но снова и снова прокручивая в уме недавний разговор, неизменно приходила все к тому же результату и начинала понимать, что сама веду себя по тропе собственных понятий и правил и свернуть просто не смогу.

Оказавшись возле арки, я первым делом проверила ощущения Коти и презрительно усмехнулась. Крот не чувствовал в доступных ему пределах ни одного человека, а я не находила ни следилок, ни следов заклинаний.

Выходит, инквизиторы на самом деле испугались и бежали, трусливо лишив нас всякой возможности настичь улепетывающую свору. Им даже в голову не пришло, что я никогда бы не стала никого догонять и ловить. Охота на людей – одно из самых мерзких занятий, на мой взгляд. И это убеждение я тоже вынесла из онлайн-игр, когда сражалась рядом с соратниками на аренах и в войнах гильдий. Нет ничего противнее, чем наблюдать, как перекачанный ассасин, догнав станом бедного хила, весело расправляется с ним парными катанами.

– Что это было? – осторожно спросил подошедший Данерс, и лишь в этот момент я вдруг ясно поняла, что он ничего не видел.

И наверняка даже словечка не расслышал, кроме фраз, предназначенных для его ушей. Ведь закрыть нас пологом тишины призрачной копии шеоссы не представляло особого труда, раз она могла использовать магию.

– А ты ничего не видел? – оглядываясь, виновато вздохнула я.

– Когда удержишь в руках свечу... – Продолжать маг не стал, я и сама знала, как густа мгла за зыбким кругом света.

– Это моя наставница, – ответила кратко, все равно он скоро доберется до информации. – Она дала мне энергию для восстановления башни. Но как я могу восстановить то, чего никогда не видела? Есть два варианта: или я создаю такую башню, какую придумаю, или ты рассказываешь, какой она была прежде.

– Можно их объединить, – подумав всего несколько секунд, великодушно предложил инквизитор. – В старой башне было четыре постепенно сужающихся к куполу яруса, и на каждом – огражденная перилами галерея. Там можно было заряжать зелья и амулеты, пополнять магию после работы. Но она была мрачновата: узкие бойницы вместо окон, темные колонны и мрачные фрески. Строивший замок предок считал, что обстановка не должна отвлекать мага от зарядки артефактов или опытов. Кстати, тут вдоль стен стояли шкафы с ценными зельями, будь осторожна. Если их не унесли, то фиалы побились, и можно отравиться.

– На мне защита, – сказала чистую правду. – А вот тебе в таком случае лучше отойти подальше, но если получится, попытаюсь спасти пузырьки. Ну, начнем.

Сначала я создала удобное компьютерное кресло, именно такое, в каком мне работается удобнее всего, и представила макет башни. Хорошо, что в училище нам немного преподавали архитектуру: с тех пор я знала главные принципы возведения прочных зданий и некоторые полезные расчеты соотношения веса кровли и крепости держащих конструкций. И теперь, вспомнив прозрачный силуэт Эйфелевой башни, первым делом представила круг колонн и купольные перекрытия, спокойно решив вопрос надежности применением современных пустотелых металлических арок. Пусть какой-нибудь враг попытается еще раз обрушить эту крышу.

– Такие тонкие арки не выдержат черепицу, – обреченно вздохнул над ухом Данерс.

– Они из стальных труб, – не согласилась я и смерила критика возмущенным взглядом: – И черепицы не будет. А ты вообще соглашался сидеть в сторонке.

– Ты не знаешь, как интересно наблюдать за создателями, – буркнул, отступая, бывший инквизитор.

– Прекрасно знаю. На три вещи можно смотреть бесконечно: на пламя, на воду и на чужую работу, – выдала я расхожую поговорку.

Инквизитор задумался, а я создала ему стул и миску с чебуреками,

стащила один и принялась за детализацию макета.

Лучше все предусмотреть заранее: лестницы, перила, переходы и количество окон. Но и слишком усложнять конструкцию не стоит, все-таки я не инженер-строитель и опыта не имею, как и подробнейших и точнейших справочников, созданных еще до развала страны, о которой так сокрушалась Клавдия Степановна.

Ну, похоже, все. Для надежности и прочности арки связаны ажурным перекрытием и тройным кольцом перил, купол укрыт бронзовым профилем с чешуйчатым рисунком, утепленным вместо дерева и камня легкой каменной ватой. А сама башня снаружи украшена затейливой сине-голубой с золотом мозаикой в восточном стиле, а изнутри – ажурной резьбой, колоннами из белоснежного мрамора и высокими зеркалами в сводчатых нишах, расположенных между окнами.

Но всего этого на макете не видно, полный образ все ярче и четче проступает у меня в мозгу, и наступает момент, когда, прикрыв глаза, я представляю, как исчезают кучи камней и обломков. Остаются только целехонькие шкафы и аккуратно расставленные в них зелья, полированный пол, украшенный панно из мрамора и бледно-зеленого малахита. Посредине будет алтарь источника в виде полураспустившегося бутона розы.

А стены и колонны уже взметнулись ввысь, сплелись в купол и постепенно расцвели всеми задуманными мною узорами и деталями. И почти сами собой добавились изящные светильники, в которых засияли напоенные магией крупные кристаллы горного хрусталя, вазы с цветами у окон первого этажа, тонконогие скамейки и стулья между ними, обитые жемчужным бархатом. В последний раз мысленно проверяю, ничего ли не забыла, добавляю тройной запас крепости всем конструкциям и наконец раскрываю глаза. И первым делом вижу худющую фигуру шагнувшего вперед Данерса, замершего с откушенным чебуреком в руке.

А только потом мой взгляд привлекло светлое и какое-то празднично-торжественное помещение, словно устремившееся к небу, и в душе вспыхнуло восхищение, щедро приправленное недоверчивым изумлением.

Это что, это вот светлое и прекрасное, такое гармоничное, изящное и строгое одновременно... я сама создала? Не может быть...

– Спасибо, – проникновенно выдохнул Данерс и положил в миску так и не доеденный пирожок. – На макете и сотовой части этого не было.

Поставил посуду на свой стул и медленно, словно не веря собственным глазам, направился к источнику.

А я уже успела подтянуть к себе теплую нить, наполнить ладанку и

теперь молча сидела, вспоминая, чем думала заняться до прихода Шейны. И едва припомнила еле теплящиеся точки в разных концах подземной тюрьмы, мимо которых копал свой тоннель Котя, меня словно холодной водой окатило. В тот момент я ничем не могла им помочь, поэтому старалась не обращать внимания, а потом на какое-то время выпустила из виду, занятая источником. Но теперь мне никто не мешает до них добраться.

– Данерс! – поднявшись и почти автоматически убрав и стулья, и миску, окликнула магистра. – Покажи, как пройти к узникам.

– Немного подожди, – не оглядываясь, отозвался он. – Я пополню резерв и подниму защиту. Они могут ждать в любом месте.

– Извини, – почувствовав раскаяние, вздохнула я, – пока мы шли сюда, Котя проверил всю крепость, наверху никого нет.

– Котя – маг? – не поверил инквизитор.

– Нет. Просто у него очень тонкое обоняние, и еще он ощущает малейшую вибрацию. Если бы хоть кто-то ходил по замку, я бы уже знала. Они все сбежали.

– Это невозможно, – не согласился с моими выводами Данерс. – Тут всегда дежурят три-четыре сильных мага. А если они везли сюда тебя, то могли добавить еще парочку. Ну и Леттенс с Инвелсом.

– Инвелса не было. Со мной в аржабле летели только Леттенс и водитель. И везли меня не сюда. Это я попыталась увести аржабль с курса, но водитель успел встать на другой луч, – вежливо объяснила инквизитору. – Ну, ты набрал магии? Хочешь я добавлю?

– Не нужно, ты сама сильно потратила, хотя резерв у тебя впечатляющий.

– Это не резерв, – теперь, когда я точно знала, что он эмпат, старалась даже в мелочах не отступать от правды, – это накопитель. И я уже все пополнила.

– Если бы сам не чувствовал, что ты не лжешь, – хмуро усмехнулся Данерс, – никогда бы не поверил. Но у меня сейчас нет накопителей, а собирать энергию так быстро я не могу.

– Держи, – прекратила я разговор горсткой заполненных магией кристаллов. – И идем. Узникам дорога каждая минута свободы.

Больше Данерс не спорил, быстро рассовал ониксы и лазуриты по карманам и повел меня назад к подвалу. В этот раз мы свернули в другую сторону и вскоре стояли перед кованой дверью с несколькими хитроумными замками. Даже с первого взгляда сложно было не догадаться, что это тюрьма. И как я начинала понимать, именно для устрашения

непокорных она выглядит такой мрачной и непоколебимо надежной.

Ждать, пока магистр развеет охранные заклинания и снимет замки, я не стала, и не от нетерпения. Просто собиралась сделать все возможное, чтобы тут больше никогда и никого не запирали. Поэтому с чистой совестью превратила внушительные и замысловатые запоры в удобные ручки и висевшие над проходом яркие фонари.

Данерс только хмыкнул и широко распахнул дверь. За ней был виден небольшой коридор и новая дверь, с еще более громоздкими и навороченными замками.

Я упрямо поджала губы и на несколько секунд прикрыла глаза. А когда распахнула, никакой двери не было. Вообще.

Глава четырнадцатая

Теперь перед нами радушно раскрыла проход широкая арка, а по обе стороны коридорчика стояли ажурные кованые скамейки.

Однако все это я рассмотрела лишь мельком, потрясенная открывшимся зрелищем. В мрачной, почти пустой комнате на единственном стуле сидел за металлическим столом Леттенс и угрюмо нас изучал.

– Какая встреча! – В голосе Данерса кипела почти ощутимая ненависть. – Как я мечтал со всеми вами встретиться глаза в глаза!

– И я счастлив, что ты наконец освободился, беспощадный Дерлит, – безо всякой радости буркнул блондин.

– Похоже, ты забыл, что врать мне бесполезно, – прищурился мой спутник, и я поняла, что драка неминуема.

Причем без всяких правил, наоборот, с применением редких и опасных артефактов.

И начинать их уговаривать так же бесполезно, как останавливать ветер. Но я шла сюда вовсе не затем, чтобы любоваться бойней, я вообще не любитель подобных зрелищ. И никогда не поверю в душевное здоровье болельщик бокса и боев без правил.

Собиравшийся что-то сказать Леттенс успел только рот приоткрыть, как вдруг замер, остановленный станом. С этого мгновения он мог лишь застывшим взглядом, в котором разгорался ужас, смотреть, как с его рук сами снимаются кольца и браслеты, змеями ползут из-за пазухи цепочки, подвески и кулоны. И собираются в плоскую стальную шкатулку, которую я держу в руках.

– Слушай меня внимательно, Леттик! – приторно улыбаясь обольстителю, произнесла я. – Сейчас тебе будет дан единственный и неповторимый шанс сделать выбор. Если тебе нравится твоя нынешняя жизнь и служба, то мигни один раз. Тогда утром ты проснешься за воротами этого замка и можешь идти к своим друзьям. А если в тебе осталась хоть капля совести и в душе еще может проснуться раскаяние, то мигни раза три... для верности. И тогда сейчас пойдешь с нами – освобождать узников, мыть, лечить, кормить и выносить наверх, в лучшие комнаты.

С этими словами я сняла с него стан, захлопнула шкатулку и поставила ее на стол, приварив дном к столешнице и закрыв таким же заклинанием,

какое было на моем саквояже. Хотя и ничего не смыслила в том, как именно оно действует, но теперь мне достаточно знать результат.

Леттенс с понимающей усмешкой покосился на шкатулку и принялся усердно мигать, раз пятнадцать, не менее.

А я за это время успела распахнуть следующую дверь. За ней оказался зал, откуда в разные стороны уходили закрытые решетками тоннели. Пришлось звать Котю, охранявшего вместе с мурашами выход.

Он ворвался в комнату черной бархатной торпедой, с любопытством оглядел Леттенса и притих, прислушиваясь. А потом два раза чихнул, глядя влево.

– Можно сказать? – преувеличенно вежливо осведомился Леттенс, отойдя от шока.

– По делу и коротко.

– Кроме меня, никого из команды тут нет. Жетмос сказал, раз я сумел договориться с тобой один раз, то мне и доверят попытаться договориться второй.

– Это интересные сведения, – скуппо похвалила я. – Но сейчас меня интересуют только узники.

– Собираетесь создать отряд мятежников? – «догадался» ехидный блондин.

– Лучше его усыпить, – не выдержал Данерс.

– Каждый имеет право на один шанс, – смерив ядовито ухмылявшегося блондина задумчивым взглядом, вынесла я вердикт, – даже самый плохой человек. Потому что любой может ошибиться и осознать свою ошибку. Звучит банально, я понимаю, но такое у меня правило.

– Если даже беспощадный... – Договорить Леттенс не успел, я заткнула ему рот большим чупа-чупсом.

– И еще одно, – процедила, глядя блондину в глаза и стараясь сдержать гнев. – Запомни, повторять не буду. Если ты решил изменить свою жизнь и стать другим человеком, то меняй и стиль обращения. И забудь прежние клички и прозвища! Его теперь зовут Данерс, и никак иначе!

Он опасливо, как бомбу, вытащил изо рта леденец, осмотрел и задумался, явно не зная, что делать с этой штукой.

– Это просто конфетка, – проходя мимо, бросила я и, не вытерпев, тихо добавила: – Пока.

Первый узник, найденный нами, тоже был наг, грязен и худ, и его седая голова мелко тряслась, когда он, ослепнув от внезапного света, пытался нас рассмотреть, стыдливо прикрываясь искалеченными руками.

Я мгновенно поняла, что сейчас бедолага не поймет и не примет на веру ни одно из наших объяснений, и забросила в его желудок стакан бульона с таблеткой снотворного.

Старик уснул почти мгновенно, как засыпают изголодавшиеся младенцы, наконец получившие молоко.

– Что вы с ним делали? – поворачиваясь к спутникам, осведомилась я, и сама поразилась, услышав свой голос.

Разве когда-нибудь раньше в нем шипели разбуженные ранней весной гадюки, готовые впиться в любое шевельнувшееся существо?

– Могу только догадываться, – мрачно пробормотал Данерс, отвернулся и начал одевать старика в созданную мной пижаму.

– А я вообще никогда сюда не ходил, – огрызнулся Леттенс. – Мое дело было очаровать и уговорить.

– А потом привезти в замок, сдать палачам, – тем же шипящим от ненависти голосом продолжила я, – и спокойно идти спать, не думая о том, что стало с людьми, которые поверили твоей улыбке и внешности!

– Я лишь выполнял приказания! – вскинулся красавчик, что-то рассмотрел в моем взоре и отвернулся, кривя губы. – Как и все остальные... Мы ведь были уверены, что охраняем порядок на Эдинте ради спокойствия жителей.

Я прожгла его яростным взглядом, умом осознавая справедливость оправданий, но сердцем не желая прощать такое бездумное, безответственное отношение к чужим судьбам.

– Варьяна, – позвал инквизитор и, аккуратно подбирая слова, намекнул: – Ты сказала очень правильную вещь – каждый должен иметь шанс на исправление.

– Ладно, – помолчав, признала справедливость замечания. – Перенесите его в тот зал, и идем дальше. Леттенс, ты хоть приблизительно знаешь, сколько их здесь?

– Жетмос сказал, – мрачно выдавил он, – будешь тринадцатым. Но с вами или нет, мне неизвестно. Я и в самом деле никогда тут не был.

– А Котя их чувствует? – осторожно спросил меня Данерс.

– Да, но считать он не умеет. Ближайший где-то там. – Я показала рукой направление, и мы пошли к следующему пленнику, послав обольстителя уносить старика наверх.

Разумеется, до конца блондину я не доверяла, но надеялась, что у него хватит ума не совершать глупостей.

В следующую камеру я не стала входить так опрометчиво. Сначала забросила на расстоянии в желудок узника снотворное и полстакана

морковного сока, начиная понимать, как осторожно нужно давать еду этим изможденным людям.

А когда заглянула в тесную каморку и разглядела спящую на дощатой лежанке юную девушку, вмиг очень четко осознала, как нелегко быть целителем, если не умеешь смотреть на чужие раны, при этом не содрогаясь от жалости к несчастным и ненависти к их мучителям.

– Иди ищи следующего, – попытался выставить меня из камеры потемневший Данерс, но я упрямо мотнула головой:

– Я лекарь.

Но первым делом создала теплую пижаму и удобную каталку. А потом, чуть прикрыв глаза и осторожно водя руками над скорчившимся клубочком телом, убрала все горячие очаги боли, обдала несчастную теплым дождиком и одела в пижаму.

Инквизитор присоединился ко мне, когда нужно было переложить узницу на каталку, и сам взялся за ручки.

А едва мы вывели ее в коридор, в другом конце появилась странная парочка. Свободно и уверенно шагавшая к нам Шейна в своем строгом шелковом платье и понуро бредущий за ней Леттенс.

– Эйна Шейнассия Солмерс? – потрясенно охнул Данерс и замер, словно споткнулся.

– Да, я, – небрежно откликнулась Шейна и протянула ко мне руки, глядя так мягко и ласково, как не смотрел никто и никогда, кроме незабвенной няни и деда.

И я не выдержала, ринулась в эти объятия как в спасательный круг, вдруг резко поверив, что теперь все у меня будет хорошо и никакие команды инквизиторов не станут больше покушаться на мою свободу.

– Ты молодец, – глядя меня по вздрагивающей спине, хвалила шеосса, – справилась с негодями. А сейчас соберем узников и поедem домой, тебе нужно отдохнуть.

– А мы? – как-то растерянно спросил хозяин замка.

– Вы? – на миг оглянулась она и снова повернулась ко мне. – Живите, раз она вас простила.

– Шейна... – не выдержала я, вытерла слезы и вздохнула, – я понимаю, что они виноваты... и очень. Ведь взрослые люди, могли бы и раньше сообразить, что занимаются далеко не добрыми делами. Но Хаттерс сказал, что Клаурт имеет способность убеждения и, как я подозреваю, давно вооружился усиливающими артефактами. Да и мнение совета наверняка сыграло роль...

– Чего ты хочешь от меня? – Ее тон стал чуть прохладнее, но я этим

больше не обманывалась.

– Им нужно помочь. Если мы сейчас оставим их тут вдвоем, то через несколько дней об этом узнают все магистры острова Тегуэнь. И попытаются вернуть такой удобный форпост. Нельзя же бросить их на произвол судьбы. Ты же мудрая, дай совет, а если можешь, помоги.

– Хорошо, – испытующе смотрела она на меня. – Но не даром. Сто лет.

– Идет. – Торговаться в таком вопросе я считала неэтичным.

– Варьяна! – ринулся ко мне бывший инквизитор, отодвинул в сторону, загородил собой. – Не смей разбрасываться жизнью! И не волнуйся, мы не пропадем. Я сейчас восстановлю щиты замка и начну собирать тех, кто поможет защищать обиженных и возвращать насильно уведенных на остров целителей. Я и сам знаю многих и могу найти людей, которые имеют доступ к секретной информации.

– Не вмешивайся в наши дела, маг, – сухо отрезала Шейна, легко отодвигая его от меня. – Плата уже принята, и совет ты получишь. Собирай себе в помощь целителей, и начинайте лечить народ, тебе нужно вернуть себе доброе имя. А защита на замке уже стоит.

Взяла меня за руку, как маленькую, и повела прочь, не дав даже попрощаться с нечаянным соратником.

Мимо нас, навстречу и обгоняя, бежали какие-то люди в одинаковой зеленой форме. Одни несли завернутых в одеяло узников, кто-то залихватски промчал сделанную мной тележку.

– Тебе больше не нужно ходить тут в такой одежде, – мягко и негромко проговорила Шейна и, как это умела только она, откровенно предложила: – Мне убрать или сама? И волосы заодно вернем.

– Делай как хочешь. – На меня вдруг резко навалилась усталость. Вспомнилось, что наверху уже глубокая ночь, и стало абсолютно безразлично, в чем я хожу. К тому же надобность в камуфляже уже отпала.

Почти тут же по ногам заскользил мягкий шелк юбки, и под свободные, летящие рукава проникла приятная прохлада. Лишь теперь я сообразила, что в подземелье душновато и сыро, и снова остро пожалела людей, которые предпочли сидеть там и терпеть издевательства, но не работать на благо хитроумного и жестокого кардинала.

Захотелось поговорить об этом с шеоссой, выяснить, как ее сородичи относятся к такой несправедливости и подлости, но я отчетливо понимала, насколько несвоевременна и неуместна подобная беседа.

В комнатке, где мы недавно нашли Леттенса, ко мне бросилось странное существо, чем-то смутно похожее на гибрид динозавра и дикобраз. От неожиданности я попятилась, но тут же узнала черные

пугови-глазки Коти. А через секунду сообразила, что необычный панцирь на его спине – это все полсотни мурашей, устроившихся тесной неподвижной кучкой, встревоженно шевелившей усами.

– Они тоже больше не нужны, – так же мирно и деловито изрекла Шейна, и это заявление подняло в моей душе яростную бурю протеста:

– Без них я никуда не пойду. Они умные и преданные.

– Варья...

– Нет. И не уговаривай, это бесполезно. – Я резко остановилась и повернулась к ней лицом, загоразивая собой компанию питомцев.

– Я только хотела сказать, – укоризненно качнула головой шеосса, – что тогда тебе придется везде водить их с собой. Созданные животные не могут долго оставаться одни, у них с тобой связь.

– Эту проблему не так уж сложно решить, – не повелась я на предупреждение. – Они дрессируемы, и им можно дать распоряжения на все случаи жизни. Я думала про самообучающихся петов, когда их создавала. К тому же они лояльны к людям, едят испорченные продукты и отходы. Только Коте нужна рыба, но я могу добавить еще какой-нибудь дешевый продукт.

– Хорошо, – ни на секунду не расстроилась Шейна, – тогда прикажи им идти за тобой.

Выдав Коте приказ, я направилась дальше. Крот неотступно двигался следом, а мураши еще плотнее прижимались к его спине. Через несколько метров шеосса без усилий догнала нас и снова пошла рядом.

– Они слышат мысли?

– Не знаю, – подумав немного, чистосердечно призналась я. – Возможно. Хотя скорее направленные эмоции, облеченные в мыслеобразы.

Шейна только загадочно усмехнулась и больше не задала ни одного вопроса.

Вскоре мы добрались до чуть мрачноватого, но одновременно невероятно торжественного и величественного зала. Миновав его под аккомпанемент гулко-го эха, разносившего по дальним углам звук наших шагов, вышли на освещенное фонарями широкое крыльцо из черного мрамора.

Почти вплотную к ступеням завис аржабль необыкновенного пронзительно-синего цвета, и люди в зеленом споро отправляли в его недра освобожденных нами узников.

– Идем. – Шейна направилась к похожей на корабельный трап лесенке, и я послушно пошла за ней.

Котя скользил за мной, не отставая даже на полшага.

– Варьяна! – внезапно догнал меня отчаянный крик.

– Да? – встревоженно оглянулась я.

От парадной двери дворца почти бежал бывший инквизитор.

– Я хочу спросить... – запыхавшийся магистр перевел дух и уставился на меня как-то безнадежно, – можно прислать тебе вестника?

– Конечно. – Я даже удивилась мелочности просьбы, из-за которой он так мчался. – Только пока не знаю, где теперь буду жить.

– Возьми мой маячок, – с истовой надеждой смотрел мне в глаза мужчина, протягивая тонкое колечко, а его губы невольно кривились в горьковатой усмешке. – Тогда мое письмо само тебя найдет.

– Ясно, – кротко ответила я, принимая неожиданный подарок и опасаясь нечаянно обидеть инквизитора законным вопросом: а как мое письмо найдет этот замок, если у меня нет никакого предмета, связанного с ним?

– Я сохраню эту одежду, – коснувшись камуфляжа, тихо сказал Данерс. – Если захочешь послать ответ, подумай про нее.

– Варьяна, пора! – строго, как классная руководительница, окрикнула меня Шейна, и я поспешила подняться в аржабль, бледно улыбнувшись напоследок магистру.

– Питомцев поселишь тут, – по-хозяйски распахивая один отсек, велела шеосса. – Твое место следующее.

Я молча кивнула и приказала Коте войти в каютку. А потом создала для него тазик с рыбой, а для мурашей – с переспелыми бананами и, как сумела, строго объяснила, что они должны поесть и устраиваться спать. Грызть ничего нельзя, пачкать нельзя, вылезать из отсека нельзя, меня искать тоже нельзя. Я их не бросаю и обязательно приду.

Питомцы вроде все поняли, мураши слезли с Коти и облепили тазик с бананами, не обращая внимания на рыбу, а крот принялся поглощать свое любимое блюдо. Я успокоилась и, еще раз повторив приказ, направилась в свою каюту. И только в этот момент ощутила связь с аржаблем и поняла, что мы уже летим.

Причем намного быстрее, чем летали прежние аржабли. Этот мчался едва ли не со скоростью вертолета, и это открытие озадачило меня сильнее, чем Данерса – появление в его подвале Шейны.

Но сейчас у меня не было ни сил, ни желания изучать аржабли и решать загадки шеоссов. День выдался на редкость трудным и богатым на события, и мой мозг от всего этого откровенно устал.

Однако Шейна, судя по всему, думала иначе, потому что сидела в моей каюте в выдвинутом из стены кресле.

– Прежде чем ляжешь спать, я должна сказать тебе одну вещь, – едва увидев меня, заявила она.

– Говори, – согласилась я, превращая платье в мягкую трикотажную пижаму, а туфли – в бархатные шлепки, – я вся внимание.

– Сегодня я торговалась с тобой не всерьез, а для Данерса, – призналась шеосса, внимательно следя за моим лицом. – Он не должен считать твою помощь подарком.

– Ясно, – устало вздохнув, прикрыла ладонью зевок. – Мне так и показалось, что ты лукавишь. Хотя я на самом деле готова ходить в зеленой шубе на сто лет раньше. Просто сегодня очень ясно осознала, как мне повезло иметь способность превращаться в шеосса. И за это должна сто раз сказать тебе спасибо. Раз для тебя так важны эти дубы, буду их выращивать, только решу сначала все свои проблемы. Боюсь, теперь магистры не захотят помогать деду.

– Об этом поговорим утром, – поднимаясь с кресла, уверенно пообещала Шейна. – Ложись отдыхать и не мешай собрату вести аржабль, у него и своей силы достаточно.

Я задумчиво глянула ей вслед, снова зевнула и шлепнулась на выдвинувшуюся кровать. Разгадывать прозвучавший в словах шеоссы намек у меня сейчас не было ни сил, ни желания.

Глава пятнадцатая

– Варья, пора вставать, – тихо и назойливо повторил кто-то второй раз, но меняхватило только на то, чтобы натянуть на голову одеяло.

– Иди спасать своих питомцев, – так же негромко пробубнили рядом. – Они прогрызли стенку, и следящий намерен выкинуть животных из аржабля.

– Не может быть! – как ветром снесло меня с постели. – Он ничего не напутал? Я им все очень хорошо объяснила...

– Извини, – нимало не смущаясь, заулыбалась шеосса, – я пошутила. Но иначе тебя невозможно было поднять.

– Уф... – выдохнула я и укоризненно уставилась на шутницу: – А еще уважаемая эйна Шейнассия Солмерс!

– Да, – кивнула она, – княгиня славного города Ансвела. И если ты поспешишь, то получишь не только завтрак, но и ответы на волнующие тебя вопросы.

– А теперь их стало наполовину меньше, – провожая ее взглядом, призналась я.

Как выяснилось, наше путешествие закончилось. Аржабль причалил прямо к верхней площадке внушительной башни, выкрашенной в точно такой же синий цвет, и теперь был похож на покатую крышу. Довольно предусмотрительно, если требуется скрыть его отлеты и прилеты, особенно от тех горожан, которые даже не догадываются, чем занимается в свободное время их правительница.

Спустившись по лестнице на один этаж, мы оказались в уютной гостиной, где посредине стоял уже накрытый к завтраку стол.

– А куда мне выпустить животных? – вежливо спросила княгиню, оглянувшись на топавшего следом крота, на котором уже привычно сидели мураши. – Они хотят погулять.

– Пройди вон в ту дверь, – довольно усмехнулась она. – Там оранжерея.

Отправив питомцев гулять между бочками с пальмами и грядками с зеленью, я вернулась в комнату и села напротив Шейны. Понаблюдала за княгиней, невозмутимо жующей какие-то овощные салаты и фруктовые пюре, и спокойно создала себе фаршированные мясом блинчики и кофе со сливками.

Если даже сажать дубы придется уже сегодня, для меня это не повод

отказываться от нормальной еды.

– Твои пирожки пахнут заманчиво, – заметила Шейна, и я тотчас создала ей порцию.

– Это фаршированные блины, томленные в сметане, – пояснила я. – Мне такие в детстве готовила Клавдия Степановна.

– Вкусно, – попробовав, кивнула она, дождалась, пока я доем, и вдруг задала вопрос, который я меньше всего ожидала услышать: – Варья, что ты знаешь о нашем мире? Я говорю о природе и расположении воды и суши.

– Ну, вкратце дед мне объяснял... В этом мире океанов и морей раза в четыре меньше, чем в нашем, и расположены они в основном по экватору. А крупных материков два, южный и северный. Южный – равнинный, почти лишен гор и холмов, его зимой заливают ливнями, и он почти полностью превращается в болото, а в особенно суровые годы – даже в ледяную пустыню. Он необитаем, только промысловики построили на том берегу несколько рыбацких поселков. Все население проживает на северном материке и на нескольких больших островах. С севера пригодные для проживания местности отгорожены горами, и потому климат здесь более мягкий.

– Да, это так, – вновь кивнула Шейна, – но есть одна важная деталь. С промежутком около тысячи лет путь нашей планеты пересекает огромная комета, и тогда на наш материк обрушиваются обильные метеоритные дожди. Раскаленные камни падают повсюду, вскипает море, горят леса и поля, деревянные строения и мосты, небо над миром на несколько суток затягивают тучи пепла и пара. Эту страшную, долгую ночь завершают неистовые ливни и град, ураганы и смерчи. Об этом известно всем, и все готовятся заранее. В каждом городе и в крупных деревнях есть холмы спасения, зачастую под княжеским замком. В подвалах устроены не только места для людей, колодцы и запасы еды. Еще стояла для животных, пещеры для аржаблей и грифов, склады для ценных вещей и утвари. Когда природа успокоится и можно возвращаться, многие люди, зачастую даже состоятельные, обнаруживают, что стали бездомными нищими.

– В том мире такое тоже иногда случается, – вздохнула я. – Но ты ведь не просто так мне это рассказываешь?

– Просто и без меня расскажут, – усмехнулась шеосса. – А ты попробуй догадайся, чье имущество почти всегда остается целым и кто не бежит прятаться в княжеские подвалы?

– Чего тут догадываться, – пожала плечами, – и так ясно, ты имеешь в виду сильных магов. Если они могут защитить свой дом от фаерболов и молний, то и от метеоритов спасут. Особенно если соберутся по несколько

человек. Я же видела замок Данерса, а он стоит больше тысячи лет. Значит, как минимум одну комету выдержал.

– Да, – подтвердила шеосса. – Поэтому людей гибнет очень мало. Только упрямцы да всякие преступники, которые пытаются прятаться в пещерах и каменоломнях. Они ведь не подозревают, что самое опасное – не сами метеориты и не огонь, а едкий дым и гарь, которой невозможно дышать. Но люди все же выживают, сохраняют и скотину, и домашних питомцев. А вот дикое зверье погибает почти подчистую, и мертвой рыбой потом усыпаны все берега. Можешь представить, как трудно восстанавливаются стаи зверей и морских обитателей? Поэтому три тысячи лет назад несколько магов придумали способ, как их спасать, хотя бы частично.

– Синие дубы?

– Именно. Они ведь магические и обладают зачатками разума, как аржабли, и могут на несколько дней укрыть щитами обширные участки леса. А если вырастить их в несколько рядов на расстоянии в триста-четыре шага, дубы смогут создать общую защиту над прилегающим лесом, спасти не только животных, но и ценные деревья, травы, ягодники и грибницы. Создатели синих дубов были счастливы и горды собой, но, после того как втайне провели несколько экспериментов, пришли в уныние. Выяснилась одна очень важная деталь, не позволяющая быстро засадить все леса синими дубами. Поскольку в них имеется очень слабый зачаток разума, эти создания нуждаются в присмотре, обучении и управлении, и с ними нужно устанавливать ментальную связь, как с аржаблями или твоими питомцами. И со временем они перенимают личные качества своего следящего. Вот на этом дело и застопорилось. У тех, кто брался за выращивание дубов, мечтая о повышении силы, о здоровье и какой-либо выгоде для себя, выросли уродцы, не желавшие никого защищать. И даже хуже – некоторые досуха выпивали резерв у каждого неосторожно приблизившегося одаренного. Их пришлось сжечь, и это были самые черные дни в жизни тех, кто посвятил себя защите родного мира от грядущей катастрофы. После этого дальнейшие опыты проводились в еще большей тайне, и теперь мы очень тщательно отбираем кандидатов в шеоссы, намеренно устраивая им всевозможные испытания.

– Ты хочешь сказать, что в подземный колодец Данерса я попала не случайно? – неверяще уставилась я на княгиню.

Рассмотрела ее усталый и укоризненный взгляд и задумалась. Нет, не может быть. Они же никак не могли знать, что я попытаюсь увести аржабль. И тем более не могли угадать, в какой момент я попробую его

развернуть.

– Я считала, что ты попадешь на остров Тегуэнь, – тихо сообщила Шейна, – и там тебя уже ждали наши братья. Мы намеревались показать свое могущество Клаурту, чтобы немного припугнуть этого мошенника и поставить не место. Но ты имеешь особую способность разваливать даже тщательно подготовленные планы.

– Значит, эти планы были составлены без учета моего характера, – не согласилась я. – Как говорят в том мире, человеческий фактор непостижим. Зато все закончилось хорошо.

– Тебе повезло. – По губам шеоссы скользнула безрадостная улыбка, но уступать в этом вопросе у меня нет никакого желания.

Для каждого одни вещи – главные, другие – второстепенные, третьи и вовсе ничего не значат. А для меня самое важное – твердо верить в собственные силы и разум.

– Нет. Это не везение. Если бы я была другой, то не прошла бы первые испытания и не получила способности шеоссы. И как следствие – не смогла бы вылечить Витерса и ничем бы не заинтересовала совет магов. Но я рада встрече с тобой, хотя теперь начинаю думать...

Я смолкла, не желая высказывать вслух проснувшиеся во мне подозрения. Но Шейна поняла их без слов.

– Правильно думаешь. Когда один из моих дубов почувствовал неподалеку сильную волну использованного заклинания и возмущение граней миров, мне пришлось срочно бросить все дела и идти в лес, проверять, кто там хулиганит.

– Но почему... – Еще не успев взбунтоваться, я уже осознала, ради чего она устроила этот спектакль.

Ну да, а как же иначе? Ведь по городам и селам гуляют слухи о сказочных возможностях шеоссов, и, скорее всего, сами лесники их и подогревают, нужно же пополнять армию сажателей?

Вот и идут в лес толпы претендентов, желающих получить сильные способности к магии, и всячески пытаются привлечь к себе внимание шеоссов. А те их уже встречают и устраивают тщательнейшую проверку, не желая позже тратить время на выращивание синих уродов и силы – на их уничтожение.

– Вот именно, – понаблюдав за мной, мягко улыбнулась Шейна. – И в этот раз нам повезло.

– И когда нужно идти сажать дубы? – Надеюсь, бодрый тон мне удался?

– Когда сама захочешь, – тихо ответила она. – Сейчас у тебя душа

занята другими проблемами, и пока ты с ними не разберешься, говорить о дубах преждевременно. Но одну новость я должна сказать тебе прямо сейчас: ты прошла все испытания, и так быстро, как никто прежде. Теперь ты наш полноправный собрат и можешь спрашивать обо всем, тебе никто из нас не солжет и каждый поможет в любую минуту. Нас немного, и потому новый шеосс для нас – драгоценное приобретение.

– Могу представить, – вздохнув, я взглянула ей прямо в глаза. – Но меня прежде всего волнует дед.

– Грифоны уже ждут. Приводить Рэйльдса в город не стоит, неподалеку в лесу есть домик, вот туда и откроем путь.

– Что... прямо сейчас?! – Против моей воли голос дрогнул и сорвался на жалобный вскрик.

– А чего тянуть? Он наверняка тоже волнуется.

– Хорошо... – Я встала, растерянно пытаюсь сообразить, что нужно взять с собой, и сразу вспомнила про питомцев: – А Котя с мурашами?

– Возьмем и их, – понимающе усмехнулась шеосса. – На запасного грифона уже прикрепили клетку. Но нужно, чтобы они вели себя смирно.

– Я им объясню! – Поверив наконец, что мы летим спасать деда, я решительно превратила легкий утренний сарафан в камуфляжный костюм, а шлепки – в ботасы.

Дед никогда не поверит, что я действую не по принуждению, если увидит меня в розовых оборочках и бантиках.

Грифоны потрясли воображение своими размерами. Нет, не тела, тела у них как раз были как у пони, но намного более рельефные, просто свитые из мускулов. А вот черные крылья, свободно раскинувшиеся по башне и свисавшие концами вниз, казались огромными, словно полотнища придорожной рекламы.

– Надеюсь, – тихо бормотала я, посылая Котю с мурашами в ажурную овальную клетку, укрепленную на спине одного из грифонов, – это безопасный вид транспорта?

– Не беспокойся. – Шейна лично проследила, как я устроилась в седле, закрытом впереди покатым козырьком, застегнула на талии широкие кожаные ремни, живо напомнившие мне самолетные, и пояснила: – Когда взлетите, опусти голову под щит и держись за вот эти ручки.

Вот только забыла сказать, что, прежде чем взлететь, грифон проковыляет к краю башни и прыгнет вниз. Я невольно всем телом прижалась к седлу, буквально распласталась по нему, засунув голову под колпак и проклиная себя за доверчивость. Ну что мне стоило сначала посмотреть, как взлетают другие?

Потом я ни за что бы на этом не полетела.

И вдруг ощущение свободного падения пропало, зато по спине засвистел ветер от равномерных взмахов крыльев. Я все крепче вцеплялась в медные ручки и ядовито издевалась над всеми, кто, как я, читая книги, завидовал попаданцам, летающим на драконах и грифонах. Где прекрасные виды, где упоение полетом, где возможность разговаривать или петь от счастья? Розовый бред.

А мне ничего не видно, кроме мотающихся вокруг огромных крыльев и куцего кусочка неба. Да и не до видов тут как-то, если честно.

Хотя голова и засунута под защитный колпак, темя уже ощутимо холодят струйки гуляющего сквозь щели ветра, спина и все, что ниже, уже застыли, как зимой на остановке потерявшегося автобуса, а ноги, втиснутые в подобие стремян, только с наколенниками, уже вспомнили прелесть фасонных сапожек, надетых на новогоднюю вечеринку. И сейчас я не отказалась бы от унт и меховой шапки.

Меховой? Ну я и лох. А зачем мне унты, если я теперь шеосс? И никто не посмеет осудить меня за использование чужого бренда... или как это тут называется.

Одежда превратилась в зеленый мех мгновенно, едва я об этом подумала, и все разом изменилось. Я больше не казалась себе ошипанной мышкой, привязанной к спине орла. Да и ветер мигом перестал нещадно хлестать холодными плетями мою спину и ноги, просто не пробиваясь сквозь густой подшерсток.

Теперь я даже сумела приподнять голову и попытаться рассмотреть местность. Увы, но тут меня ждало разочарование. Грифон еще набирал высоту, и перед нами было только почти закрытое его головой небо. Покосилась назад – видно лишь хвост. Я ехидно фыркнула и успокоилась, все-таки отрицательный результат – тоже результат.

И когда грифон, заложив крутой вираж, резко спикировал вниз на крохотную полянку и картинно приземлился на почти плоскую крышу избушки, ему не удалось выдавить из меня ни одного вскрика. Наоборот, я хладнокровно отстегнула ремень, проводила взглядом свечой взмывшего вверх летуна и уверенно направилась к кучке шеоссов, уже спустивших вниз клетку с Котей.

– Доброе утро! – Вежливо поздоровавшись с ними, я щелкнула запором, и мои питомцы кучей вывалились на молодую травку.

Несколько секунд ошеломленно озирались, пока я мысленно давала им указания, потом встrepенулись и разбежались в разные стороны. А я, превратив зеленую шкуру в дежурный камуфляж, уставилась на

моложавых мужчин, в ответ спокойно изучавших меня.

– Знакомься, – подошла к нам Шейна, одетая в простое полотняное платье, – это Винк, Лейз и Санс. Получив статус шеоссов, мы берем себе короткие имена для удобства. И отбрасываем всякие условные обращения вроде «тэйн» и «эйна».

– В моем мире примерно так же, – согласилась я с целесообразностью такого поведения, все-таки они зовут себя собратями и лишние церемонии им ни к чему. – А я Варя, или Варья, как вам удобнее.

– Тогда идем, – с ободряющей улыбкой указал на куртину кустов Винк, среди них явно старший. – Мы уже приготовили место, но если нужны какие-то знаки, чтобы успокоить пришедшего...

– Нужны. – Общаться с ними было легко, как с давними надежными друзьями: они не пытались «попробовать меня на зуб» и не старались казаться холодными и значительными.

Место, приготовленное среди кустов, было застелено толстым слоем мягкого, душистого клеверного сена, под кустом на скамеечке лежала стопка одежды.

Мне осталось лишь создать и поставить вокруг полянки три фанерных щита, на которых белой краской была крупно написана по-русски одобренная кодовыми словами фраза: «Дед! С прибытием! Крыс нет. Жду за кустом. Варюха».

– Все? – поинтересовалась Шейна, когда я покинула полянку и присоединилась к шеоссам, ожидавшим в тени синего дуба. – Тогда готовься отправить сигнал. Рэйльдс ведь тебя научил? И не волнуйся, мы поддержим.

Они встали вокруг меня, но не тесно, давая возможность спокойно сосредоточиться, однако я все же закрыла глаза. Постояла, настраиваясь на мысли о Бесе и отбрасывая все остальное, и представила мансарду его дома, широкие створки балконных дверей, которые дед должен был держать распахнутыми постоянно, начиная с пятого дня после моего ухода. Он и сам должен был сидеть там безвылазно, объявив соседям и клиентам, будто приболел. Заранее все обдумав и устроив так, чтобы не возникло причины ходить даже на кухню.

Несколько минут ничего не происходило, но я не сдавалась, все истовее тянулась разумом в невероятную даль, стараясь вообразить, что домик деда стоит где-то недалеко, может, на соседней поляне.

И в какой-то момент меня вдруг потянуло куда-то, даже показалось, будто ноги оторвались от мягкой лесной почвы. А впереди, одновременно где-то невообразимо далеко и почти рядом, почудилось робкое тепло.

Сначала совсем крошечное, как трепещущий язычок свечи, потом постепенно начало разрастаться и вдруг оказалось почти рядом.

«Зови!» – раздалась под черепом неслышная обычным слухом команда, и я закричала что было сил:

– Дед, пора!

Разумеется, призывать нужно было мысленно, я так и поступила, но от волнения не сдержалась и вдобавок заорала на весь лес.

И почти сразу с ужасом поняла, что связь между мирами уже прервалась.

– Все в порядке, – коснулась моих плеч крепкая ладонь старшего шеосса. – Мы запомнили направление и ауру объекта. Когда забирать?

– Через десять минут, – автоматически пояснила я и сразу поняла свою ошибку.

Привычных часов я тут не видела, их заменял какой-то прибор, в котором мне не хватило времени разобраться. А дед, как выяснилось, успел забыть про эту разницу.

– Нужно считать, – торопливо пояснила я. – Как скажу «шестьсот» – начинайте. – И отведя на этот разговор полминуты, принялась отсчитывать: – Тридцать один, тридцать два...

Шеоссы терпеливо слушали, а я упорно считала, как в детстве, когда нужно было безошибочно добраться до тысячи. И подходя к шестистам, приподняла руку, а едва выпалив: «Шестьсот!» – резко ее опустила.

– Пора!

Они замерли, так же как я недавно, глядя прикрытыми глазами сквозь невидимые грани, а я молча ждала, зная, что сейчас ничем не смогу им помочь. Да и сил у меня пока меньше, чем у них, теперь я это как-то ощущаю.

Мгновения тянулись нестерпимо долго, мне казалось, будто дед перебросил меня гораздо быстрее. А сейчас уже можно было взвод перевести, а Беса все нет.

И вдруг шеоссы развернулись и неслышными скачками помчались прочь, только Шейна осталась стоять рядом со мной, теребя подол своего простенького платья.

– Ну как? – встревоженно спросила я у нее, не понимая, что происходит, и княгиня ответила доброй улыбкой.

А потом подмигнула и указала взглядом на кусты, за которыми было подозрительно тихо. И как это понимать? Бес уже там?

– Дед! – не выдержав, крикнула я по-русски. – Ты побыстрее одеться не можешь?

– Могу, – через десять долгих секунд отозвались кусты хрипловатым голосом Беса. – Но разучился застегивать дурацкие пряжки... Подожди еще полминутки...

– Ладно, жду, – засмеялась я, переходя на местное наречие. – Шесть дней ждала, подожду и минуту.

И замерла, разглядев появившуюся из кустов мужскую фигуру. Почти незнакомую в местном наряде и больше не горбившуюся под тяжестью лет. Не было раздувшегося в последние годы носа и резких морщин вокруг глаз и рта, а русые волосы, растеряв по пути седину, обрели чуть рыжеватый отлив.

– Варюха!.. – выдохнул он и ринулся ко мне.

Я побежала навстречу, попала в крепкие, теплые руки, прижалась щекой к груди, затянутой в серую шелковую рубашку, и заплакала навзрыд, разом припомнив все тревоги и обиды последних дней.

– Ну что ж ты, Варюха-горюха, – виновато бормотал дед, так знакомо глядя мою макушку, – душу-то рвешь... ведь все хорошо. Я тут и теперь никому тебя в обиду не дам... все у тебя будет... как только до дому доберемся.

– Дед... – вспомнила я, прорывавшись, про свои новые способности и, создав себе платок, решительно вытерла слезы.

Потом опасливо огляделась и обнаружила, что мы остались одни. Даже Шейна куда-то исчезла. Наверное, не захотела мешать. А может, уже начала устраивать деду проверки?

– Ну я дед. Уже двадцать три года.

– Не преувеличивай, – засмеялась я. – Здесь мне всего двадцать. Пойдем, тут рядом избушка, посидим.

– А магистры где? – Бес быстро окинул взором окрестные кусты.

– Вот про них и поговорим... и про все остальное.

– Идем, – чуть нахмурился он, но меня не отпустил, так и вел, приобняв, до самого крыльца.

– А у меня как раз чай вскипел, – встретила нас мирно сидящая за столом Шейна, и Бес мгновенно напрягся:

– Княгиня Шейнассия?

– Ну да, – спокойно согласилась она. – Это я.

– А каким... – он на миг запнулся, – чудом ты оказалась здесь?

– Со мной пришла, – начала расстраиваться я, не похожи были эти двое на старых друзей. – Шейна помогла мне вытащить сюда тебя. Совет магов пока решения не принял, но с ними все сложно. Они обвиняют тебя в моем похищении.

– Но, разумеется, ошибаются, – так же спокойно сообщила Шейна и бросила на меня короткий, предупреждающий взгляд.

– Спасибо, хоть ты не считаешь так, как они, – жестко усмехнулся Бес. Глянул на меня и тяжело вздохнул: – Варь, я хотел тебе объяснить чуть позже... когда ты немного тут обживешься.

– Дед, – в ответ я уставилась на него укоризненным и откровенным взглядом, – мне могут рассказывать про тебя все, что угодно, это ничего не изменит. Я всегда буду считать тебя своим дедушкой и любить по-прежнему. Потому что все помню, верю своей памяти и своим глазам, а не чужим словам.

– Спасибо, – сглотнул он комок и с какой-то незнакомой гордостью добавил: – И не сомневайся, ты мне на самом деле родная внучка, роднее не бывает.

– Да, теперь я это вижу, – вздохнула вдруг Шейна и печально улыбнулась: – Прости, Рэйльдс, такого я даже не предполагала. После той выходки... ну, в общем, я неверно о тебе думала.

– Как интересно, – протянула я, рассматривая знакомо поджавшего губы деда. – Мне сразу почудилось, что вы давно знакомы. А теперь кажется, что я тоже имею право все знать и понимать, тем более так уж вышло, что в этом мире я доверяю пока только вам двоим. Ну и еще Хаттерсу, Данерсу и Витерсу... но им чуть меньше.

– Любопытный список, – приподнял одну бровь дед.

– Бес! Не увиливай! Я тут накосячила по полной форме, и в этом есть доля твоей вины. Поэтому сначала каешься ты, потом я.

– А к чаю ничего нет? – оглядев стол, спросил он, и мне стало ясно, что дед тянет время, пытаясь сообразить, сколько секретов можно открыть.

Но меня это не устраивало, я вдруг очень отчетливо поняла, как ненавижу, когда старые тайны вдруг настигают шальными пулями.

– А чего бы тебе хотелось? – улыбнулась лукаво, предвкушая сюрприз. Ведь теперь я могу создать ему любое блюдо.

– Малосольных сморчков и копченого суслика с черничным хлебом, – выдал он дичайший набор, и не успела я возмутиться, как на столе возникли три блюда.

На одном горкой громоздились те самые грибы, которые я так и не решилась есть, на втором – похожие на ржанные, лепешки, а на последнем – целая кучка золотистых окорочков, испускающих невероятно аппетитный аромат. Значит, Шейна поторопилась исполнить его желания.

– Настоящие, – почти благоговейно прошептал дед и вдруг как-то смущенно шмыгнул носом: – Вот теперь я начинаю верить, что вернулся

домой.

Глава шестнадцатая

Мне пришлось отвернуть лицо, сделав вид, будто что-то достаю из кармана. Выказывать при свидетелях свои слабости дед очень не любил.

– Ты зря так волнуешься, Рэйльдс, – вдруг очень мягко и как-то по-особому душевно произнесла Шейна, – она никогда тебя не упрекнет...

– Я сам себя упрекал двадцать два года, – вмиг помрачнел он и резко отодвинул блюдо с копченым мясом, – и тысячи раз сам себя судил и приговаривал... и только в последние годы осознал сполна, что вердикт уже вынесен до меня и мера наказания определена. И даже исполнена.

– Дед! – возмутилась я. – Если ты считаешь меня наказанием...

– Нет, Варюха, – уверенно качнул он головой и перешел на русский: – Ты ни в коей мере не наказание. Ты, наоборот, джокер, неожиданный призовой бонус, который нечаянно выдала мне судьба.

– Ну так соберись и колись уже, откуда у тебя взялись дети? И кто из крестьян – мой родитель, мать или отец?

– Мать, конечно, – усмехнулся он, переключаясь на местный язык, выпил залпом остатки чая и стал самим собой, собранным и всезнающим дедом. – Но началась эта история намного раньше, сорок пять лет назад. Я тогда едва успел построить пятую часть задуманного дома и брался за любую работу, стремясь как можно быстрее скопить нужные для постройки деньги. В окрестных деревушках в моих услугах, конечно, нуждались, но селяне – народ прижимистый и за работу предпочитают расплачиваться продуктами и дровами. Или животными, цыплятами, козлятами... в то время у меня во дворе было шумно, как на ферме, и управляться со всем этим хозяйством приходила местная травница. За это я усиливал ей зелья.

– Бартер, понятно, – кивнула я.

– Вот она и принесла новость, что один человек ищет листья синих дубов. Разумеется, не целый лист, это драгоценность, а хотя бы кусочек. И заплатит тому, кто достанет, втрое. А у меня был в Ансвеле друг, мы вместе учились у Хаттерса. И он как-то писал, будто у них листья достать проще. – Бес усмехнулся и покосился на княгиню. – Разумеется, я решил купить и перепродать и помчался туда. Но друга дома не оказалось... Я обежал все лавки травников и всех врачей – само собой, впустую. Только деньги зря потратил на аржабль, порталы тогда были под запретом.

– Они и сейчас под запретом, – вздохнула Шейна и пояснила мне: – Чем больше синих дубов, тем сильнее их влияние, и порталы все чаще

открываются не туда. Потом приходится спасать застрявших в трясине или на скалах путников.

– Назад я мог вернуться только утром, и остался всего один призрачный шанс купить лист – найти контрабандистов. Непросто, но при желании можно. Вот я и отправился ужинать в такое местечко. Часа два сидел, отшивая предложения всяких девиц и перекупщиков амулетов. И осторожно намекая, что ищу нечто маленькое и синенькое. Но листьев так никто и не предложил, и я, отчаявшись, совсем собирался уйти, когда к моему столу подседа замотанная в тряпье старуха. Немного поспрашивала обо всем, потом поставила условие: она принесет кусочек листа, если я ее тайком уведу из города и некоторое время буду прятать от родичей. Они совсем замучили бедную, просто житья никакого нет. К тому моменту я уже понял, что она пользуется амулетом личины, а на самом деле очень молода. Пришлось потребовать доказательство совершеннолетия, и девица показала личный браслет. Больше спорить я не собирался, мы обговорили основные детали и расстались. А после полуночи встретились за городской оградой на старом погосте, и я открыл портал в соседний городок. Оттуда – в другой... в общем, к утру мы были в моей лесной хижине, где я жил веснами, собирая травы. Тогда мне не приходилось особенно выбирать, чем заработать. Девчонка не обманула, отдала почти четверть листа, и я провернул удачную сделку. Несколько дней я прятал спасенную у старой травницы, но та очень скоро отказалась от гостыи. Потом пристроил девчонку в небольшой городок помощницей к знакомому лавочнику, однако и он через пару недель вернул новую работницу. К этому моменту я убедился, что никто ее не ищет, и забрал к себе в недостроенный дом, надеясь получать по вечерам горячий суп.

– Только не говори, – начиная понимать, куда постепенно движется история, серьезно предупредила я, – что речь о моей бабушке.

– Да я бы не сказал, – мрачно фыркнул дед. – И врагу не пожелаю такой бабки, но ты же хотела правду?

– Тогда сожми лирическую часть и пообещай никогда меня с ней не знакомить, – мгновенно определилось мое к ней отношение.

– А разобраться, найти доводы в ее защиту? – прищурился он. – Нет уж, напросилась, теперь слушай. Хотя ты права, о том, как резко она изменилась, обнаружив, что у меня есть не только лесная хижина, но и хотя недостроенный, зато внушительный дом, лучше не рассказывать. Слишком большим дураком себя чувствую, вспоминая ее уловки и собственную слепоту. Но, к счастью, задержалась она ненадолго. Где-то через полгода ко мне приехал по делу один весьма богатый тэйн, родич князя из Подгорья,

и она удрала с ним. Потом до меня дошли слухи о разразившемся скандале: когда Дусена попыталась соблазнить самого князя, ее даже собирались отправить в Обитель суровых дев, но заступился один из магов. Он забрал девицу в Дезвелл, и пару месяцев я о ней ничего не слышал. А потом заявила княгиня Шейнассия и предъявила мне обвинение сразу в трех преступлениях. Совращение и умыкание ее несовершеннолетней воспитанницы, кража листа и жестокое обращение с женщиной, беременной моим ребенком.

– Шейна, – выдавила я сквозь зубы, – мне казалось...

Продолжать просто не хватило сил.

– Я уже говорила, что ошибалась? – печально посмотрела она мне в лицо. – И могу повторить хоть сто раз. Очень трудно не поверить девушке, которую знаешь почти с пеленок. Она мне не родня, но ее мать верно служила нашей семье много лет, а потом вышла замуж. Однако неудачно, ей пришлось уйти от мужа с ребенком. Мы помогли Митте купить домик и выплачивали пособие, звали с дочкой на все праздники. И вдруг она прибежала в слезах – Дуси пропала. Причем, как выяснилось позднее, спохватилась Митта не сразу, и мы не смогли найти никаких следов. Но вскоре девушка обнаружилась в Дезвелле. Разумеется, мать тотчас отправилась к ней, а вернувшись, замкнулась, начала пить, и мне пришлось с ней побеседовать. Тогда я и услышала историю про Рэйльдса, сманившего Дуси из дома и заставившего бедняжку украсть у матери подаренный мной лист дуба. Но расстроило Митту вовсе не это. Дочь обвинила ее в неправильном воспитании, якобы по вине матери Дуси испытывала неоправданное доверие ко всем магам.

– А твоя семья, – задумчиво пробормотала я, – маги?

– Да. Отец был магом, а мать – целительница, и после его нелепой гибели ее выбрали княгиней. А потом, когда я стала... – Шейна на секунду запнулась, метнула в меня быстрый взгляд и уверенно закончила: –... взрослее, выбрали меня.

Понятно, о чем она пока не может говорить деду. Я усмехнулась в ответ и так же ясно осознала, что не имею никакого желания дальше слушать про проделки шустрой и лживой бабуси. Можно подумать, их в том мире было мало, таких охотниц за состоянием, готовых идти по головам родных и близких, а тем более чужих, ради мужчины из разряда «кошелек на ножках». И не важно, какие сказки они вещают о неземной любви к духовному миру старичка или пузанчика, все равно им никто не верит.

– Дед, – глянув на Беса, зло катающего по тарелке сморчок, тихо

попросила я, – давай прекратим вечер воспоминаний? Скажи только, как он с ней познакомился? Мой беспутный папаша с моей не менее беспутной мамашей?

– Варья, – огорченно вздохнула шеосса, – ты заранее их осудила, а она так рыдала, когда тебя не нашли.

– Извини, Шейна, – не сдалась я, – но я столько раз видела, как люди буквально заливаются крокодильими слезами и при этом нагло врут. И работа была такая, и всяких шоу в подростковом возрасте насмотрелась выше крыши. Пока мне четко не объяснил человек, который варится в этом деле, что все они постановочные. Ну, то есть кто-то заранее пишет сценарий. А всякие комедьянтки стараются ради пиара и денег, разумеется. И если удастся потрясти публику, то все у них впоследствии в шоколаде. Дед, мне одно интересно... Ты же такой умный, наверняка уже давно во всем разобрался и разложил по полочкам. Выдай мне результат, я тебе безоговорочно поверю.

– Дусена не маг, – неожиданно повеселел он, – но с ясельного возраста завидовала всем, кто имеет способности, причем по-черному. И хотела только одного – стать магом. А потом, когда поняла, что сама никогда не сможет обрести способности, решила заполучить мага. И план давно составила, и сообщника нашла... или нескольких, мужчинами она к тому времени крутила как хотела. И ее мать об этом знала, но прикрывала любимую, избалованную дочурку. Потому Дуси и была уверена, что ее не хватятся сразу, она уже не раз уходила из дома на несколько дней. Ну а сын... В первый раз он появился в восемнадцать лет, с требованием взять его в ученики. Но у меня тогда уже был ученик, а двоих я никогда не брал. Мне не понравилось, когда я жил у Хаттерса, бесконечное соперничество. Возможно, кого-то оно подстегивает, а меня подавляло. Хотя Хаттерс – очень мудрый и тактичный учитель.

– Про него я знаю, он меня немного учил, – кивнула я и, вспомнив, обернулась к шеоссе: – Кстати, Шейна, я оставила ему твой саквояж и разрешила брать все, что понадобится, ты не против?

– Не против, – качнула она головой. – Это твои вещи. Но сам Хаттерс никогда его не откроет. Придется тебе его убеждать.

– Тогда сначала мы поедem к нему. – Приняв решение, снова уставилась на деда: – Так он на тебя обиделся? Твой сын?

– Сначала, – пренебрежительно ухмыльнулся дед. – Потом посмотрел, как я гоняю ученика, и сообразил, что и с ним нянчиться не буду. Дуси вырастила Берга эгоистом и лентяем, но перевоспитывать его я не собирался, зная, насколько это бессмысленное занятие. Она не захотела

отдать ребенка, когда я поехал за ним в Дезвелл после визита Шейнасси. Устроила целое представление, в ней погибла талантливая лицедейка. На полквартала орала, что он не мой, что я замучаю бедное дите работой, как замучил ее, и еще много чего, даже не догадываясь, что нас абсолютно никто не слышит, а меня и не видит. В тот раз я уже принял все меры предосторожности, да еще и записал ее выступление на кристалл памяти. И сказал ей об этом, когда считал, что она уже выдохлась. Тогда она устроила второй акт, со слезами и жалобами.

– Неужели растаял? – изумилась я.

– Нет. Просто тут служанка принесла крошечного младенца, и я понял, что совершенно не знаю, что с ним делать. Способностей к магии я в нем тоже не нашел и начал сомневаться в отцовстве. Она ведь лжет постоянно, так же непринужденно, как дышит. И все же, презируя себя самого, заставил ее записать все доводы, какие она приводила, чтобы доказать, что он мне не сын. И спокойно жил семнадцать лет.

– Не кори себя, – мягко посочувствовала ему княгиня. – Несмотря на кажущуюся хрупкость, Дусена очень сильная и целеустремленная женщина, теперь я знаю точно. И сына нарочно баловала и делала все, чтобы он от нее зависел, ты верно угадал, ей нужен был личный маг.

– И даже дальше про мою мать рассказывать не нужно, – ввернула я, желая наконец добраться до главного. – Как мне сказали, она весьма симпатичная особа. А он наверняка приезжал к тебе еще не раз и каждый явно имел свою выгоду.

– В нашем мире такие здравомыслящие девушки, как ты, – большая редкость, – с легкой печалью заметила Шейна.

– Как выяснилось, моя бабушка тоже была далеко не тормоз, – огрызнулась я. – Но мы ведь все понимаем, что вовсе не это главное? А то, ради чего человек задумывается над причинами и следствиями и как он использует полученные выводы и догадки. Дед, рассказывай уже про тот день, и помни я многое знаю. И про твою оторванную руку, и о том, что мои предполагаемые родители дружно впали в избирательную амнезию.

– Вот как? – помрачнел он. Посопел, хмурясь и играя желваками, и скрипнул зубами. – А вот об этом, Варь, я даже не подозревал. Понимаешь, в тот день он как раз приехал в гости. Ну, это только так называлось, на самом деле Берг, как всегда, приехал за деньгами. Ему тогда уже исполнилось двадцать четыре, но зарабатывать так и не научился, хотя учителя понемногу усилили ему способности тренировками и накопителями. И вот когда мы обедали на балконе сторожевой башни, неожиданно появился секретарь и сообщил о приходе селян из ближней

деревни. Они настойчиво просили поговорить с ними об очень важном деле. С такими предложениями, как вы понимаете, ко мне обращались нечасто, и я немедленно отправился в кабинет. Там уже сидела семейная пара с ребенком, на вид около года, тогда я в этом по-прежнему не разбирался. Женщину я знал хорошо и недолго любил, она часто приносила к замку на продажу свежий творог и сметану, а иногда и мясо. И всегда почти в открытую со мной заигрывала, но у меня после Дусены есть непреклонное правило не заводить интрижек с кем попало. А вот мужа селянки я почти не знал... и невзлюбил с первого же слова. Он буквально кипел злобой и, сжигая меня полными ненависти взглядами, потребовал забрать свою дочку и выплатить ему отступные за молчание. Разумеется, я озверел от такой наглой лжи. Рывкнул, что никогда и пальцем к этой лгунье не притронулся и могу в этом поклясться на любом амулете. И выставил их за ворота, точнее, попросту выкинул заклинанием. А когда вернулся на балкон, Берг с самой невинной улыбкой спросил, кто меня так разозлил. Ну, я сгоряча и бросил что-то про нахальных селянок, у которых хватает совести шантажировать мага, даже не опасаясь за ложь превратиться в денгулов. «И надо было превратить, – зло бросил он, – подлая тварь! Сама навязалась...» Он еще не смолк, а я уже знал, что селяне не лгали. И помчался наверх, с башни отлично видна дорога и единственный мост, по которому приходят в мой замок селяне. Но вела меня не интуиция, а воспоминание о ненависти, с какой Кавин смотрел на ребенка. Он почему-то был твердо уверен, что Варя – не его дочь.

– Инла, – фыркнула я.

– Что – Инла? – непонимающе уставился на меня дед.

– Они называли меня Инлой.

– Тебе не подходит, – безапелляционно заявил он, нахмурился и продолжил свой нелегкий рассказ: – Я оказался на верхней площадке, как раз когда они вошли на мост. Усилил себе зрение заклинанием и почти сразу понял, что они яростно ссорятся. Муж бешено махал руками, как мельница крыльями, и зло орал на женщину, а она огрызалась с ненавистью, как загнанная в угол волчица. И вдруг этот скот выхватил у нее ребенка, подскочил к перилам и начал размахивать младенцем, как куклой. У меня до сих пор стоит в глазах эта картина...

Голос деда сорвался, он схватил кружку с чаем и начал пить так жадно, словно три дня бродил по пустыне. Я вскочила со стула, ринулась к нему, прижалась к спине, бережно глядя окаменевшие плечи и шею:

– Дед... ну дед же! Ну плюнь ты на них!

– Нет, – преодолев себя, устало вздохнул он, – второй раз я на этот

рассказ не решусь. В тот момент у меня словно молния в мозгу сверкнула... так ясно увидел все, что случится через минуту. Речка там горная, бурная... мчит между огромных валунов с бешеной скоростью... а мост высокий, горбом. Там и взрослый не вылезет, если спрыгнет. А я не успевал даже портал открыть... поэтому вызвал лавину, у меня давно было наготове заклятие... на случай слишком снежной зимы. Одновременно бросил на тебя защитный кокон, отбросил селян в сторону и открыл портал. И когда уже шагнул в него, увидел, как ребенок летит вниз. Скотовод все-таки успел выпустить дите из рук. А в следующий миг я и сам падал туда же, прямо в подхватившую тебя снежную волну.

Он дышал тяжело, словно все происходило только минуту назад, а я глотала слезы и вспоминала, как иногда по ночам случайно обнаруживала деда на кухне или на балконе, смотрящим в никуда с сердито стиснутыми зубами.

– Потом все случилось очень быстро, – тихо пробормотал Бес, погладив мою руку, – я нашел тебя под лавиной, но кокон был плотно завален камнями и снегом. Несколько валунов удалось сдвинуть и протиснуться на их место, но последним мне зажало правую руку.левой я вцепился в тебя и лихорадочно пытался найти выход. На Берга я даже не надеялся, порталы он так и не осилил, да и рисковать собой никогда бы не стал. И вскоре понял, что остался только один выход – старинный артефакт перехода через грань миров. Вещица хранилась в моем кабинете, но я привязал ее к себе на всякий случай. Решившись ее использовать, я просто призвал артефакт и мысленно активировал. В тот же миг мое плечо пронзила невыносимая боль... очнулся только в больнице. Рука была на месте, а вот ребенка поблизости не оказалось. Только женщины в странных белых одеждах что-то жалостливо лопотали на незнакомом языке.

– Вот теперь все встало на свои места, – помолчав, вздохнула Шейна. – Прости меня, Рэйльдс, еще раз. Мне очень жаль, что я тебя тогда обидела... Но еще больше виновна, что позже, когда совет разбирался в этом деле, приняла сторону тех, кто решил, будто ты украл ребенка для опытов. И поэтому послушай моего совета – не спеши сейчас к себе в замок. Там все заперто, и твой секретарь никого не пускает, активировав особую защиту. А ты пока считаешься преступником, и это очень выгодно тем, кто охотится за Варьей. У нее редкие способности, и она уже успела хорошенько припугнуть команду главного инквизитора и обозлить самого Клаурта. И есть еще одна очень неприятная новость... последние десять лет Клаурт женат на Дусене.

Целую минуту я ошеломленно таращила на княгиню глаза, пытаюсь

понять, как на самом деле разворачивались события, потом, сев на место и взяв себя в руки, почти спокойно осведомилась:

– Ты хочешь сказать, что этот Берг сообщил своей мамочке об интрижке с селянкой?

– Возможно, он и не хотел говорить, – хмуро усмехнулся дед, – но она очень хитрая змея. И если захочет, может выпытать все, что ее интересует. А ты ее интересовала, потому что твое имя связано с моим. Она все время за мной присматривала, и чем лучше я жил, постепенно накапливая опыт и получая все более денежные заказы, тем упорнее посылала ко мне сына, зная, что ему я никогда не откажу в паре сотен золотых. Однажды даже додумалась сунуться к моей подруге с намерением «открыть ей глаза». Но совершенно случайно попала на меня – я ожидал Флейси и успел прикрыться мороком. И отправил ее подальше, пригрозив вырастить неубираемые бородавки. И не только на лице.

– Фу, дед, – не выдержала я, – иди вымой рот с мылом и больше никогда мне про этих гадин не рассказывай. Суду и так все предельно ясно, ничего нового... помню я таких ушлых дамочек. А нам еще не пора думать, куда деваться? Здесь же остаться нельзя?

– Лучше уехать, – одобрительно глянула шеосса. – Хоть мы и погасили отзвук межмирового портала, но совсем убрать не могли. Это невозможно. Поэтому все, кто знает, зачем ты появилась в этом мире, уже сообразили, что Рэйльдс здесь. Они могут попытаться его захватить, пока после перехода не стабилизировался резерв.

– А... – заикнулась я и прикусила губу. Но, вспомнив, что за вопрос мне ничего теперь уже не будет, осторожно поинтересовалась: – А накопитель ему нельзя?

– Я и сам завтра сделаю, – с укоризной одернул меня дед. – Кстати, какие способности ты получила?

– Созидания, – просто ответила я, сжала кулак и тут же раскрыла, показывая Бесу кучку ярко сверкнувших кристаллов: – Вот. Больше ничего не нужно?

– Джинсы из черной замши, – машинально пошутил он, – классические.

– О'кей! – Весело хихикнув в ответ, высыпала на стол камни и шлепнула сверху шуршащий пакет.

– Что... правда? – растерялся Бес, подтянул пакет, раскрыл, пощупал ткань. – С молнией?

– И даже твоего размера и любимой фирмы, – уже откровенно смеялась я, чувствуя, как легко и хорошо становится на душе.

Дед со мной, и никогда он меня не воровал, не предавал и никаких опытов проводить не собирался. Просто спасал из лап озверевшего от ревности селянина, который швырнул в реку ни в чем не повинного ребенка, а потом двадцать лет спокойно получал за это жирное пособие. И мне вдруг очень захотелось не прятаться, а лететь в свой дом и воздать всем по заслугам.

– Что это? – не выдержала Шейна, опасливо разглядывая пакет.

– Всего лишь штаны, – со смехом ответила я. – Дед собирается ввести здесь новую моду.

– Вот теперь я понял, зачем ты им понадобилась, – помрачнел вдруг Бес, – и хочу знать точнее, от кого ждать первого удара. Ну, теперь твоя очередь исповедоваться.

– Давайте сначала загрузимся в аржабль? – спросила я Шейну. – А в пути спокойно поговорим.

– Хорошо, – сразу встала она с места. – Сейчас призову. А ты про питомцев не забудешь?

– А они тебе не нравятся? – заинтересовалась я. – Ведь полезные?

– Но тут не останутся, – усмехнулась она от порога. – Побегут за аржаблем.

– Ты же вроде всегда была против котят и кутят? – недоуменно хмурился дед, разглядывая камни.

– Так там жизнь другая, – мысленно позвав Котю, вздохнула я. – Не всегда есть возможность после работы сводить собачку на прогулку или убрать за кошкой. А здесь у меня времени больше, да и гуляют они сами. Кстати, про способности... я решила стать целителем. Вернее, уже вылечила ученика Хаттерса.

Дверь скрипнула и распахнулась, пропуская в дом пахнущего рыбой, влажно поблескивающего Котю. Ого, похоже, он научился сам охотиться! Пусть тогда, кроме рыбы, ест еще грибы и траву. Лопухи и сныть, например, вроде видела я тут похожие растения.

– Варя, осторожно! Не двигайся! – мигом вскакивая со стула, зашипел дед и начал крутить в пальцах подаренный мной накопитель. – Это земли шеоссов, а они мастера плодить всяких монстров.

– Почему сразу монстров? – обиделась я. – Котя – крот. Только большой и зрячий. И когти у него алмазные, мне нужно было, чтобы он камень копал. Ты еще моих мурашей не видел!

– Уже вижу, – странным голосом процедил Бес, – и боюсь спросить, зачем тебе такие огромные понадобились?

– Глину из подземного хода вытаскивать, – честно сообщила я, – а то

Котя очень долго копал. Дед? Ты чего так смотришь? Я там недолго была, и ничего плохого мне не сделали. Это я их напугала, бежали как зайцы.

– Лучше бы я еще года три потерпел, – яростно скрипнул зубами Бес и вцепился в меня как в спасательный круг. – Но ведь и подумать не мог...

– Аржабль уже ждет, – деликатно позвала от двери Шейна, и мы пошли грузиться.

Глава семнадцатая

На этот раз летун был белый, с голубым отливом, и довольно большой. Он держался ножкой за огромную сосну, росшую возле домика, и встречал нас удобным, как диванчик, подъемником, рассчитанным на двоих.

Первыми поднялись наверх мы с дедом, потом – мои питомцы. Рассмотрев плотно сидящих на Коте мурашей, Бес потрясенно крикнул.

Пока я отправляла питомцев в маленькую каютку, появилась Шейна, одетая в точно такой же, как у меня, камуфляж, и дед снова крикнул, но теперь с едва заметной усмешкой.

– Варья тоже вводит новую моду, – невозмутимо пояснила ему шеосса. – И мы решили сделать этот костюм своей формой.

– Кто это «мы»? – мгновенно насторожился дед.

– Противники Клаурта, втихомолку установившего собственную негласную власть над советом магистров и островом Тегуэнь.

– Вот только войны мне сейчас и не хватало, – обреченно буркнул Бес, входя за нами в каюту.

Эта капсула была вдвое больше обычной и, кроме трех удобных кресел и столика, имела плоское оконце, затянутое матовой пленкой.

– Каюта следящего, – изумился дед, оглянувшись, подумал и устоял на нас подозрительным взглядом: – И кто из милых дам пилот этого аржабля?

– Сейчас я. – Судя по всему, сегодня у Шейны нет никакого желания хитрить или играть в таинственного шеосса. – Но если нужно будет, Варья тоже сможет.

– Это несложно, – подтвердила я, устраиваясь. – Так ты хотел знать, чем я тут занималась шесть дней?

– Там прошло почти восемь, – вздохнул он и больше меня не перебивал.

Нет, я не стала подробно рассказывать про свои мытарства, особенно про первые дни. Лишь упомянула случайно встреченного в лесу шеосса, который помог мне добраться до какого-то городишки.

Примерно через полчаса, сократив все, что могло выдать Шейну или расстроить деда, я с облегчением закончила свое повествование и создала себе заслуженную чашку капучино.

– А мне? – возмутился дед.

– Вот! – создала я еще две чашки и устояла на упорно молчавшую княгиню: – Шейна, ты с нами?

– Да, – отстраненно отозвалась она и взяла в руки чашку. – Странный вкус... горьковато. Но приятно. Летим в Седое урочище, это недалеко от Крихета. Хаттерс уже едет туда с учениками и поваром. Ему пришлось продать дом.

– Черт! – ругнулся по-русски дед. – Учитель это жилище строил сам и очень любил.

– Магистры поставили вокруг них посты, ни войти, ни выйти. – В глазах Шейны сверкнула сталь. – Ему пришлось уводить своих людей тайным ходом.

– А наших никого рядом не было? – засомневалась я.

– Были, – кивнула княгиня и снова ушла в себя.

– Варвара, – строго и с нажимом заявил дед, – запомни, я с тобой до конца. И с теми, кого ты называешь «нашими», хотя никого из них не знаю, кроме Шейнасси, как очевидно. Я твердо убежден: ты никогда бы не встала на сторону тех, кто издевается над друзьями, обижает слабых и во всем ищет только выгоду для себя любимых.

– Спасибо, дед, – растроганно шмыгнула я носом, – ты самый лучший. И понял все правильно, просто я пока не могу открыть тебе всех тайн.

– Ну почему? – вернулась к нам Шейна. – Он прошел три первых испытания и встал на истинный путь. В Седом есть дуб, напоим Рэйльдса соком, и через сутки будет видно способности.

– А можно чуть подробнее, – напрягся дед, – насчет «истинного» пути? Куда он ведет?

– К шеоссам, разумеется, – с великолепной невозмутимостью пожала плечами Шейна.

– А когда я говорил, напомните, – дед сразу стал холодно-вежлив, – что желаю идти к шеоссам?

– Пять минут назад, – поглядев на снова примолкшую княгиню, пояснила я.

– Точнее?

– Когда сказал, что ты со мной и с теми, кого я зову нашими. Это шеоссы.

Несколько минут он мерял меня потрясенным взглядом и сердито сопел, но постепенно пришел к какому-то выводу, допил кофе и потер лоб.

– Об этом ты ничего не сказала.

– Сказала! Что тайна не моя, – возразила я устало и взмолилась: – Дед! Поверь, я и сама в шоке! Зато теперь точно знаю: шеоссы – вовсе не монстры, а маги... вернее, магистры. Еще точнее – лучшие из них, прошедшие экзамен на гуманность, благородство, честность,

бескорыстие... в общем, на самые светлые духовные качества, и за это наделенные особыми возможностями и полномочиями. Ну и ответственностью, как ты сам догадываешься. В моем понимании это следующая ступень эволюции магов, почти полубоги, и очень правильно, что туда не пускают всех подряд. В мире не должно быть злых и подлых божеств, это противоречит закону развития цивилизаций.

– Варя, – помолчав еще немного, дед поднял на меня взгляд, в котором плескалась горькая вина, – это случилось из-за моего совета вырастить мех?

– Бес, теперь не имеет значения, с чего все началось. Хотя сначала я тоже была расстроена. Даже ругалась и дралась... самой стыдно вспомнить. Но теперь ни о чем не жалею, потому что все отчетливее понимаю, насколько важно для этого мира вырастить до катастрофы как можно больше синих дубов.

– А зеленый мех... – Дед скрипнул зубами и смолк.

– Ну да, – пожала я плечами, – мех есть. Хочешь, могу показать. Но предупреждаю сразу: он – это не я. Если точнее, мех – это нечто вроде магического скафандра и экзоскелета в одном флаконе. Очень удобная вещь. Вот в нем можно спрыгнуть с любого моста или из окна пятого этажа, ничего не сломаешь и ощущения невероятные. Я в нем в ловушку упала – ни одной царапины. Хотя она рассчитана на то, что человек покалечится и его легко будет сломать морально.

– Ты можешь назвать тех, кто заманил тебя в эту ловушку? – Голосом деда можно было стать резать, как лазером.

– Клаурт, – подумав, сообщила я. – А если по большому счету, то и бабушка родная наверняка ручки приложила. Теперь, когда вы мне сказали, что она всегда мечтала иметь сильного карманного мага, я даже на миг не поверю, что она еще не придумала многоходовку, как загрести меня в свои когтистые лапки. Но ты же знаешь, что мной манипулировать бесполезно, сам так воспитал. Как только мы ушли из Крихета, я попыталась свернуть аржабль в другую сторону... ну рассказывала же!

– Помню, – насмешливо фыркнул он, но глаза остались серьезными. – Только вот таких деталей тогда почему-то не услышал.

– Но это и не детали, а выводы, сделанные во время рытья хода. Пока Котя копал, у меня было достаточно времени, чтобы все обдумать.

– А если бы они в этот момент открыли крышку ловушки?

– Дед, но они ведь не открыли? – Я искоса поглядела на него, прикидывая, достаточно такого объяснения или нет, и небрежно добавила: – Кроме того, и не могли. Я на всякий случай превратила крышку

в монолит, и дверцу бокового выхода – тоже. Но первым делом собрала все следилки, жизнь под камерами всегда была мне отвратительна. Шейна, а личных капсул тут нет? Я бы умылась.

– Напротив нас два входа, выбирайте, – оторвалась она от управления, и я решительно направилась туда.

Теперь, когда появился человек, которому можно без сомнений отдать заботу о своей безопасности и честь составления военных планов, мне впервые в этом мире стало легко дышать, и вдруг накатила усталость. Не телесная, нет, здесь я чувствовала себя как никогда живой и бодрой. А вот душа, как выяснилось, вся издергалась и изболелась и жаждала немного покоя.

В Седое урочище мы прилетели к вечеру. Солнце еще не село, и с простенькой башни, сплетенной из живых стволиков ив, за которую зацепился аржабль, был отлично виден прячущийся между холмами зеленый ложок. Среди пышных крон отчетливо выделялись два синих дуба, росших по разные стороны ложбины. Мы находились примерно посередине между ними, и прямо перед нами среди зелени угадывались замшелые крыши древнего строения.

– Это место когда-то принадлежало старому магу, – сказала Шейна. – Он оставил его своим ученикам, но никто из них тут так и не поселился. А мы выменяли его у последнего наследника на другой дом, через пятые руки.

Объяснять, ради чего им понадобились такие шпионские предосторожности, она не стала, лукаво усмехнулась, вмиг превратилась в шеосса и лихо прыгнула вниз.

– Варя! – в следующий миг вцепился в меня Бес. – Не вздумай! Три дня разговаривать не буду!

– Если ты о том, чтоб я не прыгала, – уточнила я, прикидывая, как быстро и без проблем спуститься с башни, не имеющей для этого ничего приличнее росшего слегка наклонно ствола с густыми боковыми веточками, – так я и не собиралась оставлять тебя одного. Кроме того, у меня еще Котя с мурашами.

«Впрочем, мураши и сами могут слезть по стволу», – тут же сообразила я, а вот Котю лучше не пускать, он своими когтищами это подобие лестницы вмиг приговорит. Значит, нужен транспорт на троих.

– Проще всего сделать нормальную винтовую лестницу, – сообщил практичный дед. – Она и другим пригодится.

– Тут надо думать по-другому, – вздохнула я, – почему эту лестницу до

сих пор никто из наших не сделал? Чего бояться? Неужели мы слабее совета магов?

– Вряд ли слабее, – сразу ответил Бес, – но вот авторитет у них выше раз в сто. Ведь даже я, как ни стыдно признаться, всегда считал шеоссов просто мутантами вроде денгулов. И если они чем-то заденут магистров, против ополчится весь народ.

– Понятно, – хмыкнула я, наблюдая, как мураши, ловко преодолев бревно, разбегаются по ложбине. – Тогда будем спускаться красиво. Ты за одноразовый лифт или за планер?

– Я за обычную таль с корзиной, – попытался упростить решение дед, но у меня был против этого веский довод:

– Я все равно сразу солью ее в накопители, поэтому нет смысла экономить. А полетать на планере мне всегда хотелось. С грифона ничего не видно.

– Проще лифт, – не согласился Бес. – Учиться летать лучше там, где нет деревьев.

– Вы собираетесь спускаться или помочь? – показала над краем площадки зеленая голова.

– Мы решаем, как спуститься, – вежливо ответила я шеоссу, каким-то неведомым способом угадав в нем Винка. – Красиво или быстро.

– Красиво, – сразу выбрал он.

– Тогда сделай медленный лифт, – подозрительно приглядываясь к магу, посоветовал дед, и мне вдруг пришла в голову новая идея.

От башни, которую на всякий случай пришлось укрепить, до самого дома протянулась канатная дорога, а на ней повисло несколько одноместных сидений, прикрытых от солнца зелеными зонтами, красочно расписанными под японские мотивы.

– Первым – Котя.

Я велела кроту влезть на медленно подъехавшее кресло и без команды его не покидать.

Верный питомец бесстрашно втиснулся на чуточку узковатое для него сиденье и уехал в сторону крыльца. Вторым в кресло молча сел дед, и не подозревавший, что я уже накрутила на него три слоя защиты. Потом, мигом сбросив зеленую шкуру, на сиденье устроился Винк. Последней ехала я, от всей души наслаждаясь теплым ветерком, мягкими лучами уходящего за холмы солнца и ароматом цветущих незнакомых трав.

Возле крыльца меня уже ждали дед, Котя и сбросившие зеленые шкуры шеоссы.

– На чем она работает?

– Простой мотор, – объяснил Бес. – Энергия с накопителя.
– Оставь, не убирай, – велела Шейна. – Скоро наши придут. Мы объявили общий сбор.

– А Хаттерс?

– Они живут в другом доме, ниже, – кивком указала она. – Если хочешь, ходим.

Разумеется, я считала нужным туда сходить, чувствуя себя немного виноватой в том, что старому учителю пришлось бежать из собственного жилища. Но сначала надо посмотреть, как Бес выпьет сок.

Однако он решил по-своему:

– Конечно, хотим. Куда идти?

– Можно поехать на оленях, – ничуть не расстроившись, предложила Шейна.

– Нет у них оленей, – пожаловалась я деду. – Какие-то странные яко-кабаняки.

– Прости, Варюха, – с деланным сочувствием ухмыльнулся Бес, – в пять лет ты бы не поняла, почему в стране синих дубов вместо прекрасных оленей живут мохнатые кабаны.

– А создать... – заикнулась я, и на меня дружно рявкнули сразу все:

– Нет!

– За ними нужно будет присматривать, а у нас и так забот хватает, – пояснил дед. – Нас ведь мало.

– Так вы сами виноваты, – от обиды само сорвалось с языка. – Такую благородную работу постарались выставить перед населением самой непрезентабельной. И кадры... Вместо того чтобы воспитывать учеников и в стадии обучения отбирать подходящих, всячески запугиваете драконовскими методами. Никакого научного подхода и педагогических разработок.

– Ты неправа, – строго ответил дед, не глядя на притихших шеоссов, – но это не твоя вина. Просто ты судишь по реалиям другого мира. Там проще, изначально все условно равны. И тем не менее только один студент из десяти, а иногда и меньше, выполняет работу, которой учился пять лет. Остальные просто занимают чужие места, и я сам знал очень способных людей, не сумевших поступить или закончить обучение по не зависящим от них причинам. Но тут нужны только маги, а они и так с самого рождения поставлены в особые условия. И им вовсе не легче, чем простым людям, а труднее, так как в большинстве случаев все решают родители. А если они и не пытались воспитать из сына покорного исполнителя своих грез, то позже непременно находятся желающие получить выгоду от начинающего

мага. И будь уверена, у них имеются проверенные способы сесть ему на шею.

– Дед, – я чувствовала себя отшлепанной за дело, но одновременно отчетливо понимала, что истина где-то близко, – ты прав, откуда мне было знать про трудности магов? Я только получила способности и уже по полной форме испытала все радости прессинга. Шеоссы считали, что я хочу сажать дубы, магистры были убеждены, что я должна работать в их бизнесе, денгулы вообще бросили посреди дороги, когда заподозрили во мне мага. Как выяснилось, даже родная мать вовсе не таяла от святой любви, рожая ребенка, а мечтала сорвать с мага жирный бонус.

Дед попытался что-то сказать, но я не дала, мне сейчас нужно было выразить то, что вспыхнуло в сознании ясной картиной.

– Поэтому я и думаю о них, о тех мальчиках и девочках, которым не удастся спокойно вырасти и повзрослеть вдали от этой гонки амбиций и интриг и которые не сумеют, как я, осознать и принять приоритеты главных человеческих ценностей. Не потому, что они тупые или злые... Нет! Ты же сам знаешь, как впечатлительны и доверчивы малыши, как легко можно залить в них, как в пустой сосуд, любую инфу и любые убеждения. Именно из них и выращивают террористов и фанатиков всех классов и всех идей, вплоть до откровенно идиотских! Вспомни, как ты возмущался доверчивостью людей, которые, поверив безумцу, с семьями жили в холоде и грязи в глиняных пещерах, и сектантов, добровольно принявших смерть вместе с детьми за бредовые откровения параноика! И теперь мне понятно, что нужно делать, чтобы вырастить защищающие природу дубы. Сначала нужно воспитать учеников, создать школы, но не такие академки, над какими ты смеялся, читая книжки. Наоборот, нужно сделать все, чтобы в наших школах не было ничего похожего. Ни формы, ни муштры, ни соперничества. Дети должны попадать в большую, любящую семью, где любой ребенок почувствует себя нужным и любимым, где будут радоваться успехам каждого и каждый поможет справиться с трудностями. Вы ведь все такие мудрые, вы и сами можете придумать, как это организовать, как вырастить из одаренных по-настоящему светлых магов. И из них выбрать шеоссов, но не в виде премии, а как почетную, но сложную обязанность. Были когда-то в той стране, которую я считала родиной, такие училища, из которых почти все выходили истинными благороднейшими и честнейшими патриотами родины. Разумеется, не все из них пронесли это через жизнь, но тогда, как и теперь, в моей стране в чести были интриганы и шулера, придворные лизоблюды, удачливые банкиры и пройдошливые купцы. Но у них не было ваших возможностей и условий...

– Варь, – наконец перебил меня дед и, с силой обняв за плечи, прижался щекой к макушке, – не расстраивайся, Варь... Ты права в основном, детей нужно спасать от алчных родичей и не родичей. И такая школа у нас будет, я сам сяду писать планы и правила... Только не плачь, Варюха, никакой матери и тем более бабушке я тебя не отдам.

– А я и не плачу, – возмущенно шмыгнула я носом, махнула платочком и обнаружила, что лицо просто залито слезами, но упрямо добавила: – А к ней и сама близко не подойду.

– Она имеет право потребовать, – хмуро буркнула за моей спиной Шейна. – Тебе в нашем мире еще не исполнилось двадцать.

– Сначала мы будем их судить, – жестко рыкнул Бес, – а потом посмотрим. Я много лет думал о произошедшем и нашел способ все показать судьям, когда вспомнил правила межмирового портала. В первые два-три дня после перехода все хранящееся в памяти ощущается свежим, словно произошло вчера, и я намерен записать на кристалл это событие – с того самого момента, как они явились в мой замок.

– Рэйльдс, – твердо сказал Винк, – я собирался сказать тебе позже, но раз так повернулось... Мы приняли решение в этот раз не проверять кандидата на звание шеосса по каждому пункту, заранее убедившись, что он подходит по всем основным параметрам, и поэтому поздравляем тебя со вступлением в наш небольшой отряд. Тебе осталось только выпить сок дуба.

– Так это вы меня, что ли, не собираетесь проверять? – опешил дед. – А как насчет того, что я преступник? И вообще, разве это не добровольное занятие – сажать дубы? И кто может дать гарантию, что я справлюсь? А вдруг он вырастет уродом, вы кого пошлете его уничтожать? Нет, извините. Для меня это пока очень сложно. Не успел человек вернуться, а его как обухом по голове... Дайте хоть в себя прийти, внучкины проблемы решить, до дома добраться... Варюха! Ты не можешь мне объяснить, почему они все так подозрительно улыбаются?

– Могу, – вздохнула я. – Ты рвешь в их сознании все стереотипы, ломаешь устойчивые границы предполагаемых реакций и тем самым прочно надеваешь себе на плечи зеленую шубу. И даже скажу больше. Я, конечно, тоже потрясена скоростью, с какой они перестроили веками отработанный ритуал отсеивания претендентов на эту самую шубу, но не могу тебя не огорчить. По-моему, ты просто прирожденный шеосс, и зеленый цвет тебе необычайно к лицу.

– Твоя бабушка не поняла бы в этом поздравлении ни единого слова, – лукаво усмехнулся Бес. – А я, кажется, начинаю подозревать, что ты

вступила в заговор против родного деда. А можно хотя бы этот сок пить не прямо сейчас? Мне как-то не до посадок. Я хотел сначала сходить поздороваться с Хаттерсом.

– Рэйльдс, – Шейна смотрела почему-то на меня, – Варья тебе объяснит, что сегодня сажать ничего не придется. Ты займешься этим, когда будешь готов. Но сок лучше выпить пораньше. Боюсь, завтра у нас будет трудный день, и может оказаться поздно.

– Не спорь, Бес, – вздохнула я, понимая, как непросто ему рушить много лет лелеемые в душе планы об устройстве своего дома, о возвращении прежнего порядка и покоя. – Лично я сторговалась на триста лет свободы, но сто уже отдала за доверие к инквизитору. А он даже спасибо не написал.

– Варья, – огорченно нахмурившись, заглянула мне в лицо шеосса, – сюда не доходят вестники. Седое урочище накрыто мощным щитом двух дубов, и сквозь него даже боевое заклинание не пройдет.

– Понятно, – с нарочитой беспечностью кивнула я, досадуя на себя за недогадливость.

Могла бы и сама сообразить, что не зря Хаттерс, который и сам мог поставить над домом мощную защиту, прячется именно здесь. И значит, напрасно я целый день посматриваю на колечко, это не Данерс уже забыл про меня, а я сама вне зоны действия.

– И вообще он неподходящая для тебя компания, – тихо буркнул Бес, мгновенно разозлив меня этим заявлением.

– Дед!

– Что «дед»? – приостановился он, посмотрел в мое возмущенное лицо и вдруг помрачнел: – Ну, что смолкла?

– Вдруг подумала, что ты специально вызываешь меня на спор, – медленно, проверяя его реакцию, произнесла я. – Но напрасно. Ты сам все время говорил, что нельзя судить людей по первому впечатлению. И тем более по одежде и тачке, потому что это вовсе не показатель порядочности и благородства, а скорее наоборот. И не понимают этого только полные блондинки. А сам, еще не видя человека, уже сделал вывод, подходит он мне или нет. Так вот, про него я с тобой говорить не хочу, к тому же разговор беспредметен и никакой ценности не имеет. Да я, возможно, никогда больше с ним и не встречу.

Развернулась и отправилась за шеоссами, деликатно ушедшими вперед по еле заметной тропке.

Дед догнал меня через несколько шагов, топал следом и огорченно вздыхал, пока я, не выдержав, не остановилась.

– Ну что еще... – обернувшись, начала раздраженно и смолкла, напоровшись взглядом на его горестно кривившиеся губы.

– Бедный мой храбрый воробышек, – мимолетно погладив меня по макушке, виновато пробормотал дед. – Сколько всего сразу на тебя свалилось... и шеоссы, и Дуська, и еще этот... Дан.

– Вот почему ты такой упрямый? – огорченно вздохнула я.

– Это ты упрямая. И не помнишь, скольких я выгнал, высмеял, обвинил в несуществующих грехах, и ни за одного ты не заступилась. А сейчас молнии из глаз... ты хоть не спеши, ладно? Постарайся получше рассмотреть... Хотя о чем я говорю!

– Дед? Да с чего ты это взял? Просто я его нашла... в камере, не хотела тебя расстраивать. Распяли человека на голых досках, как фашисты, и в позвоночник костыль вбили, магию с него сливать. И ни света, ни воды, только половичком чуть прикрыт. Хорошо хоть я к этому моменту уже лечить немного научилась и могу снова в энергию возвращать магические предметы. Руками этот штырь я бы не вынула.

– Знаешь, Варь, может, я и ошибаюсь, – помолчав, примирительно вздохнул дед. – Целители к сложным пациентам тоже иногда привязываются. Так что ты особо на мои слова внимания не обращай. Может, и в самом деле никогда больше не встретитесь.

Отвечать я не стала, мы как раз добрались до полянки, накрытой тенью могучего дуба. Но отчетливо почувствовала, как неприятно царапнули сердце последние слова Беса.

Глава восемнадцатая

Процедура поения новичка соком оказалась простой до смешного и не заняла даже двух минут. Один из шеоссов подставил к стволу кружку, и в нее из приоткрывшейся дырочки быстро натекла голубоватая жидкость. Дед не стал вредничать и медлить, молча выпил сок и вернул магу кружку.

– Обычно посвященные в этот момент что-нибудь говорят, – осторожно заметил кто-то из шеоссов.

– А я не говорливый, – мигом огрызнулся Бес, повернулся и пошел прочь. Но, сделав пару шагов, оглянулся, насмешливо оглядел новых собратьев и добавил: – Вот отойду от шока и тогда все вам выскажу.

Они неизбежно похихикали и разошлись, а мы направились в сторону стоящего на отшибе строения, где теперь жил Хаттерс. Шейна успела мне пояснить, что там когда-то жила прислуга, но шеоссы все перестроили, и теперь в доме несколько удобных спален.

– Ну а если захотите там заночевать, – усмехнулась она лукаво, – тебе ведь ничего не стоит сделать по своему вкусу. Тут, возле дубов, энергии всегда с избытком.

В ответ я только уважительно покосилась на дубы, которые вовсе не были деревьями в полном смысле слова. И как выяснилось, их листья не зря так дороги. Потому что сорвать хоть один не сможет никто, даже связанный с дубом шеосс. Листья для дуба как пальцы для нас, и издевательства над собой он не потерпит. Хотя им и заказано убивать или калечить людей, но отбросить наглеца подальше, да еще и в болото или в колючие кусты, запретить невозможно.

– Тогда где вы их берете? – возник у меня естественный вопрос.

– Выращиваем отдельно, – пояснила Шейна. – Когда росток еще совсем маленький и не обрел способность к сознательному управлению магической энергией, отщипываем несколько нижних почек и храним в особом месте. А по мере надобности выращиваем веточку и снимаем с нее урожай листьев. Только один раз.

Вот теперь я осознала ценность сделанного мне дара, но ни на секунду не пожалела, что отдала его Хаттерсу. Раз учитель лишился любимого жилища, деньги ему пригодятся на покупку нового.

Дом прятался в густых кустах и возник перед нами как-то неожиданно. Едва тропинка завернула за очередную густую куртину похожих на жасмин кустов, мы оказались в маленьком внутреннем дворике, образованном

выстроенным в виде буквы П жилищем.

На примыкающей к входу широкой террасе стоял стол, и над ним светил фонарь. А вокруг стола сидели трое мужчин и мирно ужинали.

– Гостей не ждали? – негромко произнес дед, и трапезничающие дружно окаменели, словно в ожидании немедленного нападения.

Неверяще хмурясь, Хаттерс пригляделся к Бесу, казавшемуся лет на двадцать старше учителя, и тихо охнул:

– Рэйльдс?

А потом вскочил, роняя стул, и бросился к деду. Тот тоже шагнул навстречу и застыл, будто не решаясь сделать еще шаг.

Замер и Хаттерс, не дойдя на расстояние вытянутой руки. Стоял, пристально разглядывая бывшего ученика, и болезненно кривил рот, не говоря ни слова.

– Я тоже вернулась, – сообщила негромко, не выдержав этих гляделок.

Хаттерс на миг перевел на меня взгляд, кивнул, как повару на сообщение, что суп подан, и снова уставился на деда, даже не подозревая, что тот никому не прощает подобного пренебрежения к его внучке.

И Бес тотчас подтвердил это, обнял меня за плечи, подтянул к себе и, с каким-то непонятным вызовом глянув на учителя, вежливо произнес:

– Знакомься, Саглерс, это моя внучка.

Хаттерс побледнел и словно постарел, но взора не отвел, только сильнее сжал скорбно поджатые губы.

– Прости... – выдавил он наконец. – Прости, Рэйльдс. Я ошибался во всем. Наверное, пора оставить это занятие, буду целительствовать.

Сидящие за столом ученики, которых почему-то было всего двое, Витерс и Жиньос, как-то сжались и, казалось, превратились в безмолвные и бездвижные тени.

– Это неверное решение, – я снова вылезла вперед, – ты замечательный учитель.

– Слепой самодовольный индюк – вот я кто, а не учитель, – горько выговорил Хаттерс и снова смолк, явно надолго.

– Извини. – Бес наконец выпустил меня из рук и шагнул к нему, заглянул в глаза, усмехнулся и на пару мгновений стиснул ладонями безвольные плечи учителя: – Я тоже бываю неправ, как все нормальные люди. Давай посидим где-нибудь в сторонке?

– Беседку, избушку, шалаш, башню, дзот? – тоном вышколенного официанта любезно осведомилась я.

– На твое усмотрение, – серьезно согласился дед.

– Предлагаю бунгало в малазийском стиле с бассейном и гамаками, –

продолжила так же учтиво, но Хаттерс, не понявший и половины слов, вдруг заволновался.

– Ничего не нужно, Варьяна, – замахал руками, опасливо косясь на виднеющийся на фоне темнеющего неба силуэт синего дуба. – У меня здесь прекрасный кабинет, посидим там.

Дед согласно кивнул, и они ушли, забыв и про меня, и про ошеломленных учеников. Похоже, у них накопилось много больных тем.

– Чем тут кормят? – подойдя к столу, справилась у озадаченных парней и вспомнила, о чем хотела спросить: – А где остальные? Маловато вас осталось.

– Учитель их не взял, – пояснил младший, во все глаза рассматривая мой камуфляж. – Мы уже видели такую одежду.

– И нам выдали, на бедность, – пошутила я и тут же об этом пожалела. Витерс мгновенно принял это на свой счет.

– Извини, Варьяна, – виновато посмотрел он, явно не собираясь судить меня за своеволие. – У меня с собой нет денег, но отец обещал положить гонорар на твой счет в банке. Он думал, мне придется еще пять лет на свиных ножках ходить...

– Ты меня тоже извини за то, что сделала это без спросу. Но понимаешь, в чем дело... я тогда не была уверена, что сумею тебе помочь, и боялась дать пустую надежду. А потом ты спал, а меня забрали...

– Куда? – изумился он. – Мне сказали, что ты поехала к родителям.

– Нет. У учителя меня забрала команда инквизиторов и повезла на остров Тегуэнь. – Никакого желания врать и выгораживать бывших подопечных Данерса я не испытывала. – Им выгодно, чтобы сильные целители работали там.

– И ты сбежала? – неверяще вытаращился мой пациент. – Там же самые мощные маги.

– Не сама, мне помогли. Не всем нравится, когда за лечение или за выращенную ногу человек должен расплачиваться всю жизнь. А куда Хаттерс дел учеников?

– Тебя интересует Нейлорс? – хмыкнул Витерс. – Он сейчас дома. Мы с ним братья по матери. И Звена он взял с собой погостить.

– Тогда почему ты не поехал домой? Ведь твой отец – князь, разве он не сумел бы тебя защитить?

– Я только сейчас понял, что меня надо защищать, – невесело усмехнулся Витерс, и мне стало понятно, насколько он рассудительнее старшего брата, – но мне хотелось уехать. Возможно, ты не знаешь...

– Мне об этом известно, – остановила я его и тихо вздохнула. –

И поэтому я хотела рассказать тебе один случай из истории того мира, где жила раньше. В те времена страной правил очень жестокий царь... правитель. Недовольные его делами знатные тэйн устроили заговор и попытались убить тирана. Не лучший способ решения проблем, и им он не удался. Несколько бунтарей казнили, остальных сослали в холодные края копать руду. И, разумеется, их лишили всего – званий, имущества, они стали практически рабами. Один из них до этого ухаживал за простой девушкой, почти служанкой, но она ему решительно отказывала. А когда узнала, как сурово его наказали, дошла до самого царя и добилась позволения поехать за ним в Сибирь.

– Зачем? – не понял Витерс.

– На самом деле она его любила, – вздохнула я, вспоминая пронзительные кадры фильма, потрясшего меня в одиннадцать лет, – но не желала выходить замуж за богатого, чтобы его не попрекали таким выбором. Кстати, она поехала не одна, несколько эйн вместе с ней оставили роскошные дома, удобную жизнь, полную развлечений, и даже детей, и поехали за мужьями. Дед, помню, сказал тогда, что поступили они, конечно, глупо, но за таких женщин и жизни не жаль.

– Мудрый твой дед, – заявил Бронк, явно считавший, что подошел незаметно для меня, – а женщин очень жалко. Натерпелась, поди. Но когда знаешь, что такие бывают, то можно ждать и верить, что и тебе однажды повезет, и уже не страшны любые невзгоды.

– Тебе уже сто с лишним, а ты все ждешь, – заметил Жиньос.

– Потому что у меня уже была такая, – грустно признался повар и, поставив передо мной блюдо с едой, присел на соседний стул. – Но я тогда был молод и глуп. Мы уже в храм собрались, деньги на праздничный ужин почти накопили, всех друзей хотели позвать... Да подвернулась бойкая красотка... закрутила, задурманила... а пришел в себя – ни денег, ни любимой девушки. Деньги я сам на ветреницу потратил, колечками и сережками одарил, а любимую друг увез. Не знаю, как уговорить сумел... наверное, меня ей показал. Вот с тех пор и живу один, а вам рассказываю, чтобы головой думали, какой путь для вас важнее. Всю жизнь жить в радости рядом с верной женщиной или на таких вот стрекозок разменяться.

– Тефия не такая, – мрачней, буркнул Витерс и попытался встать из-за стола, но мне не хотелось заканчивать разговор на этом.

Мало ли какие у него сейчас начнут рождаться идеи? О том, что человек в таком состоянии опасен, и прежде всего для самого себя, я знаю не понаслышке. Однотруппник устроил показательное выступление, когда его девчонка ушла к другу.

– Конечно не такая, – мягко улыбнувшись пациенту, одновременно придержала его на месте воздушным щитом. – Как говорит древний философ, каждый человек исключителен и неповторим. И у каждого имеются причины для всех поступков. Иногда они мелкие и мимолетные, иногда существенные и непререкаемые. И если хочешь разобраться, почему кто-то поступил именно так, а не иначе, нужно с ним откровенно поговорить. Выяснить, какая причина подтолкнула его к действию, незначительная или важная, и уж потом принимать решение.

– Это просто слова, – фыркнул Витерс, и я мысленно поблагодарила его за удачную реплику.

– Не скажи. Вот был такой случай... – Вздохнув, прошу истину простить мое утверждение, потому что собираюсь рассказать сказку. – Хозяин вошел в свой дом и увидел друга, стоящего у детской колыбели с окровавленным ножом в руке. Вне себя от боли мужчина схватил тяжелую кочергу и одним ударом убил друга. А потом, дрожа от горя, заглянул в кроватку и обнаружил, что ребенок спокойно спит, а рядом лежит ядовитая змея с отрубленной головой.

В этот раз они дружно молчали минут пятнадцать, и непонятно было, то ли пытались найти мирное решение этого вопроса, то ли примеряли к себе роковое стечение обстоятельств.

Я уже успела поесть, создать себе чашку кофе и безмятежно его попивала, когда очнулся Бронк:

– Ты прости меня, Варьяна, я ведь тебя за ненормальную принял... Думал, ты лечиться к учителю приехала. Что-то стал глупеть, старею, наверное.

– А по-моему, ты просто очень наблюдателен и мудр, – не согласилась я. – И спасибо тебе за это. Иначе я бы долго сидела на улице, дожидаясь Хаттерса. И я тебе за это должна. Может, у тебя есть желание? Если мне по силам, исполню.

– Желание есть, но исполнить никому не по силам. Никто не вернет мне потерянного... как выяснилось, я однолюб.

– Извини, но тут я, к сожалению, действительно помочь не смогу. Как говорила моя няня, в любви никто лучше тебя не знает, чего ты хочешь и на какие поступки способен ради этого. А ты никогда не выяснял, как живет бывшая невеста? – стараясь успокоить повара, осторожно задала ему первый пришедший на ум вопрос. – Если она тебя любила по-настоящему, вряд ли ей хорошо живется с чужим по духу мужчиной. А если они живут плохо, то, может, она согласится тебя простить?

– Я часто так думаю, – хмуро признался повар. – Но смелости к ней

явиться так и не набрался. А вот желание появилось... Как нам объяснил Хаттерс, ты всю жизнь жила в чужом мире, есть там вкусные блюда, незнакомые мне?

– Бронк, – с облегчением засмеялась я, – так ведь тут для меня все блюда незнакомые, как я определю? А там сотни народов, и у всех свои вкусы и привычки, не все блюда я даже знаю. И животные там другие, и овощи. Но об этом лучше моего деда спрашивать, он многие пробовал и некоторые готовил сам. А вот угостить вас я могу... например, мороженым. Там его тоже сотни видов, но мое любимое – эскимо в вафельном рожке и с орешками.

Десяток хрустящих пакетов высыпалось на стол из ниоткуда, и пока я открывала первый, ученики во главе с поваром настороженно следили за каждым движением пальцев, словно ожидая подвоха.

А потом я наблюдала за опасливо пробуящими мороженое мужчинами и думала, что нужно было создать им по палке шашлыка, его я хотя бы умею делать. А как объяснить, что для изготовления этого лакомства нужны машины и мощные холодильники? Или у них тут вместо холодильников заклинания? И вообще, зачем этому миру мороженое? Бронк вон какие замечательные пирожные и булочки печет!

– Тисенские замороженные сливки, – с видом знатока объявил в этот момент повар. – Только слишком холодные. Да и сами сливки жидковаты, и сахару чересчур много, у нас в чайной тэйна Келата подают в больших чашках, а вместо ложек рассыпчатые сдобные палочки. Нужно будет сходить туда с Варьяной, пусть попробует.

– Ну вот! – обрадовалась я. – Как выяснилось, вы тут еще лучше готовить умеете. Значит, обойдемся и без мороженого.

И одним махом развеяла все оставшиеся пачки, собрав энергию в накопитель.

– А мне понравилось! – Жиньос возмущенно стрельнул взглядом в Бронка. – Сладенько.

– Ну, тогда в виде компенсации... – Я высыпала на стол горку разных конфет и встала со стула. – Бронк, сегодня мы, похоже, ночуем тут, какую комнату мне занять?

А пока шла за ним по дому, вдруг вспомнила про Котю и мурашей и поняла, почему раньше отказывалась заводить собачку.

– Здесь только один этаж, – с тихой тоской бормотал повар, показывая мне комнату. – Ты окно открытым не оставляй. И лучше закрой щитом. Хотя учитель и защитил дом, но в кустах тут какие-то странные твари лазят.

– Бронк, – осознав, что лучше признаться заранее, произнесла я, – ты только не переживай, но я тоже уже завела себе подопечных зверушек. И на вид они страшные. Но никого не обижают, Котя питается рыбой и сорняками, а мураши – всякими отбросами. Например, найдут подпорченный плод или засохшую веточку...

– И где они? – настороженно огляделся повар.

– Сейчас позову... ночью они спят в моей комнате.

Подойдя к окну, я оглядела потемневшие кусты и мысленно позвала крота.

Он появился буквально через пять секунд, ловко влез в комнату, оставляя царапины на потемневшем от времени подоконнике, и плюхнулся внутрь.

– Это кто? – дрожащим голосом осведомился повар.

– Котя. Сейчас я дам ему рыбки... – Привычно создав тазик с рыбой, оглянулась в поисках мурашей.

В этот раз на кроте они почему-то не приехали.

За окном мелькнули тонкие усики, и в комнату шустро заскочил первый мураш. Повинуясь моему неслышному приказу, помчался в угол и замер, дожидаясь собратьев, тонкой струйкой вливавшихся в комнату.

– А это мурашши? – осторожно отступая к двери, справился Бронк. – И сколько их?

– Должно быть пятьдесят, – глядя на явно подросший шар, засомневалась я и на всякий случай выдала шустрым насекомым строгий приказ не делиться без моего разрешения.

Повар пробормотал нечто невнятное и исчез, а я побродила по комнате, прикидывая, чем бы заняться, потом села на подоконник и задумалась. Этот день был богат на встречи и новости, но я почему-то упорно возвращалась в мыслях к разговору с дедом о Данерсе. И некстати вспомнилось утверждение Тобенса, что Бес – сильный ментал.

Да я и сама теперь в это верю, припоминая, с какой легкостью он всегда договаривался с людьми и как охотно они шли ему навстречу. Даже дом, который хозяин упорно не хотел продавать, Бес все-таки выкупил. И все мои эмоции знал как свои. А сегодня вдруг отступил, сделал вид, будто сомневается в собственных выводах.

И это странно, потому что сама я себя влюбленной не чувствую. Нет, разумеется, любимым Наташкиным книжкам с полуголыми красотками и мрачными турками на обложках, утверждавшим о бабочках и прочих насекомых, стадами обрушивающихся на девчонку, стоит ей увидеть смазливового парня, я никогда не верила.

Как мне наглядно объяснила та же Ольга, раскрыв подряд пять книжек на пикантной сцене, обычно такие описания сдувают без стеснения.

– Читала я те оттенки, – плевалась она. – Та американка, похоже, никогда нормального мужика не видала... Вот была бы ты замужем, тоже посмеялась бы, а сейчас тебе меня не понять. Но объяснять ничего не буду, сама когда-то начиталась и считала себя опытной. Ох и дурочкой же была! У всех все по-своему, Варюха, но мужик – он ведь тоже прежде всего человек. А недолюбленные бабы – они как голодающие, только и мечтают, чтобы борщ большими кастрюлями и густой, аж ложка стоит...

Я тихо усмехнулась этому воспоминанию. Ольга, растившая трех мальчишек, все мерила борщами и пирогами, но ведь должно же хоть что-то измениться в мире, если я наконец встретила того самого, своего мужчину?

Из ближнего куста вдруг выскользнула тень, и я вздрогнула, но уже в следующий миг рассмотрела мощную фигуру шеосса и расслабилась, узнав Шейну.

– Что случилось? – пропуская ее в комнату, спросила тихо и ощутила, как нас накрывает плотный щит. – А вот это ты зря, дед теперь с меня глаз не спустит и этот щит сразу почует.

– Мы успеем поговорить до его прихода, – садясь на край кровати, выдала Шейна. – Сейчас пришли наши с Тегуэня и принесли нехорошие новости. Клаурт требует, чтобы шеоссов объявили опасными животными и открыли на нас охоту. И в доказательство приводит тебя. Якобы ты случайно попала в лес и шеоссы, поймав тебя, превратили в подобного себе монстра. И теперь каждый ягодник или грибник в опасности, раз шеоссы нашли способ подчинять людей и изменять по своему желанию.

– Но ведь они этого еще нигде не сказали? – вмиг поняла я ее идею. – Значит, нам нужно их опередить.

– И для доказательства предъявить совету веские доводы, – кивнула она хмуро. – Не знаю, как в других мирах, а у нас верят только своим глазам.

– А веский довод – это я?

– Если ты сумеешь сдержаться и не превратиться в шеосса хотя бы полчаса, пока мы соберем на Тегуэнь всех сторонников.

– Женщинам из страны, где жили мы с дедом, вообще свойственна редкостная терпеливость и самообладание, – усмехнулась я. – Особенно тем, кому пришлось несколько лет работать с клиентами и покупателями. Вот представь, перед праздником в магазинчике сувениров всегда много народа, все спешат купить родным и любимым подарки. Полчаса или

больше очередь двигается к прилавку мимо витрин, где выставлены все поделки, и многие успевают за это время сделать выбор. И вдруг очередная покупательница на вопрос продавца: «Чего вы хотите?» – невозмутимо отвечает: «Не знаю... покажите что-нибудь...» А еще через полчаса, когда народ в очереди уже закипает, продавец, перетаскавший на прилавок кучу товара, наконец выясняет, что дама хотела недорогую шкатулку, но такой тут нет.

– Похожие эйны, наверное, есть во всех мирах, – посмеявшись, призналась Шейна. – Но скоро мы узнаем мнение Рэйльдса. Он уже близко... снимаю щиты.

Глава девятнадцатая

– Варя, к тебе можно? – стукнув в дверь, позвал дед.

– Входи, – откликнулась я, создавая на столе обычный никелированный чайник и чашки. – Мы тут думаем, с чем пить чай.

– И учителя пригласи, – дала понять Шейна, что присутствие где-то за дверью Хаттерса для нее вовсе не тайна.

– А чай, – обрадовался дед, – цейлонский? Тогда с лимоном и медом!

– А из печеного? – осведомилась, выполнив его заказ.

– Что-нибудь сухое... хворост, какой Клавдия Степановна пекла, помнишь?

– Обижаешь, шеф. Такие вещи незабываемы.

Чай дед заваривал и разливал сам, и лимон тоже резал сам, изящно и аккуратно, как обычно.

А я, создав плетенку с хворостом, добавила блюдо с теми самыми пончиками, какими в детстве, тайком от няни, играла в колобка.

– Хаттерс, – как-то буднично заметила княгиня, понемногу отпивая чай и макая в мед хрустящий, рассыпчатый хворост, – скажи, почему ты не любишь шеоссов?

– Откуда ты это взяла? – изумился Хаттерс. – Ничего подобного. Я считаю их мудрыми, сильными и, безусловно, самобытными. И очень им благодарен, что помогли Варье вернуть ноги Виту. Но некоторые их обычаи смущают и, можно сказать, настораживают. Ты же знаешь, какие про них ходят слухи? В тех местах, где их видели, теряются дети и девушки, происходят таинственные вещи. Исчезают дороги и целые поместья, не ловится рыба, пропадает зверье. Когда-то считалось, что их всего штук пять или десять, но я прикинул, сколько особей должно быть в стае, чтобы она могла выжить...

Вот тут я не выдержала. Хрюкнула, пытаясь задавить рвущийся наружу смех, и все-таки не сдержалась, захохотала, спрятав лицо в ладони, безудержно, как сумасшедшая.

– Варя! – укоризненно произнес Бес, но в его голосе сквозь упрек отчетливо слышалось созвучное мне веселье, и я залилась еще сильнее.

– Извини, – вытирая слезы, взглянула на растерянного учителя через несколько минут, – это нервное... Просто за эти дни я узнала слишком много совершенно невероятных вещей.

– Я понимаю, – сочувственно выдохнул он. – С таким не каждый

мужчина справится.

– А скажи мне, Хаттерс, – задумчиво уставилась на него Шейна, – как ты относишься к слухам, что шеоссом может стать любой маг, который придет весной к синему дубу без одежды?

– Как к бреду сумасшедших, – категорично отрезал магистр. – Ну сама посуди, зачем таким могущественным существам нужны слабые человеческие маги? Они же почти всеильны, и дубы, которые они выращивают, тому подтверждение. Один мой ученик просчитал, что в день великой катастрофы из всех лесных растений уцелеют только эти чудесные деревья, потому что имеют возможность держать непробиваемый щит. Ну и, разумеется, вместе с ними и шеоссы. А поскольку монстров не менее пяти-шести сотен, мы им совершенно не нужны, даже как слуги.

– А как же утверждение, что пропадают дети и девушки? – мгновенно поймала я слабое место в его рассуждении.

– Вот тут и кроется главная загадка, – помрачнел Хаттерс. – И я очень надеюсь, что, следуя закону развития цивилизации, шеоссы все же гуманны и детей используют просто как забавных домашних питомцев, а не как деликатес.

– Не вздумай смеяться! – предупредил меня дед, но теперь я смотрела на него с укоризной:

– Над чем? Тут плакать нужно! Если даже Хаттерс заблуждается так сильно, то какой тогда винегрет в головах у более слабых магов, не склонных к научному анализу?

– С ними проще, – вздохнула Шейна. – Они либо мечтают стать шеоссами и приходят весной в лес, либо считают шеоссов злом и всегда носят с собой на случай встречи какой-нибудь амулет или фиал помощнее.

– А как иначе? – задал сам себе вопрос учитель, оглядел нас и уверенно ответил: – Если точного ответа не знает никто, даже Варья, хотя и разговаривала с шеоссами.

Это он мне намекнул на тот хохот, поняла я, но не обиделась. Учитель с вековым стажем имеет право считать зеленую, с его точки зрения, девчонку наивной насмешницей и вот так, аккуратно ставить на место.

Вот только дед таких поползновений на мою рассудительность на дух не выносит.

– Извини, учитель, – с нарочитым вздохом немедленно отозвался Бес, – но ты ошибаешься. Мы все знаем правду.

– Кто «все»? – Еще цвела на губах Хаттерса насмешливая и уверенная полуулыбка, а во взгляде уже стремительно нарастало смешанное с отчаянием понимание.

– Не пугай его так, Рэйльдс, – мягко упрекнула деда княгиня и, повернувшись к учителю так, чтобы смотреть прямо в глаза, начала терпеливо и обстоятельно рассказывать уже известную мне историю про изобретение синих дубов и последующие эксперименты по отбору сажателей.

Сначала он слушал настороженно, недоверчиво кося на нас взглядом, потом, явно находя в объяснениях Шейны созвучные с собственными выводами логичные доказательства, становился все задумчивее и наконец помрачнел, как человек, осознавший глубину своих заблуждений.

– Но почему вы никогда... – еще попытался в запале обвинить он шеоссов и, сникнув, безнадежно выдохнул: – И никому?

– Нас пока очень мало, – грустно призналась княгиня, – а уход за дубами отнимает много времени и сил. Да и голыми кандидатами каждую весну приходится заниматься, и кто только придумал эту глупую байку? Ведь идут все подряд, кому захотелось долголетия. И слабые маги, и вовсе бездарные, а мы потом эти толпы лечим от простуды и укусов, вытаскиваем из болот и уводим из опасных мест.

– Но ведь Варьяна... – неверяще меряя меня взглядом, привел Хаттерс свой последний веский довод.

– Я не хотела и ничего не знала, – честно призналась я. – Но дуб мне понравился с первого взгляда...

– Она легко и безошибочно прошла все придуманные нами испытания, – уверенно встала на мою защиту Шейна, – и ни разу не поставила собственные желания выше чувства долга и справедливости. А когда я ее специально запутывала, сопротивлялась как могла, но не пошла на компромисс с совестью. Ну а своим поведением в замке главного инквизитора Дерлита убедила нас в правильности принятого решения. Со вчерашнего дня Варья – самый молодой из шеоссов.

– А Рэйльдс?

– Приняли два часа назад, оттуда он сразу направился сюда.

– Вы разрушили до основания, – помолчав, тяжело признался Хаттерс, – казавшуюся мне незыблемой схему устройства нашего мира, и теперь я чувствую себя полным дураком.

– И зря, – сердито фыркнул дед. – Ты прекрасный учитель, и только благодаря тебе я стал таким, какой есть. И Варюшу воспитывал, вспоминая твои советы, поэтому не начинай посыпать себе голову пеплом. Просто прими как доказанный факт известие, что никаких монстров нет, а есть твои друзья и ученики, поднявшиеся в мастерстве на новую ступень, и начинай гордиться. Далеко не все имеют такие знакомства. И кроме того,

ты же знал, что переселяешься под защиту шеоссов?

Последние фразы он произнес шутливо, но именно они почему-то подействовали на учителя как целебный эликсир.

– Ну, нас сюда позвала княгиня, – успокаиваясь, заметил он, – но я считал, что она просто позволила шеоссам сажать дубы на своих землях. Дала же она Варье листья, вот и решил, что это плата за аренду.

Я снова развеселилась и, пока княгиня рассказывала учителю об особенностях выращивания дубовых листьев, начала надеяться, что на этом сегодняшняя беседа и закончится. Не тут-то было. Шейна вдруг стала очень строгой и безо всякого перехода или подготовки вывалила на мужчин последние новости.

– Обрадовала, – помрачнел Бес, некоторое время сосредоточенно думал, прищурясь и крутя в руках ложечку, потом согнул ее и, отбросив, заявил: – Догадываюсь, какой выход пришел вам в голову, но Варюху туда одну не пущу. Пойдем вдвоем. Они считают, что сейчас я еще слаб после перехода, возможно, это сработает.

– В совете двое наших, – сообщила Шейна. – На острове они не живут, но уже летят туда якобы по делам. Меня тоже пропустят как главу благотворительного фонда. Ну и еще трое перейдут под личинами пациентов. А Хаттерс прибудет со мной как свидетель.

– Я, видимо, уже старый дурак, – мрачно буркнул Хаттерс, – раз никак не могу понять, зачем вам потребовалось лезть в пасть к Клаурту и его змее, но, разумеется, пойду с вами.

– Ты не дурак, не смей так говорить! – не выдержала я. – Просто сейчас твое восприятие мира и шкала преимуществ перевернулись вверх ногами, вот ты и растерялся. Но уверена, это быстро пройдет, так как люди намного легче приспосабливаются к внезапным изменениям реальности, чем животные. А идем мы туда, чтобы опередить их и открыть магистрам правду о шеоссах. Они должны ее принять, ведь мудрые все люди. Просто запутанные. У меня другой вопрос – как поступим с Котей и мурашами? Вы же не хотите, чтобы они прошли маршем через всю страну?

– Когда она успела научиться так выражаться? – вытаращил глаза учитель.

– Я вложила в ее сознание углубленное знание языка, – призналась Шейна. – Вместе со званием шеосса приходит усиление способностей и дополнительные возможности. А питомцев придется брать с собой, попробуем наложить на них отвод глаз или иллюзию комнатных собачек.

– Пятидесяти штук. – Дед скептически покосился в угол, где гроздью великанского винограда замерли мураши, выдавая свой интерес к

происходящему лишь шевелением леса усиков.

– Кажется, их стало немного больше, – пришлось признаться мне, Бес не любит, когда замалчивают важную информацию.

– Не важно, – тут же приняла решение Шейна. – Мы летим на аржабле, и для них найдется капсула. А потом решим, брать с собой или нет.

– Когда летим? – насторожился дед.

– Думаю, сейчас, – догадалась я, припомнив привычки шеоссы. – Наверняка он уже ждет возле замка.

– Зачем ходить так далеко? – невозмутимо откликнулась она и покосилась на окно.

Створки распахнулись, и мы увидели короткий трап, ведущий в повисший под окном синий аржабль.

Повинуясь моему мысленному приказу, Котя и мураши ринулись к подоконнику, но властный окрик Беса заставил всех замереть:

– Стоять! Мне сначала нужно попасть в свое жилище. Ничего не случится, если я открою туда портал?

– Лучше на летуне, – подумав несколько секунд, объявила Шейна. – У тебя пока резерв маловат, и на обратный путь придется собирать, проще подкормить грифонов.

– Можно я туда не полечу? – умоляюще уставилась я на деда. – Мне почему-то не хочется. Лучше выплусь в аржабле, а встретимся на берегу. Там же есть какое-то селение?

– Там большой портовый город, Нелтвен, – пояснила княгиня. – Все в нем останавливаются. Но мы приобрели неподалеку небольшую загородную усадьбу, я там считаю хозяйкой.

– Хорошо, – нехотя согласился Бес, – полечу на грифоне. Встретимся в твоём имении. Без меня на остров не суйтесь.

– Я тоже с тобой, – заявил вдруг Хаттерс. – Помнится, ты меня приглашал.

– С ним будут сопровождающие, – дипломатично сообщила Шейна, сразу сообразив, ради чего учитель навязывается деду в спутники. – Тебе будет трудно. Наши грифоны – особой породы и летают намного быстрее обычных.

– Лучше сразу надеть шубу, – поддакнула я. – Иначе темечко замерзает.

– Ты на них летала? – вмиг нахмурился дед.

– Не беспокойся, там ремень безопасности и щиток, правда, куцый. Неплохо бы модернизировать, – сразу сообразив, что его расстроило, затархтела я, – все равно ничего не видно. А вот в шубе – как в люльке.

– Понятно. – Он оглянулся на княгиню, что-то строчившую на маленьком листочке: – И где эти грифоны?

– Тут их нет, – сообщила она, не отрываясь от своего занятия. – Только в Хвельне. Туда доберемся аржаблем. Крюк небольшой.

Я облегченно выдохнула и велела замершим питомцам занимать маленькую капсулу. А пару минут спустя мы все загрузились в аржабль, и обострившимся чутьем шеосса я ощущала, как летун набирает высоту.

– До Хвельна почти три часа, – откровенно зевнула Шейна. – Можно отдохнуть.

Спорить против разумного предложения никто не стал, молча разбрелись по капсулам, и вскоре я уже сладко спала.

А на рассвете, когда летун замер у причальной башенки и Шейна пришла меня будить, с огорчением выяснила, что мы уже находимся на берегу моря. А дед еще несколько часов назад покинул аржабль.

– Ну почему вы меня не разбудили?

– Рэйльдс запретил, – тихо отчиталась она. – Он ушел очень быстро, и мы сразу продолжили путь. Но не переживай, долго ждать не придется, грифоны летают намного быстрее аржаблей. Идем, твои питомцы уже волнуются.

Усадьба Шейны была не так уж и мала: большой кусок пляжа, деревянный причал с легкой беседкой на самом дальнем конце и огромный, но запущенный старый сад. Да и низкий дом с крытой верандой вместо чердака, уступами прилепившийся к склону, оказался довольно вместительным за счет полуподземных помещений. Тут властвовали полумрак и прохлада, которая наверняка являлась ценным качеством этого здания в жаркие периоды года.

Пока я проводила перекличку и смотр своего войска, в самом деле увеличившегося на целую дюжину бойцов, Хаттерс ушел переодеваться в выделенную ему комнату. А Шейна нашла на верхней веранде: сидела у накрытого к завтраку стола и задумчиво крутила ложечкой в чашке с молоком.

– Раз Хаттерс с нами, то кто тогда улетел с дедом? – устроившись напротив нее, приступила к выяснению волнующих меня деталей.

– Сопровождающие, – лаконично ответила шеосса.

– Такие, как у меня были, эти, денгулы?

– Нет. Твои были проверкой и тебе, и им.

– Как мне сразу не пришло в голову! – саркастично фыркнула я. – Ну, меня понятно, зачем проверяли, а с ними-то что? И вообще, кто они? Что за раса?

– Помнишь, я рассказывала тебе про создателей синих дубов? Они жили в лесной глуши и не подпускали к своим лабораториям посторонних. Потому не могли никого нанять, когда нуждались в простых работниках. И однажды нашли, как тогда казалось, выгодный и надежный способ. Создали похожих на людей существ, которые могут делать простую работу, но разум при этом имеют лишь чуть более развитый, чем у собак. И еще собачью же преданность.

– Бедные, – сразу пожалела я этих биороботов.

– Не совсем, – усмехнулась Шейна. – За эти тысячелетия они постепенно стали разумнее, научились простым ремеслам и даже грамоте. Построили поселок в одном из самых диких мест, живут общиной и считаются подданными расы шеоссов. На жизнь зарабатывают своим трудом и могут работать где угодно. Но больше всего приносят те, кого нанимаем мы.

– Финансовый поводок.

– И моральный, – кивнула Шейна. – Лишь мы имеем право их судить, наказывать и поощрять. Сама понимаешь, нельзя оставить без присмотра целый народец, хотя и маленький. Например, Храз и Сира теперь очень нескоро получают такую же чистую и выгодную работу, и про их недостойное поведение уже знают все родичи.

– Не слишком сурово? – засомневалась я.

– Иначе нельзя. Они ведь учатся всем уловкам и хитростям не у нас, а у жителей ближайших городков и сел, и если не наказать хоть одного, то завтра же эту лазейку используют другие. Да и не настолько оно жестокое, как приговоры в обычных судах. У нас нет ни казни, ни телесных наказаний, ни тюрем, ни принудительных работ. Только всеобщее порицание, и поверь, второй раз Сира не решится влезть в сундук подопечного и в одиночку съесть приготовленные тому в дорогу орешки.

– Кто тебе сказал про орешки? – вытаращила я глаза.

– Сами денгулы, – улыбнулась шеосса. – Я же говорила, врать нам они не могут.

– Так дед летит с денгулами?

– Нет. С ним отправился Санс. По нашим сведениям, секретарь Рэйльдса стал за эти годы довольно сильным магом. И поскольку он безвыездно живет в том замке, то вполне может считать себя его хозяином. Бывали и такие случаи.

Ну, раз с Бесом отправился один из старых шеоссов, я могу быть спокойной, никакому секретарю там не выстоять. По своим все растущим способностям сужу. Но почему же на душе так тревожно, как перед

экзаменом?..

Вроде все знаешь, выучил все, что можно, и преподаватели попались не такие гады, как рассказывают почти все бывшие студенты. В час откровения, разумеется. А на сердце все равно тягостно, как в самый пасмурный день.

– Варья, – осторожно окликнула меня княгиня, – ты что-то чувствуешь?

– Нет. А должна? – вскинулась я.

– Не должна, – покачала она головой. – Но иногда бывает. Твой дед ведь ментал, могла и тебе перепасть эта способность, хотя бы не вся, лишь какая-то грань.

– А можно поподробнее про способности для отсталых путешественников по чужим мирам?

– Ты уже считаешь тот мир чужим?

– Нет, и никогда не смогу. Это как отчий дом, теперь я особенно четко понимаю значение этих слов. Можно даже сказать, чувствую их вкус и запах. Это место, где тебе было тепло и уютно, где пахло пончиками и борщом, где в углах спальни прятались сказочные звери, на окнах цвели ледяные узоры, а на Новый год приходил Дед Мороз и шутил голосом Беса. Но теперь все изменилось, и там для меня больше нет места, нужно искать его в этом, недружелюбном пока мире.

Некоторое время мы молчали, потом, припомнив ее слова, я решила проявить настойчивость:

– Шейна, так про какие грани ментальных способностей ты говорила?

– Про неизведанные, – неожиданно печально проговорила она. – Так уж вышло, что эти способности – самые неизученные и загадочные. Магименталисты предпочитают своих тайн не раскрывать, но из трудов исследователей известно, что именно эта способность как никакая другая многогранна и многоцветна. Чтобы тебе было понятнее, у нас есть таблицы и графики, где каждому умению отведен свой цвет и каждой его ступени присвоен собственный оттенок. Так вот, фиолетово-сиреневая таблица ментальных способностей – самая длинная, и в ней больше всего нюансов. А если проще – один чувствует любое настроение собеседника, другой – только нежность, третий – лишь вспышки ярости... ну и так далее.

– А тренировать можно?

– Разумеется, но нужно сначала разобраться, что именно развивать. Предчувствие или умение повелевать, способность очаровывать или слышать эмоции людей, только близких или всех, ну и сотни разных других граней.

– Понятно. – Я с тоской посмотрела на море, сливающееся на горизонте с небом, и тихо вздохнула.

Мне пока даже на пляж сбегать нельзя из-за проклятой бабушки. Шейна просила быть предельно осторожной и далеко от нее не отходить, потому что у Клаурта очень широкие возможности. Вот не зря, едва узнав о том, как эта Дуся обошлась с дедом, я ощутила к ней стойкую неприязнь. Во мне давно и прочно проросло презрение к пронырливым акулам, готовым нагло лезть по чужим головам и бесстыдно ломать судьбы ради обладания успешными мужчинами.

И как выяснилось, не зря я к ним так относилась: как знала, что моя собственная жизнь будет зависеть от желаний и амбиций пройдошливой старушки.

– О чем ты так тяжело вздыхаешь? – не выдержала Шейна.

– Думаю, сколько нам еще ждать.

– До обеда самое малое, – заявила она. – Можно попытаться научиться какому-нибудь заклинанию.

– Дед запретил заниматься магией без него. Оказывается, есть два способа. Интуитивный – представить результат и искренне пожелать. И автоматический – связать определенные слова и магическое действие и повторять много раз, пока они не сольются в памяти в устойчивый стереотип.

– Рэйльдс считает, что лучше первый способ?

– Его учили по второму, но потом он постепенно дошел до первого и за годы, проведенные на Земле, составил таблицу, в каком случае какое заклинание даст больший эффект. И я с ним согласна... да и настроения никакого нет. Муторно мне как-то, хочется погулять. Жаль, нельзя в город сходить.

– Кто сказал, что нельзя? – изумилась Шейна. – Можем прямо сейчас сбегать. Там на окраине у нас есть домишко, до него в шубе, как ты говоришь, доберемся за пару минут.

– Так чего же мы тогда сидим? – мгновенно набросила я защитную зеленую шкуру.

– Записку Хаттерсу оставим и пойдем, – черкая что-то на листке, усмехнулась княгиня, а через несколько секунд, так же стремительно превратившись в шеосса, первой спрыгнула с веранды.

Глава двадцатая

Мы мчались по совершенно диким зарослям, и, стараясь не отстать, я думала только об одном: как бы не напороться глазом на сучок. Ведь других уязвимых мест в этом облике у меня вроде нет. Но вскоре подметила странную деталь и поняла, как напрасно беспокоилась. Мелкие ветки заранее отклонялись с моего пути, а крупные зеленая туша, в которой я чувствовала себя как в скафандре, обходила с грациозностью талантливой танцоры. Мне самой оставалось задавать темп послушнодвигающимся ногам и не терять из виду мелькавшую впереди зеленую тень.

Наслаждаясь этим невообразимым ощущением полета сквозь кусты и заросли огромных сорняков, я едва не пропустила момент, когда мы проскочили в узкую калиточку, но все же успела притормозить.

Шейна одним вальяжным движением сняла шкуру шеоссы, и я на пару секунд замерла, изучая ее новый образ. Теперь княгиня выглядела лет на тридцать, не старше, и надетое на ней платье было вовсе не тем простеньким, полотняным, в котором она гуляла с утра. Сейчас Шейна щеголяла шелковым бежевым нарядом с оборками и кружевами, на ее голове красовалась кокетливая соломенная шляпка с легкой вуалью, а на локте висела плетенная из серебристой соломки ажурная корзиночка.

– Ну, сама придумаешь платье или мне доверишь?

– Сама, – буркнула я, убирая шкуру и оправляя подол голубого поплинового платья с вышитыми на подоле и груди незабудками.

Точно такое, только чуть покороче, было когда-то у женщины, ставшей мне настоящей бабушкой, и все эти годы я хранила его как память.

– Какие нарядные цветочки, – присмотрелась Шейна и, небрежно добавив мне шляпку и кружевную накидку, объявила: – Идем гулять.

Но не успели мы сделать и пяти шагов, как кусты за оградой зашуршали, и в калитку вломилась увесистая черная торпеда. И пока я, застыв столбом, мысленно ругала себя за непредусмотрительность, следом пулями посыпались провожающие помельче.

– Хорошо они бегут, – невозмутимо заметила княгиня, но в ее голосе звенело веселье.

– Проверяешь?

– Учю понемножку, – коротко ответила она.

– Ну да, за тех, кого приручили, мы всегда в ответе, – буркнула я отстраненно, мысленно приказывая питомцам вернуться в поместье и

ждать меня там.

– Мудрые слова.

– Не мои. Идем?

Город оказался не таким уж большим, просто растянутым вдоль основных дорог. Особенно привольно раскинулись зажиточные дома с садами и лужайками. Мы не спеша шли мимо, и Шейна рассказывала обо всем и обо всех, кто встречался на пути. Я внимательно слушала, задавая вопросы и находя множество совпадений с жизнью в другом мире. Однако и различий было не меньше. Например, никто здесь не ходил к морю покупать у рыбаков свежий улов. Просто еще с вечера бросали в особое отделение собственного почтового ящика записку и утром забирали от калитки или крылечка накрытую крышкой корзинку.

– А оплата?

– Раз в декаду приходит приказчик со счетом, и можно рассчитаться или взять отсрочку, если денег пока нет.

– А если они не появятся?

– Больше никогда не попробуешь рыбы. А возможно, и других продуктов, обычно каждую улицу обслуживает владелец крупной лавки.

Неторопливо, прогулочным шагом, мы добрались до центра города, и, рассматривая выставленные в витринах товары, я вдруг заметила, что большинство народа идет и едет в одну сторону, вниз, к морю.

– Шейна, а куда это они?

– Сейчас. – Княгиня махнула рукой, и к нам подкатила открытая коляска.

– Скоро придет шхуна «Надежда» с исцеленными, – пояснила она, едва мы устроились на мягкой скамейке и экипаж устремился вперед. – Это значительное событие для городской публики. Ожидающие возвращения родственники уже стоят на причале с цветами и носильщиками, а любопытные занимают места на набережной. А как только исцеленных переправят на берег, начнется погрузка новых пациентов. Многие мечтали бы оказаться на их месте, но не у всех хватает денег. Ты еще не передумала ехать к пристани?

– Нет, – сам вырвался ответ.

Хотя я вовсе не любительница душещипательных сцен и всегда смущаюсь, случайно подсмотрев чью-то трогательную встречу или печальное прощание. Но сегодня мне почему-то очень хотелось увидеть своими глазами это судно, единственное, как объяснила Шейна, имевшее право приставать к острову Тегуэнь. Лишь магистры совета и их секретари и помощники добирались туда на аржаблях, иначе и нам пришлось бы

почти полсуток качаться на волнах.

Добравшись до причала, я поняла, почему Шейна взяла коляску. За дополнительную монетку возчик доставил нас не до лестницы, по которой неспешно спускался к причалу народ, – по объездной дорожке мы проехали на заваленную бочками, ящиками и тюками грузовую площадку, где сустились портовые грузчики и тележечники. Там княгиня благодетельствовала монеткой еще одного пронырливого субъекта, и он ловко провел нас к служебному проходу на пристань.

Здесь было тихо и спокойно, но в теплом, пахнущем рыбой и водорослями воздухе чувствовалось напряжение и даже тревога.

– Не все увезут отсюда исцеленных родичей, – тихо просвещала меня княгиня. – Некоторым не повезло, но это станет ясно только после прихода «Надежды». Вот это – самое мерзкое в поступках Клаурта, он постоянно поднимает цены и приказал безжалостно выгонять всех, у кого не хватает на операцию. Целители, конечно, пытаются бороться, иногда даже сами тайком собирают недостающее, но он умудряется все разнюхать и наказывать бунтарей.

– А я ненавижу всех проныр вроде моей бабки, – яростно процедила я, не в силах справиться с подступающим гневом, – считающих себя вправе судить, поучать и наказывать всех вокруг, независимо от их значимости как личностей.

– Мне кажется или тебя и в самом деле тянуло именно сюда? – озабоченно пробормотала вдруг Шейна. – Скажи, что ты ощущаешь? И готова ли отправиться в поместье немедленно, не дождавшись шхуны?

– Да легко, – буркнула я, ошеломленная ее предположением, и, развернувшись, направилась прочь, с изумлением чувствуя, как мое настроение портится с каждым шагом.

Словно оставляю тут неоконченное дело или потеряла ценную вещь, но так и не нашла...

– Вот именно, – прокомментировала княгиня мой огорченный вздох. – Поздравляю, у тебя пробудилась родовая способность.

– Что значит «родовая»? – еще расстроено ворчала я, а разум и память уже подсказали простой вывод. – Что, у папаши тоже проявилась? И сильная?

– Ну, точно не скажу, но он умело пользуется амулетами и в последние годы работает секретарем Клаурта. Рэйльдс сильно рассвирепел, когда об этом узнал.

– А я почему первый раз слышу?

– Это было ночью, ты спала, когда он спросил про Берга. Сама я

заговорить не решалась, считала, что ему неприятно.

– Хорошо, – вернулась я на место, и мне сразу стало спокойнее, хотя странная тревога никуда не ушла. – Давай подождем шхуну.

– Да вон она уже, – кивнула Шейна на стремительно приближающийся ворох белых парусов.

За следующие полчаса мы стали свидетелями самых разных чувств. Видели слезы счастья и волны отчаяния в мрачных взорах неудачников, жаркие поцелуи и робкие прикосновения ладоней. И торопливо покидающих пристань бывших пациентов, вовсе не желавших встречаться с новыми клиентами острова Тегуэнь.

Схлынула и публика, остались только самые любопытные или устойчивые к чужому горю. Кроме нас с Шейной, тут теперь было всего три женщины, и любознательные зрители поглядывали на нас с откровенным любопытством, пока она не сделала какой-то слабенький щит. Отвод глаз или еще что, каким-то десятым чувством я его ощущала, но определить возможности пока не умела.

Так мы ждали несколько минут, поглядывая на грузчиков, споро переправлявших на палубу в сетях ящики, бочки и мешки. «Надежда» перевозила на остров запасы продовольствия и самые простые грузы.

Острый укол чужого взгляда обжег щеку, заставив стремительно повернуть голову и бдительно оглядеть приближающуюся процессию носилок и инвалидных колясок, в которых сидели безногие. Однако никто из них моего внимания не привлек, зато к последним пациентам, передвигающимся своим ходом, меня тянуло просто как магнитом.

И едва я рассмотрела худую, высокую мужскую фигуру, покорно бредущую между двух здоровых сопровождающих, как в сердце словно вонзили иглу.

«Сволочи!» – вспыхнула в душе жаркая ненависть. В моем мозгу сразу замелькали, сменяя друг друга, варианты немедленного спасения инквизитора, снова вляпавшегося в лапы бывших поделльников, а тело само рванулось вперед.

– Варья! – встревоженно охнула за плечом шеосса, и мягкий кокон сжал меня в крепких, не поддающихся никаким усилиям объятиях.

– Отпусти, – пытаюсь выдраться из невидимого плена, сердито шипела я, – прошу по-хорошему!

– Чуть позже, – ласково бормотала княгиня, уверенно уводя меня в сторону от места, куда неумолимо рвалось все мое существо.

Я даже сама на миг изумилась необычайной силе своего влечения к почти незнакомому мужчине, точно зная, что никогда прежде ничего

подобного не испытывала, но тут же забыла про эту мысль, занятая упорной борьбой с держащими меня путами.

Тщетно, Шейна оказалась намного сильнее, и мы неторопливо, но неуклонно уходили с причала. Я оглядывалась, пока было возможно, до тех пор пока Данерса не завели на корабль, и умудрилась поймать его украдкой брошенный в мою сторону взгляд. Несмотря на легкую дымку, смазывающую черты лица инквизитора, его глаза виделись четко, как нарисованные, и в них почему-то светилось облегчение.

– Сюда, еще немного, – уговаривала меня меж тем Шейна, уводя по узкой полоске пляжа к выкрашенным яркими красками кабинкам купален.

А едва зайдя в первую попавшуюся, крепко обхватила меня руками и что-то произнесла.

В следующий миг мы стояли на веранде ее поместья, и перед нами мирно катило зеленоватые ленивые волны бескрайнее море, а вокруг вился аромат цветущих клумб и жареной рыбы.

– Ну а теперь объясняй, почему ты меня утщила? – не обращая внимания на спешившего к нам Хаттерса, рявкнула я, с возмущением уставясь на предательницу.

Попутно решая непростой вопрос – хватит ли времени домчаться до шхуны в образе шеосса, найти там Данерса и утщить его у охраны.

– Артефакт на нем, – расстроено кривя губы, объяснила княгиня скорее магистру, чем мне, взглядом подвигая к нам кресла и легкий столик. – Редкая вещица, гениальный мастер делал.

– Ильгирс? – осведомился учитель.

– Вот именно! Он должен лежать на складе редких вещей и по правилам выдаваться инквизиторам только для поимки самых неисправимых преступников. А настроен на Варью!

– Так... – начиная вникать в истоки собственной тяги к Данерсу, медленно пробормотала я, – а теперь объясни про этот артефакт популярно.

– Не знаю, как им удалось преодолеть защиту замка Дерлит, – хмуро глянула на меня шеосса, – но если там оказываешься, нетрудно понять, что вы действовали заодно.

– Логично, – подумав, подтвердила я.

Ежу ведь ясно, что изможденный инквизитор сам никогда не смог бы проделать и сотой доли изменений, устроенных мной, а потом и самой Шейной.

– И оставалось лишь выяснить, есть ли у него какая-нибудь вещь, которую ты держала в руках, или созданная тобой.

Я сразу вспомнила, с каким размахом действовала в том замке, потом

про костюм, который собирался хранить Дан, и огорченно зашипела. На языке родного мне по духу мира это называется «наследила, как слон в бакалейной лавке». И вот с чего, интересно, мне казалось, что здесь не знают основ современной криминалистики нашего мира?

– Откуда она могла знать, что кто-то измыслит такую змеиную ловушку? – заступился Хаттерс, подумал пару секунд и оглядел меня с нехорошим подозрением: – А у тебя случайно нет никакой вещицы инквизитора?

– Вот, – нехотя протянула я на ладони колечко Данерса. – Он хотел писать письма.

– А я-то решила, будто у нее ментальный дар проснулся. – Подвинув к себе взглядом графин с холодным соком, княгиня налила полный стакан и выпила в несколько глотков. – И ведь еле увела с пристани. У меня, между прочим, амулет шеосса уже почти двести лет, а они все время усиливаются.

– Шейна, – сев наконец в свободное кресло, я смотрела прямо ей в глаза, не давая опустить взгляд, – я все поняла про артефакт и про наваждение, которое он насылает. Но Данерса все равно нужно спасать, оставлять его в лапах этих фашистов нельзя.

– Сама знаю, – уверенно кивнула она. – Но действовать так, как хотела ты, нельзя ни в коем случае. Представь, какую картинку увидела бы публика, если бы мы напали на его охранников на пристани. Два бешеных шеосса убивают сопровождающих, отбирают у них несчастного пациента и утаскивают в кусты пировать.

– Ну, допустим, убивать мы бы никого не стали... – еще спорила я, хотя уже полностью согласилась с ее мнением.

– Они бы сами умерли, – сочувственно глядя на меня, пояснил Хаттерс. – Родичи, отправляя на остров больного и деньги, берут с охранников особую клятву, чтобы не оставлять им соблазна. Поэтому стража никогда не продастся и не предаст.

– Значит, мы и со шхуны его забрать не сможем?

– Почему? – устало удивилась Шейна. – Просто захватим и их. Или снимем клятву, нам это просто. Но сначала дождемся Рэйльдса и продумаем детали. Не нужно, чтобы заподозрили кого-то из нас.

– А если мы их заберем со шхуны, нас уже не заподозрят?

– Мы к тому моменту будем на острове, – пояснила она.

– Но если они надели Дерлиту амулет и водили его по пристаням, значит, знают, что мы пробираемся на остров, – первым высказал учитель вывод, крутившийся у меня на языке.

– Потому что они просчитали ситуацию и заранее сделали все, чтобы

нас туда заманить, – подвел итог, поднявшись по лестнице, Винк. – Но не догадываются, что мы тоже подготовились. Мастер Хаттерс, я хотел тебя спросить, а ты не думал стать шеоссом?

– Но... – побледнел от волнения учитель, – я, наверное, недостойн... это же огромная ответственность... и ученики у меня...

– Достойн, – думая о Данерсе, буркнула я. – Только проси триста лет на вживание в образ.

– Какие триста лет, – не понял он, – если до кометы осталось менее пятидесяти?

– Да? – изумилась я и уставилась на не опутившую взгляда Шейну. – А мне давали триста.

– Так это же не последняя комета, – спокойно пожала она плечами. – К тому же ты быстро вырастешь.

– Да я уже была взрослой! Несколько лет жила отдельно от деда, сама зарабатывала себе на жизнь и ни в чем не нуждалась. Если бы не Бес... – Выговорив последние слова, я вдруг почувствовала, что начинаю кривить душой, и смолкла. А через несколько секунд, сообразив, что все это поняли, огорченно вздохнула. – Но теперь уже привыкла, и тут мне даже интереснее, вот только с родственниками осталось разобраться.

– Я тоже считаю, что он достоин, – поддержала меня Шейна и поднялась с кресла. – У нас хватит времени, пока не прибыли Рэйльдс и Санс, слетать к синему дубу и напоить Хаттерса соком.

Мы действительно успели слетать в маленьком аржабле к ближайшему лесу, обратить учителя в шеосса и постоять под дубом, прижавшись к его гладкой, теплой коре. Тут, как сказал Винк, лучше всего пополняется магия и выявляются грани различных способностей.

А мне возле него почему-то думалось легко и спокойно, и быстро находились способы решения всех вопросов и воплощения идей. Да и в подозрениях появилась ясность: начали проглядывать нити хитроумной и тщательно продуманной интриги. Направленной, как ни странно, не столько на шеоссов, сколько на всех магов.

Однако фактов и доказательств пока катастрофически не хватало, и мне оставалось лишь вздыхать о невозможности разом разоблачить всех негодяев и отправить чернорабочими в поселок денгулов.

Магистры рассказали про последнее нововведение Клаурта, который заявил, что держать преступников в камерах накладно и негуманно. Однако все вокруг были уверены, что о гуманности он думал меньше всего, организовывая в бывших тюрьмах фабрики и артели и получая от них прибыль вместо затрат.

– Варюха, как вы тут? – привычно приветствовал меня взлетевший по ступенькам на веранду Бес, и я сразу насторожилась.

Дела деда явно оставляли желать лучшего, судя по играющим на щеках желвакам и недобро прищуренным глазам.

– Есть новости, – опередила меня Шейна, – но сначала сядем в аржабль. Там и обед, и ванная, и разговоры.

Спорить никто не стал, ни дед, ни Санс, ни прилетевший с ними маг с измученным лицом.

– Это мой секретарь, Ульнис, – представил незнакомца дед, но больше пока ничего не объяснил.

Говорить он начал позднее, когда мы уже устроились в аржабле, пообедали и сидели в капсуле пилота. На этот раз аржабль вел Вирт, оказавшийся одним из членов совета магов.

– Я понимаю, что сам виноват, не стал связываться с этой гадиной, – не глядя на княгиню, начал рассказывать дед. – Но она и без того умудрилась напакостить мне выше крыши и выставить перед всеми подлым негодяем.

– Никто в том не виноват, – не выдержал Хаттерс, – кроме ее родной матери. Избаловала с детства, приучила к вседозволенности, а потом поздно было перевоспитывать. Такие законченные эгоисты не поддаются никаким педагогическим приемам. И превратить ее в низшего денгула, как изобрели они с Клауртом, – единственное решение.

– Сыночка своего Дусея таким же вырастила, – вздохнула Шейна, виновато глянув на Беса. – А теперь пристроила на должность, к которой ему и приближаться нельзя. Есть простое и непреложное правило: ни в коем случае нельзя потакать людским порокам. Жестоких нельзя допускать к управлению слабыми, диктаторов – к власти, а жадных – к сокровищам.

– Он не просто жадный, гадина умудрилась сделать из Берга настоящего монстра, – покосившись на меня, скрипнул зубами дед. – После моего ухода он попытался захватить замок. Но я оставил секретарю строгие инструкции, и он решительно выставил наглеца за ворота, хотя Берг яро сопротивлялся. А потом привел магистра, не знаю, кого именно, и они вдвоем запечатали мой дом вместе с живым человеком. Условия для освобождения Берг предъявил предельно простые: секретарь снимает внутренние щиты и отдает ключи от сейфов, тогда его отпустят на все четыре стороны. Однако Ульнис ему не поверил и приготовился к долгой осаде. Нашел семена, вскопал огород, но год шел за годом, а я не возвращался. Зато время от времени приезжал Берг с друзьями и устраивал

на склоне напротив замка настоящие праздники. Смеялись женщины, жарилось мясо...

Дед снова яростно скрипнул зубами и смолк, только желваки гуляли на скулах.

– Да я и не смотрел на его пикники, – робко улыбнулся Ульнис примолкшим магистрам. – У меня уже через год в подвале давали урожай грибы, и я вырастил из цыплят, которых как раз перед этим покупал на жаркое, семейку кур. Каждую весну клушки выводили цыплят, а вот муки хватило только на полгода. Зато я сеял кукурузу – и себе на крупу, и курам. Не было только молока, а создавать я не умею.

– А послать вестника никому не пробовал? – хмуро спросил Винк.

– Попытался разок... знакомому магу. Но он так и не появился.

– Знаешь, Ульнис, – дружески сказала секретарю Шейна, – мне кажется, сейчас поздно тебе сочувствовать. Ты молодец, стойко вынес все испытания, и теперь они уже закончились. Больше никакой Берг не посмеет протянуть к тебе руки, об этом я сама позабочусь. А за то, что ты сумел не сломаться и не сдаться, тебе положена награда. Подумай, чего бы ты хотел, большой дом в любом городе или собственное поместье, может, магазин или мастерскую, в общем – все, чего пожелаешь. И кроме этого, я помогу увеличить твои способности. Прежде у тебя не хватало дара, чтобы учиться на мастера, а теперь он заметно подрос, и нужно лишь немного добавить.

– Спасибо, уважаемая эйна, – вежливо поклонился Ульнис, – но за эти годы я хорошо понял, чего мне хочется больше всего. И сам себе дал клятву вернуться к матери. Она магиня, и довольно сильная, но вышла замуж за простого человека, и потому у нас с братом способности слабоваты. Брат от этого не страдает, он расписывает стены и ткани, а я... поссорился с матерью и заявил, что не вернусь. И все эти годы терзался раскаянием, но опасался послать им вестника, чтобы не навести на родных людей проклятого Берга. Поэтому я хочу сначала плюнуть ему в морду... тэйн Рэйльдс обещал мне помочь.

– Вот всегда так, – мрачно пошутила я. – Как только первая займешь очередь на плевков в Берга, так появляются желающие тебя потеснить.

– Не волнуйся, – свирепо процедил Бес, – наплюешься еще, пока раскрутим эту шайку. А у вас что произошло?

– Пусть Шейна расскажет...

Шейну дед слушал сосредоточенно и хмуро, стараясь не смотреть мне в лицо, но я слишком хорошо его знала, чтобы не понимать: он растерян и расстроен. И никак не примет решение, потому и крутит в пальцах вилку, мрачно хмуря лоб, словно решает сложнейшее уравнение.

– Варя, – наконец спросил он по-русски, – если я попрошу тебя вернуться в поместье, ты рассердишься?

– Нет, – ответила я на том же языке, – не рассержусь. Потому что ты так не сделаешь. Я, безусловно, понимаю в магии в тысячу раз меньше тебя, зато у меня такой же резерв и большой опыт совместных данжей. Ты танкуешь, я на бафах.

– Варя, тут не игра.

– Я это поняла, когда увидела Дана с шипом в спине. Тогда я оказалась одна против целой команды спасения. Причем не утверждаю, что была сильнее их всех, наверняка наоборот. Но убежали-то они...

– Эти – не побегут, – перешел он на местный язык.

– Догадываюсь, – последовала я его примеру, понимая, что одержала победу и меня не отправят вместе с аржаблем назад.

– Тогда все время держись за мной и нигде не лезешь вперед. Здесь ресы не работают.

– Зато работает шуба, постарайся об этом не забывать, – серьезно предупредила я.

– Какая еще шуба? – нахмурился дед. – Не помню такого выражения.

– А оно из местного сленга.

– Что... А! – вспомнил он. – Действительно, чуть не забыл. Тогда давайте решим, как будем спасать этого инквизитора.

– Наши уже догоняют шхуну, – серьезно сообщила Шейна. – Как только мы окажемся на острове, они получают сигнал и незаметно снимают его с корабля вместе с охраной.

– И куда отправят? – вновь нахмурился дед.

– На материк, – оглянулся ведущий аржабль Винк.

– А нужно бы на Тегуэнь. Он ведь свидетель, – не согласился Бес, и я послала ему благодарный взгляд.

Что-то в душе протестовало против решения княгини.

– Его сначала лечить нужно, – попыталась спорить Шейна, но быстро смолкла.

– Хорошо, – сказал через минуту Винк. – Чуть в стороне от нашего пути есть небольшой островок, скорее скала, Данерса принесут туда. Часа через два примерно, быстрее не получится. Мы как раз к этому времени будем в том же районе и заберем их.

– А те, кто вам помогает? – вспомнив, что так и не получила на этот вопрос внятного ответа, любопытствовала я, но Винк только хитро усмехнулся:

– Это абсолютно надежные люди, не волнуйся.

– Тогда мы отдохнем, – поднялся с кресла Бес, но ушел не сразу. Сначала серьезно посмотрел в лицо своего секретаря и веско сказал: – А отказываться от увеличения способностей не стоит. И от моего предложения – тоже.

Хаттерс и Санс, решив последовать примеру и отдохнуть перед грядущими событиями, ушли следом за ними.

Глава двадцать первая

– Интересно, – пробормотала я, проводив их взглядом, – а почему ваши помощники так законспирированы? И сколько их, учеников... или слуг?

– Ну ты же такая сообразительная, – беззлобно улыбалась Шейна. – Попытайся сама догадаться.

– У меня могут быть сотни предположений, – фыркнула я. – От таких петов, как мой Котя, до доппелей и зомби. Тебе проще сразу рассказать.

– В обмен на информацию, кто такие «доппелей», – мгновенно поймала меня Шейна, а когда я ей коротко объяснила значение этих слов, разочарованно вздохнула: – Мы-то считали, что сделали величайшее изобретение, а оказывается, в соседнем мире это знает каждый ребенок. Да, наши помощники более всего подходят под определение доппелей. И чем сильнее амулет шеосса, тем больше маг может создать своих копий. Очень полезных, потому что убить их невозможно, если не знать секрета. Вернее, если не имеешь способности шеосса.

– Они разумные? – Сильнее всего меня волновал моральный вопрос.

– Не больше чем отражения в зеркале. И управляет их действиями сам создатель, как куклой, надетой на пальцы. Самые сильные из нас могут одновременно управлять двумя-тремя десятками помощников. Но, разумеется, не очень долго, от часа до суток, в зависимости от того, сколько их. Потом сдерживающий их контур распадается, и они превращаются в энергию.

– Очень интересно, – пробормотала я, прикидывая, сумею ли создать доппеля прямо сейчас.

– Только не в аржабле! – успел предупредить Винк. – Его такие колебания энергии сбивают с пути.

– Ладно, – согласилась я. – А чьи доппели сейчас догоняют шхуну? И неужели матросы их не заметят?

– По двое от каждого, – объяснила Шейна. – Так очень просто за ними присматривать. И плывут они в шкурах дельфинов, а эти животные в нашем мире считаются признаком удачи, и никто не додумается причинить им зло.

– Как замечательно, – восхитилась я. – Начинаю завидовать, что не доппель.

– А я начинаю думать, – огорченно вздохнула княгиня, – как

поспешила, решив взять тебя на остров. Тебе еще нужно учиться и учиться. С чего ты взяла, будто образ зеленой обезьяны – единственный, какой может создать шеосс? Ты же сама сказала, что эта шкура – как скафандр, я спросила у Рэйльдса значение слова. Так почему у него не может быть другой внешний облик? Летают же наши доппели в виде грифонов. Да мы и сами иногда пользуемся этим умением.

– Что? – потрясенно вытаращила я глаза, потом обдумала ее заявление и театрально уронила голову на спинку кресла: – Шейна, ты меня убила. Наповал. Но вот немного оживу...

– И не будешь проводить в аржабле никаких экспериментов, – рявкнули они в два голоса.

– Сама уже сообразила, – с деланой обидой надулась я. – Просто хотела сказать, что в благодарность открою ей один большой секрет Беса. Но если не хочет...

– Хочет, – твердо заявила Шейна, – очень хочет. Даже если это не тайна и совсем не большая, для шеосса самый ценный подарок – это информация. Любая. Но только если Рэйльдс не будет против.

– Он не будет, – вздохнула я, – просто сейчас ему не до того. А я не очень разбираюсь в агрономии, к сожалению. Но знаю, что все овощи, которые у соседей растут только летом, у деда спели круглый год, в особой теплице. Он пристроил ее к дому, и туда шли трубы отопления. Я тут думала, раз времени остается так мало, а дубов необходимо много, может, поторопить деда, пусть расскажет, как это работает? Если нужно будет, я могу создавать теплицы пачками, стекло – мой материал.

– Варья... – как-то странно моргнула княгиня, – извини... я все никак не привыкну, что ты совершенно не такая, как наши девушки. И постепенно начинаю обращаться с тобой как с ними. Если бы сейчас спасали мужчину, который интересуется кого-то из моих учениц, ни одна бы не вспомнила о способах выращивания дубов.

– Я и про Дана думаю. Но он далеко, помощь к нему идет, и я сама ничего сделать не могу. Не начинать же мне вздыхать и заламывать руки? Тем более других проблем хватает. Да и с чего ты взяла, что он меня интересуется... как мужчина? Просто не переносу, когда людей ловят, как диких животных, и обращаются с ними как с рабами.

– Как с преступником, – не оглядываясь, поправил Винк, сидевший так тихо, что я про него забыла. – По последним сведениям, Клаурт объявил его главным злодеем, извратившим волю совета.

– Скотина! – не выдержала я. – Но одного не пойму. Мне говорили, что Клаурт – расчетливый и хитроумный. А эта клевета выглядит жалко и глупо

даже на первый взгляд, особенно после того как Данерса несколько лун... или как вы тут измеряете время, держали в камере.

– Но ведь это не доказано.

– Ах вот как! И свидетели куда-то наверняка исчезли! – Вот теперь я разозлилась по-настоящему. – Но неужели все члены совета круглые дураки и не видят шитых белыми нитками улик?

– Не все, – весело ухмыльнулась Шейна. – По крайней мере двое считают иначе. И еще несколько магистров просто не задаются этими вопросами, полагая, что раз все налажено и действует, то лучше не вмешиваться. Но по натуре они честные и справедливые люди. А остальных нужно убедить.

– И все же где-то эта версия глючит, – буркнула я по-русски, глянула на шеоссов и извинилась: – Простите, просто этого слова в вашем языке нет.

– Не беспокойся, – великодушно отмахнулась княгиня, – мы уже знаем русский язык, Рэйльдс залил его на кристалл.

– Ты сняла с моей души последние камни, – пришлось отшутиться в ответ, хотя не сразу поверилось в такую прыть Беса.

– Не сердись на деда, он же опытный магистр и знает наши правила. Необходимо поделиться с братьями всеми имеющимися у тебя средствами или способами, если они дадут хоть малейшую возможность предотвратить неблагоприятный исход любого события или вылазки.

– Наверное, это правильно, – обдумав ее слова, согласилась я и покосилась на мутное оконце, в котором что-то видел только ведущий. – И сколько еще до той скалы?

– Не очень долго, – помолчав, откликнулся Винк и вдруг предложил: – А ты не хочешь посмотреть на происходящее на судне своими глазами? Я передам тебе видение одного из своих помощников или доппелей. Кстати, нужно принять это название.

– А не напортачу? – Душу раздирало между горячим желанием оказаться на месте волнующих меня событий и боязнью испортить операцию.

– Нет, – усмехнулся шеосс, – я держу над ними контроль. Но у тебя будет возможность при необходимости предупредить других доппелей. Ведь говорить ты будешь тут, а мы сразу среагируем.

– А, – глубокомысленно изрекла я. – И что делать?

– Закрой глаза, в первый раз так проще.

– О'кей, – мгновенно зажмурила глаза и услышала тихий, беззлобный смех Шейны, но только крепче стиснула зубы.

Пусть повеселится. Легко ей быть спокойной и мудрой, когда за плечами опыт двухсот или трехсот прожитых лет. А на меня сразу свалился не только чужой мир, но и все его проблемы.

Смех Шейны стих резко, как отрезанный, но я про нее уже не думала, внезапно оказавшись в центре небольшой кучки моряков, по местной моде одетых в яркие желтые костюмы и банданы. Они не стояли без дела, в руках у каждого были щетки и тряпки, и вместе со мной все дружно мыли палубу, какие-то лесенки и двери.

– Идут, – шепнул кто-то из моих подельников, и, невольно оглянувшись, я увидела знакомую троицу – Данерса и его сопровождающих.

Они неторопливо шагали к стоящим неподалеку плетеным креслам, и мы как по команде, не переставая шуршать, двинулись туда же. Я отлично понимала, что смотреть на инквизитора нельзя, но не могла удержаться и хотя бы искоса не поглядывать в ту сторону.

И очень скоро осознала, что рассмотреть подробнее ничего не удастся. Его лицо было скрыто мутной пеленой, словно на запрещенном фото. И даже глаз больше не было видно, Дан брел, низко опустив голову.

Возле кресел мы оказались почти одновременно, на миг приостановились, пропуская пассажиров, и сразу двинулись дальше, к лесенке на нижнюю палубу.

От места встречи я стояла дальше всех, загораживая собой остальных, и не успела ни увидеть, ни понять, как они провернули рокировку. Но вскоре уже торопливо спускалась по лестнице, поддерживая окутанного мороком Данерса. Его необычайно покорных стражей вели мои спутники.

Последняя тройка моих подельников осталась на верхней палубе, удобно расположившись на облюбованных сопровождающими сиденьях. Понять, в какой миг они скинули личины матросов, меняя на новые, было практически невозможно, и теперь я беспокоилась лишь о том, как мы покинем судно.

Но вскоре осознала, что шеоссы предусмотрели все тонкости. В какой-то момент мы вдруг стали для всех невидимками, и когда добрались до левого борта и скользнули в воду по явно не случайно забытому кем-то тросу, это не заинтересовало ни одного из спящих по судну матросов и стюардов.

Несколько минут мы просто неподвижно лежали на воде, провожая взорами быстро удаляющуюся кипу парусов, потом, сбросив все личины, скользнули в дельфины шкуры.

А в следующий миг меня требовательно трянули за плечо, и я

открыла глаза, с изумлением рассматривая улыбавшуюся Шейну.

– Теперь они справятся и вдвоем, – объявила она.

– А те трое?

– Немного посидят и пойдут в свою каюту. Специально попадутся соседям на глаза, вывесят табличку «не беспокоить» и запрут за собой дверь.

– А потом? – Уже понимая, что больше этих пациентов никто не увидит, я все же хотела понять, как могут исчезнуть со шхуны три копии магов, если им нельзя оставлять след мощного энергетического выброса.

– В иллюминатор выскользнут три невидимые змейки или вылетят три птицы... – спокойно пояснил Винк и вдруг смолк, не окончив фразу.

– И? – Я переводила взгляд с одного на другую и по их нахмуренным лицам понимала, что произошло нечто непредвиденное.

Но вовсе не тут, на аржабле, и даже не на Тегуэне. А, скорее всего, в море, где их доппели с усыпленными стражами и Данерсом мчатся к безымянной скале. А я даже спросить ни о чем не могу, понимая, что все внимание шеоссов сейчас там.

– Варья, – глухо пробормотал Винк, – веди аржабль, сейчас Санс придет...

Он смолк, а я ринулась к оконцу. Вызвала себе стульчик, закрыла глаза и попыталась влиться в сознание летуна.

Получилось не сразу, оно упорно ускользало, ища недавнего ведущего, но я не сдавалась. Вспомнив опыт угона аржабля, все настойчивее подменяла устранившегося Винка, уже тепловым зрением летуна осматривая розовые полосы волн и пылающую точку на горизонте. В первый момент я еще сомневалась, что это и есть та скала, к которой мы летим. Судя по моей памяти, камни в море обычно довольно прохладные.

Однако вовремя вспомнилось, что тут неподалеку экватор, время к закату, а черный цвет притягивает тепло, следовательно, островок не мог не прогреться. И я уже увереннее потянула туда аржабль, добавив ему энергии.

Он наконец подчинился, прибавил скорость и рванул к скале с таким же нетерпением, какое бушевало в моей душе.

Однако причалить мне не доверили. Откуда-то возник Винк, похожий отсюда, из глубин чужого ощущения, не на шеосса, а на огромного слона с хоботами вместо рук, которыми он крепко обнял летуна и твердо направил вниз, деликатно выталкивая меня из общего сознания.

Но я и не спорила, отпустила управление и поспешила распахнуть глаза.

– Умница, – одобрительно смотрела на меня слегка побледневшая Шейна. – Отлично справилась.

– А что там случилось? – не выдержала я, оглядывая набившийся в капсулу народ.

Кроме деда, добавились Хаттерс, Санс и незнакомый мне немолодой маг.

– Я Линтерс, – заметив мой взгляд, представился он, – коротко – Линс. Я был грифоном Рэйльдса.

– В следующий раз предупреждайте, – оскорбленно рыкнул дед. – Иначе обижусь.

– Обычно новички отказываются так летать, – ничуть не впечатлилась угрозой княгиня. – Считают это оскорблением собратьев. А объяснять и доказывать долго. Да и, кроме того, это дополнительная проверка, уж извини, но такая у нас жизнь.

– Мне кажется или вы специально устроили перепалку на ровном месте, чтобы меня отвлечь? – тихо осведомилась я. – Может, кто-нибудь просто расскажет, что произошло?

– Нас переиграли, – огорченно выдохнула Шейна. – Там был и надсмотрщик. Он держался в сторонке и по связи с артефактом сразу понял, что Данерса украли.

– Каким еще артефактом?

– Тем самым. Для розыска людей. Там двойная привязка, надетый на Данерса артефакт ищет тебя, а маг-надсмотрщик следит за маячком артефакта, ценная ведь вещь. Да и подсадная утка не должна сбежать.

– Ну и что теперь? Он гонится за ними?

– Нет, мы успели его подменить. Теперь один из оставшихся на судне допделей изображает надсмотрщика, а двое тащат его сюда. Едва справились, маг начинен амулетами и всевозможными ловушками, как балаганный фокусник, – объяснил Винк.

– А Данерс?

– Уже подплывают, пришлось на время оставить их без присмотра, пока разыграли непредвиденный поворот.

– Мы будем разбираться с ними на острове или на аржабле? – наконец добралась я до волнующего меня вопроса.

– Придется на острове, – вздохнула Шейна. – Без магии не обойтись, а аржабль и так беспокоится. Хотя у него это абсолютно не так, как у людей, но лучше не рисковать.

– Значит, иду первой, устрою нам убежище, – твердо заявила я и отправилась к выходу.

– Варья! – окликнул дед, но я не остановилась.

– Не переживай, Бес, я буду в шубе. И потерпите минут пять, там камень, а это моя стихия.

Еще даже не шагнув на остров, я уже осознавала, каким должен быть приют для десятка людей, среди которых трое пленников и один пациент.

Потребуются гостиная, операционная или кабинет, камеры для пленных и, разумеется, пара ванных комнат. А еще необходимо, чтобы это убежище не обнаружил никто посторонний. Все помещения должны быть под цвет гранитных скал, вблизи оказавшихся вовсе не черными, а синевато-серыми.

Целую минуту я неподвижно стояла на обломке камня, мысленно вписывая свое сооружение в вылизанную волнами широкую расщелину. Часть приюта, где разместятся ванные и камеры, будет спрятана в скале, а снаружи появится нащепка незаметной с моря пристройки. Впрочем, не совсем верно назвать пристройкой созданную из монолитного камня просторную гостиную и расположившийся над ней небольшой кабинет.

Еще не забыть бы устроить несколько узких, как трещины, окон, застекленных матовым сероватым стеклом, и скрыть вход за уступом. Да подвести незаметные ступени к подножию скалы, туда, где вода выточила в камне крохотную лагуну.

Ну, все!

Метнулся в лицо прохладный ветерок, и я вновь поспешила распахнуть глаза.

– Снаружи просто изумительно, – объявила Шейна, сидящая в кресле подъемника в образе шеосса, и грациозно прыгнула на площадку перед входом. Легко подтянула туда ложноножку аржабля, закрепила за камень и первая шагнула к тяжелой темной стальной двери, скомандовав остальным: – Спускайтесь.

В гостиной было довольно светло, чисто и пусто, я не стала ничего создавать, кроме пола, выложенного из дубовых плах.

– Я могу похозяйничать тут сама? – осведомилась княгиня.

– Конечно, – кивнула я и добавила: – Но это не единственная комната. Вон за той аркой коридор, там – лестница наверх, в кабинет и вниз, к ванным и камерам для пленников.

– Замечательно!

Едва заметно махнув рукой, она разом создала кресла, стол, светлые ковры на пол и стены. Чуть позже появились плотные шторы и мягкие диваны.

– Я тут жить останусь, – входя вместе с магами в помещение, пошутил

дед и мгновенно сменил тему: – И где они?

– Уже близко, – буркнул Винк, не глядя плюхаясь в кресло. – Надсмотрщика еле держат. Боюсь, наследили мы как шальные зайцы.

– Ничего, сейчас скрутим... Варя, а место для пленных есть?

– Направо за аркой проход к лестницам. Внизу три камеры и ваннные комнаты, наверху кабинет, – четко отрапортовала я.

– Отлично, – буркнул маг и, совсем как я, прикрыл глаза, вслушиваясь в недоступные мне эмоции приближающихся пленников. – Хаттерс, у нас сюрприз, приготовься. Это еще один Теонс – Гирвис.

– Не может быть... – растерялся учитель. – Он же живет в Дезвелле!

– Сейчас не живет, – мрачно пошутил Бес, открывая глаза, – а плывет сюда и пытается убить доппелей. Хорошо, что вы вовремя его выловили. Гирс очень упорный и никогда не сдается. Но и хитрить не любит, очень надеюсь, что удастся его уgomонить. Жаль, перевербовать времени не хватит. Придется или положить спать на сутки, или отправить на берег с доппелем.

– Лучше с грифоном, – вздохнул Линс. – Он все-таки не враг, а один из преданных совету исполнителей, считающих, что борется со смутьянами.

– Может, мне с ним поговорить? – осторожно предложил Хаттерс.

– Говори, но он не поверит. Все знают, что ты не оставляешь учеников надолго и так далеко от дома не уезжаешь.

– Прибыли, – открыл глаза Винк, мгновенно окутался зеленой пеной шубы и ринулся к выходу.

За ним, на ходу превращаясь в шеоссов, помчались все остальные, кроме нас с Хаттерсом.

«Хорошо еще Ульниса здесь нет, оставили на аржабле», – хмыкнула я, глядя вслед взводу зеленых обезьян. Этого зрелища бедный секретарь мог бы и не вынести.

– А ты отчего не побежала? – задумчиво оглядев меня, осведомился учитель.

– Они все сильнее меня в целительстве, – призналась честно. – Сейчас лучше у них под ногами не путаться. Все равно всех сюда приведут... или перенесут.

– Благоразумно, – кивнул он, и мне хотелось сказать, что он ведь тоже поэтому тут сидит.

Но заговорила я совершенно о другом:

– Меня ведь дед учил, а кроме того, тогда в том мире было не очень спокойно, впрочем, там и сейчас так. То взорвут что-нибудь, то начнут посреди улицы стрелять куда попало, то напьются и устроят гонки... в

общем, неадекватов хватает. Вот он и твердил постоянно: «Если услышишь где-то подозрительный шум и крики, нужно бежать не туда, а в другую сторону. Там полиция разберется».

– Кто такая «полиция»?

– Стражи порядка, – само нашлось определение. – У них оружие, техника и вообще большие возможности.

– А как... – Договорить Хаттерс не успел, дверь распахнулась, и Винк в шкуре шеосса быстро пронес мимо завернутое в покрывало тощее тело инквизитора.

Следом, не отставая, промчались еще два шеосса, в которых я мгновенно опознала Шейну и Санса. Потом прошли доппели Санса и Винка, легко неся на плечах в сторону камер спящих стражей.

И последним дед с Линсом привели мужчину средних лет, в невзрачной дорожной одежде и с туго стянутыми вместе запястьями.

– Мирного дня, Гирс, – тихо приветствовал его Хаттерс, понимая, как издевательски звучит сейчас это приветствие.

– Не надейся, я никогда не поверю, будто ты мой учитель, – сквозь зубы зло процедил пленник.

– Мне он сказал то же самое, – едко усмехнулся дед, толкнул Гирса в свободное кресло и сел возле меня.

– Ну, про тебя понятно, – огорченно вздохнул учитель. – Я сам в первый момент с трудом узнал, но со мной-то он встречался недавно, когда я приезжал в Дезвелл за камнями. Тогда он еще подарил мне несколько друз горного хрусталя редкой чистоты.

Я слушала их вполуха, хотя и очень хотелось узнать, как Данерс попался в лапы бывшим собратьям. Но еще больше меня тревожила странная спешка Шейны, даже не оглянувшейся в ответ на мой вопросительный взгляд. Да и Бес явно неспроста сел так близко, обычно он старается не опекать меня при посторонних и всячески подчеркивает мою самостоятельность.

– Значит, вы допросили Хаттерса, – с ненавистью глянул на учителя пленник.

– И меня тоже поймали и допросили, – саркастически фыркнул дед. – Я первым делом рассказал про дочку сапожника и пять серебряных монет.

– Они умеют копать в мозгах, – поджал губы надсмотрщик.

– Кто? – не поняла я.

– Шеоссы, – пояснил Бес. – Гирс за двадцать лет достиг уровня магистра и считал, что его никто не может удержать. Ему всегда лучше всего удавались водные заклинания, и в море он считал себя непобедимым.

– Так и есть, – не захотел молчать пленник.

– Хаттерс, – глянула я на примолкшего учителя, – раз ты знаешь его лучше других, скажи, стоит ли пытаться достучаться до рассудка или он так и будет огрызаться?

– Это очень страшно, – горько вздохнул учитель, – узнать, что тебя нагло обманули и ты служил вовсе не добру. И, разумеется, никому не хочется поверить, что это произошло именно с ним. Он будет спорить и драться до последнего, Гирс всегда, даже пятнадцатилетним мальчишкой, был очень раним и одновременно самоуверен. И очень не любил ошибаться, потому и в учении всегда был впереди товарищей, хотя тогда ему приходилось нелегко. Дар проснулся поздно, и его отец сразу придумал, как извлечь из этого выгоду для семьи. Они тогда зарабатывали продажей зелени, и Гирса заставляли весь день сидеть в огороде и поливать грядки. О том, чтобы отправить мальчишку учиться, и речи не шло. Мне написал о нем один из травников, и когда я приехал посмотреть на Гирса, его отец встал у ворот с вилами. Он был здоровяк каких мало, обладал огромной силой и даже не предполагал, что кто-то может его не испугаться.

– И что потом?

– Я забросил его на крышу, но оказалось, что этот силач боится высоты. Пришлось снимать, и после этого он меня зауважал. Но Гирса отпускать не собирался, кричал, что ему семью кормить будет нечем, если я заберу единственного помощника. Вот тогда я разозлился и ушел, но прежде бросил на огород усиленное заклинание роста. Такое используют в тех местах, где лето короткое и холодное. Он приехал через две декады, привез Гирса и полную телегу снопов петрушки, укропа и лука. В их родном городке никто уже не хотел брать зелень даже даром.

Я представила эту картинку и невольно хихикнула: судя по всему, дед тоже знал похожее заклинание.

– Все равно не верю, – проскрежетал Гирс. – Вы не люди, а шеоссы.

– А с чего ты взял, что шеоссы – это не люди? – так искренне оскорбился Хаттерс, словно это не он еще вчера думал совершенно иначе. – Да будет тебе известно, что это название состоит из начальных частей имен великих магов, сумевших вырастить полумудрые синие дубы и связать их магическое сознание со своим. Шервадс и Оссернс – вот имена талантливых магов, известные всем высшим магистрам. Именно они создали ферму для синих дубов, но потерпели поражение. Как выяснилось, полезный дуб может вырастить только человек с доброй душой и чистыми помыслами. Пришлось эксперимент свернуть и продолжать втайне, а самым спрятаться за образ вымышленного существа и сначала отбирать

учеников, достойных звания шеосса, и только потом доверять им посадку чудесных деревьев. Потому теперь и считается, что шеосс – это высшая ступень магического мастерства и человеческих качеств, и нет ничего странного в том, что не сумевшие пройти испытания им завидуют и беснуются.

– Хаттерс, – тихо сказала я, поглядывая на притихшего пленника, – ты выдал ему сразу все тайны, теперь думай, как с ним поступить. Камера уже готова, там есть и стол, и кровать, но я против того, чтобы оставлять людей связанными или сажать на цепь, как пленников в замке Данерса.

– Я его усыплю, – снова вступил в разговор Бес, – и сам уложу, но на нем куча бижи.

– Она уже нулевая, – сообщила я то, о чем не могли не догадываться дед с учителем, – я выкачала всю магию. Снимать веревку?

– Ну, раз ты все разрядила, то снимай, – безразлично отозвался дед. Посмотрел, как ползут с рук бывшего друга путы, и неожиданно зло скрипнул зубами: – Если бы я мог хоть на миг представить, как вы тут живете...

– Что теперь зря расстраиваться? – отозвался Хаттерс, наблюдая за тем, как освободившийся ученик разминает запястья, незаметно проверяя кольца и браслеты, как ощупывает словно невзначай пояс и боковые карманы на штанах, в каких тут принято носить короткие дротики и ножи.

– Не верит, – вздохнул дед. – Сейчас попытается создать водное копье или петлю, энергия у него еще осталась.

– Только этого нам тут не хватало, – мигом представив, во что сейчас превратится уютная комната, возмутилась я. – Предупреждаю, если у вашего старого друга хватит ума швыряться водой, я посажу его в аквариум, и пусть плавает.

– Не нужно, – заступился Хаттерс. – Он не подлый и не злой, а как проспится – и сам начнет думать обо всем сказанном нами и искать ответы на свои вопросы.

Гирс еще успел гордо задрать голову и смерить учителя недоверчивым взглядом, а потом его плечи как-то сразу поникли, руки обвисли, и голова тихо откинулась на спинку.

– Пойду отнесу в камеру, – поднялся дед, но мне надоело притворяться непонятливой блондинкой.

– Сначала скажи, что там такое с Данерсом. Уже больше получаса с ним возятся самые сильные целители, и до сих пор не слышно радостных поздравлений с успехом.

– Варя... – Дед приостановился, сумрачно глянул на меня, и с

сожалением сказал: – Я не совсем понял, в чем там дело, но его здоровью ничего не угрожает. По крайней мере, пока. А точнее скажут шеоссы, когда закончат.

Легко, явно с помощью магии, подхватил на руки бывшего однокашника и направился к камерам.

Глава двадцать вторая

– Судя по тому, – мрачно пробормотала я, когда стих звук его шагов, – как тщательно Бес подбирал слова, дела у инквизитора вовсе не айс.

– Они могут даже невозможное, – убежденно ответил Хаттерс. – Ты же сама знаешь.

– Вот потому и тревожусь, что и сама могу почти невозможное, а они сильнее меня. И не столько за Данерса, его можно оставить тут и лечить сколько понадобится. Меня беспокоит могущество мистера Икса... или лучше сразу называть его доктор Зло? Как он умудряется везде успевать? Почему ему подчиняются самые сильные маги? Чего он вообще добивается? Скажи, ты веришь, что кто-то сможет долго управлять советом магов и островом Тегуэнь? Ведь маги – сами по себе независимые и свободолюбивые люди. А всего двадцать лет назад в вашем ковене было совсем другое положение, дед ничего не знал про инквизиторов, иначе обязательно предупредил бы меня.

– Ты права, гнить тут начало в последние десять-пятнадцать лет, – расстроенно кивнул учитель. – Но, возможно, это только видимая часть порчи, а остальную пока не видно. Хотя я и сам теперь не могу понять, как мы все это пропустили.

– Мы заметили, – не согласилась незаметно подошедшая Шейна и села к столу. Создала несколько изящных графинов с напитками, блюдо с различными булочками и покосилась на арку: – Сейчас они придут, будем решать, кого берем на остров, а кто будет следить за пленниками. Оставлять тут доппеля неразумно, там может потребоваться все внимание.

Я молча смотрела на наставницу и понимала все отчетливее, что хороших новостей у нее нет. И ни у кого из них... Значит, я права и доктор Зло все же окопался среди магов совета или где-то очень близко к ним. А если судить по его возможностям, то становится ясно, насколько он сильнее или талантливее остальных. Хорошо еще, что всех шеоссов можно уверенно вычеркнуть из списка подозреваемых, синие дубы – лучший лакмус на свете. А вот остальные...

– Сколько всего на Тегуэне магов?

Услыхав мой вопрос, Шейна даже поперхнулась напитком и целую секунду смотрела потрясенно, как на призрака.

– Точно никто не знает, – ответил за нее Хаттерс. – Маги ведь не сидят на месте, приезжают и уезжают. Но в совете двенадцать человек,

и большинство постоянно живут там с семьями, учениками и помощниками, многие из которых имеют сильные способности. Еще целители, их почти сотня, различных степеней. И у многих тоже там дома и ученики. Кроме них, там около трех десятков занятых различными исследованиями магистров, артефакторы, погодники – в общем, все, кто обычно бывает в маленьких городках. Ведь, помимо лечебниц, там есть магазины, гостиницы, всевозможные развлечения, маги же – люди и не могут все время только работать. Тем более их домочадцы должны где-то учиться, развлекаться... А торговцы или повара без дара рядом с магами обычно не селятся.

– Ты меня обрадовал, – съехидничала я и резко обернулась, ощутив уже знакомый укол пристального взгляда.

Данерс стоял в проеме арки и смотрел прямо на меня, и была в этом какая-то неправильность... неучтивость, что ли. Но и я сама не удержалась, внимательно оглядела бывшего инквизитора и осторожно перевела дух. На вид он был здоров, и хотя еще очень худ, но крайнее истощение больше не бросалось в глаза. Да и синих кругов под глазами и вокруг губ тоже больше не видно.

Но где-то в подсознании уже родилось и стремительно росло подозрение, что все травмы и болезни, какие я знаю, – просто пустяк по сравнению с пакостью, какой наделили его бывшие собратья.

– Проходи, садись, – прервала молчание Шейна. – Вот соки, настои, пирожки... если хочешь, будет другая еда.

– Спасибо, я не голоден, – ровно произнес Данерс, направляясь к дальнему креслу. Сел, по-прежнему не сводя с меня взгляда, едва заметно повел головой в сторону княгини и коротко добавил: – Меня хорошо кормили.

– А можно узнать... – Я заметила, как болезненно дернулось его лицо, и перевела взгляд на Винка.

– Можно, – мрачно процедил он и сел рядом. – Но слушай молча. Сейчас поймешь почему.

– Я сам могу сказать, – так же размеренно произнес Данерс и спокойно, словно пожелал доброго дня, заявил: – Они сделали из меня твоего личного палача.

На секунду я зависла, не зная, как понимать это заявление: по моему мнению, палачи должны вести себя вовсе не так. Или... я должна что-то сделать, чтобы он поступил как палач?

– Данерс слегка преувеличивает, – мягко произнес Винк. – Сделать его твоим врагом им не удалось. Да и причинить тебе вред он может только по

распоряжению хозяина.

– Гирса?

– Тсс... говори шепотом. Он видит и слышит тебя в сотню раз отчетливее, чем всех остальных людей. Но его хозяин – не Гирс, а нынешний владелец амулета. А Данерс сейчас и есть этот амулет.

Я вопросительно взглянула на магистра, требуя пояснений, но вмешалась Шейна:

– Теперь они одно целое, неизвестные нам целители умудрились рассоединить амулет на части и внедрить в тело Данерса таким образом, что изъять их невозможно. Каждый камень и руна привязаны к какому-то органу, и едва мы начинаем освобождать какую-то связь, перестает работать то сердце, то зрение... Но хуже другое: главная спираль привязана к мозговым центрам, и едва коснешься ведущих туда энергетических нитей, Данерс морально превращается в неистового зверя, при этом на вид оставаясь человеком.

Яростное шипение нечаянно сорвалось с моих губ, и хотя я тут же прикрыла рот рукой, Данерс болезненно поморщился.

– Поэтому его нужно оставить здесь, – твердо сказал Бес. – Мало ли какой приказ отдаст неизвестный нам хозяин в самый неподходящий момент.

– Я никогда не причиню Варье вреда, – произнес Данерс, – и уже научился справляться с его приказами, только не показывал.

Пару секунд я молча смотрела на инквизитора, обдумывая тревожащие меня вопросы, потом создала лист бумаги и карандаш и принялась писать. Разумеется, на русском, на местном языке я и читаю-то медленно, а пишу намного хуже. Дописав, протянула лист деду.

– «Как Дан попал к хозяину? Может ли пользоваться магией? Помнит, кто делал операцию? Видел хозяина?» – начал читать он вслух, потом кивнул Винку: – Это тебе.

– Попал просто – они натравили на него отца. Тот приехал как будто мириться, а потом впустил в замок инквизиторов.

Я создала новый лист и написала еще вопрос, пока не забыла.

– «Значит, они следили и знали, что мы ушли?»

– Наверное, – вздохнул тот угрюмо, когда дед перевел мой вопрос. – Сейчас я сам жалею, что мы не забрали его оттуда. Ну, отвечаю на остальное...

– Сам скажу, – заявил вдруг Данерс. – Я сопротивлялся, пока не усыпили... отныне у меня нет отца. Больше ничего не видел и не помню, очнулся в каком-то доме. И еще издали чувствовал, в какой стороне Варья,

и не мог смолчать, когда меня заставляли ответить. Но все время старался взять свою магию под контроль и постепенно научился притуплять удары.

«Они его били?» – черкнула я на листе так резко, что грифель сломался.

– Ментально, – ответил Винк, мрачней все сильнее. – Но не нужно обольщаться, ощущения очень мерзкие.

«Сволочи!!! – написала я и добавила: – А он только меня ощущает издали или хозяина тоже?»

– Это хозяин его чувствует, – вздохнула Шейна, – через следящий амулет.

– То есть сейчас он знает, где находится Дан? – наконец сообразила я, какая мысль так беспокоила меня все время.

– Мы закрыли островок самыми сильными щитами, но долго оставаться тут не стоит, – согласно кивнула Шейна. – Только решим, кто куда летит, и уходим.

«Я на остров!» – мгновенно настрочила моя рука.

– А может... – заикнулся дед и хмуро смолк, рассмотрев мое лицо.

– Я тоже с ней, – категорично заявил Данерс и буднично добавил: – Все равно вам теперь не удастся нас разлучить, пока не убьете. Меня, разумеется.

– Всю жизнь мечтал, – фыркнул Бес, но продолжать не стал.

– Тогда Линс уносит отсюда стражей, Гирса и Ульниса. Нечего ему там делать, плюнет в Берга позднее, – твердо постановил Винк и поднялся с кресла.

Мы вышли первыми, и хотя я была занята своими мыслями, но успела заметить, что рядом с прежним замер второй аржабль. Повинуясь знаку Винка, мы с Данерсом, дед и Хаттерс поднялись в него и сели в общей капсуле, ожидая остальных.

– Спрятали от чужих твое убежище, – сказала появившаяся первой Шейна. – Никогда не знаешь, что может пригодиться в жизни.

Я молча кивнула, соглашаясь с этим заявлением, и покосилась на инквизитора, пытаясь представить, как он чувствует себя, оказавшись в положении шахидки. Очень страшно, по-моему, ощущать себя вещью, причем принадлежащей чужому и безжалостному существу. Назвать человеком уроду, которому могут прийти в голову идеи так издеваться над людьми, я не могу, да и не хочу. И никогда не захочу, уверена на сто процентов.

Последними в капсулу вошли Винк с Сансом, и тотчас появилось ощущение полета.

– До острова доберемся за два часа, – просветил нас Винк, – поэтому личные капсулы не создаю. Давайте пока обсудим хотя бы примерный план действий...

На самом деле мы выработали не один, а по меньшей мере десяток различных планов и особенно остановились на условных словах и сигналах. И хотя все старались придумать и предусмотреть самые невероятные повороты и сюрпризы судьбы, меня не отпускало ощущение, что мы что-то пропустили. Или недопоняли. А скорее просто встретились с чем-то невероятным, чего никто и представить не может и потому даже не вспоминает.

– Варья, – не выдержала наконец моя наставница, – у тебя лицо все мрачнее, ты что-то чувствуешь?

«Да, – написала я. – Ящик Пандоры».

– Она хочет сказать, – задумчиво перевел мои слова дед, – что ее гнетет необъяснимая тревога и предчувствие чего-то необычного.

Я даже глаза на миг вытаращила, услышав такую интерпретацию своего ответа, а он продолжил, открыто глядя на собратьев:

– Поэтому я тоже хочу предпринять меры безопасности. Кроме Вари, у меня нет никакой родни, и если... мой замок и все, что в нем, достанется только ей. Никому иному – ни ее матери, ни отцу, ни бабушкам или братьям. А еще вот... я зарядил его на полную мощность. – Дед снял с себя висящий на цепочке амулет и надел мне на шею. – Это артефакт переноса через грани, и унести он может от силы троих, если они маги.

– Дед! – не выдержав, возмутилась я и виновато оглянулась на Данерса.

– Я дед уже двадцать три года... по подсчету того мира, – невозмутимо отозвался он. – И ты обещала меня слушаться. Если я скажу «уйди», ты уйдешь. Потому что у меня есть еще бижа и кое-какие замыслы...

«Знаю я твои замыслы! – хотелось крикнуть мне. – Видела, как умеешь рисковать, глотая в ожидании крита последние хилки! А меня, значит, можно отправить домой?!»

И тут я вдруг очень ясно поняла, на какой случай Бес дает мне артефакт, и опустила взгляд, старательно пряча резанувшую сердце боль.

Как он всегда говорит, первыми с тонущего корабля снимают в шлюпки детей и женщин. А я на их фоне и есть ребенок, и потому спорить сейчас не буду, только зря нервы тратить. А вот потом посмотрю по обстоятельствам.

Глава двадцать третья

В первый раз Тегуэнь мы рассматривали с башни аржаблей. Здесь она представляла собой внушительное строение с несколькими причальными балконами, и на одном из них, выйдя из распахнувшего нутро летуна, я и застыла, очарованная увиденным.

Поднимавшийся перед нами на фоне темнеющего неба остров казался ажурным свадебным тортом. Высокие строения, окруженные стройными башенками и оплетенные галереями, лестницами и воздушными переходами, были белоснежными от фундамента до флюгера. И все остальное было белым: песок ближнего пляжа, выложенные плитами дороги и тропки, мосты и беседки. Только зелень, скромно обрамлявшая это царство белизны, была различных оттенков, от салатного до темно-изумрудного.

– Круть, – сказала я застывшему рядом деду и, покосившись, рассмотрела в его сузившихся глазах и стиснутых губах знакомое мне выражение.

Так Бес смотрел только на мошенников, пытавшихся за бешеную цену всучить ему средство от всех болезней, да еще наглых родственников Клавдии Степановны, вдруг объявившихся после ее кончины. Они никак не хотели верить, что троюродная тетушка, которая при жизни не получала от них даже открыток ко дню рождения, еще несколько лет назад продала квартиру деду.

– Рай для избранных, – процедил он. – Ненавижу.

– Идем вниз, нас ждет коляска, – тихо выдохнула замершая рядом на мгновение Шейна, и я расслышала в ее голосе виноватые нотки.

Данерс упорно держался от меня на расстоянии, но оно было постоянным, как невидимый поводок. Шеоссы плотно закрыли инквизитора щитами и набросили чью-то личину, но, как сказал Винк, это лишь временная мера. Артефакт такой силы невозможно скрыть надолго: едва он поймает приказ связанного с ним амулета или чего-то подобного, как немедленно отправит хозяину сигнал. И что хуже всего, даже с нашими способностями очень трудно засечь этот обмен информацией, настолько быстрым и слабым может быть магический импульс.

В коляску Данерсу пришлось сесть с нами, но он и тут нашел выход – сел наискосок от меня, загородившись Хаттерсом и дедом.

«Интересно, – написала я Бесу, покорно принимая игру в немых, – что

будет, если я его коснусь?»

– Никто не знает, – мрачно засопел дед, – но лучше не рисковать. И не смотри на меня так подозрительно, это и в самом деле мы велели ему к тебе не приближаться.

«Параноики», – написала я и отвернулась к окну, за которым мелькало сахарное кружево домов и оград.

– Может быть, – укоризненно ответил он. – Но в таком деле не стоит провоцировать судьбу.

Дом Винка ничуть не отличался от соседних, разве был поменьше. Семья шеосса жила в другом месте и, как я поняла, была хорошо защищена и законспирирована. И учеников у него тут не было, только помощник, следивший в отсутствие магистра за садиком и клумбами.

Нам пришлось сюда приехать, так как первоначальный план – побеседовать с вечера с наиболее благоразумными и совестливыми магистрами – из-за Дана пришлось вычеркнуть. За ночь доктор Зло, как теперь все с моей подачи звали неизвестного «хозяина» Данерса, вполне мог поднять против нас весь остров.

Пока Винк посылал собратям по совету приглашения, а Шейна с Сансом усиливали защиту, я в гостиной третьего этажа накрывала стол для вечернего чая. Традиционное для этого острова время ужина уже прошло, а насторожить приглашенных слишком холодной встречей шеоссы не желали. Ведь со многими они знакомы не один десяток, и даже не одну сотню лет, и пока им доверяли.

– Поставь вазочки с белыми цветами, – выдал совет Хаттерс, задумчиво изучавший раскинувшийся перед ним город.

Сейчас, в сиянии фонарей и нарядных вывесок, он стал вдруг похож на один из приморских курортов, и временами мне казалось, что ветерок доносит в открытые окна музыку с дискотек или танцевальных площадок.

– Все готово? – Винк, переодевшийся в белый костюм, походил на богатого туриста с усыпанными перстнями пальцами, хотя я точно знала, насколько они слабее его собственных возможностей.

– Там уже прибыл первый гость, – сообщил хозяину появившийся в точно такой же одежде Санс. – Иди встречать.

Шейна подхватила меня под руку и повела нас с дедом прочь. С этого момента мы Винку не друзья и не родня по шкуре, а свидетели, и должны сидеть в соседней комнате, вернее в кабинете хозяина. Оттуда мы будем слышать все до последнего слова, как и допели, расположившиеся во всех смежных помещениях. У них внешность помощника Винка и учеников Санса, но на самом деле их по четверо у каждого старшего шеосса. Только

нам как новичкам не позволили рисковать, наша главная задача – уцелеть, если события пойдут по самому нежелательному сценарию.

Войдя в кабинет, дед отвел меня в сторонку и тихо, на английском, который учил вместе со мной, повторил все инструкции, добавив, как истинный резидент, пароли и шифры.

А я в ответ подшучивала над ним и легкомысленно хихикала, хотя больше всего хотелось плакать и бежать отсюда куда подальше. Потому что за всю свою жизнь я ни разу не видела деда таким настороженным и напряженным.

– Проходи, садись и объясни все подробно, я ничего не понял. – В голосе Винка сквозь безупречную вежливость и доброжелательность слышалось огорчение.

Мы молча переглянулись, сообразив и без слов, что и этот план готов рухнуть. Обычно гости с порога не предъявляют хозяевам никаких требований.

– Авинкес, – суховато процедил пришедший магистр, – мы знакомы почти двести лет, и только ради всего, что пройдено вместе, я поясню тебе и без того ясное предложение. Ты с какой-то целью без ведома братьев по совету тайно привез на Тегуэнь несколько преступников, скрывающихся от правосудия, и пытаешься втянуть нас в свою интригу, вместо того чтобы сдать их магам, следящим за порядком на всех доступных нам материках и островах.

– Миркес, – с горечью произнес Винк, – ты прав, мы знакомы более двухсот лет. И мне жаль, что за эти годы ты так и не заметил, что я никогда, – заметь, ни разу! – не отдал свой голос за несправедливый приговор! Только мне, Синкайсу и Торвалсу не пришлось извиняться перед обвиненными, после того как им удалось доказать свою невиновность! И даже сейчас ты искажил правду, глядя мне в глаза! С каких пор открытый прилет на центральную башню и поездка через весь город называется тайным провозом преступников? И кого ты называешь преступниками? наших братьев по дару, обратившихся ко мне с просьбой собрать совет, которому они готовы открыто поведать обо всех своих поступках? Людей, не понимающих, за что их травят, как бешеных зверей, и ищущих нашей справедливости и помощи? Так знай, никого я не буду сдавать палачам, потому что не вижу среди прибывших со мной ни одного злоумышленника. А ты можешь уйти, но попомни – тогда тебе снова придется краснеть и просить прощения. А можешь остаться и убедиться во всем своими глазами. И не смотри так скептически, я не собираюсь ничего тебе навязывать насильно.

– Вдвоем мы ничего не сделаем, – хмуро вздохнул Миркес, потоптался и нехотя двинулся к лестнице.

– Не вдвоем. Синкайс прилетел со мной, странно, что тебе не сообщили. А еще княгиня Шейнассия Солмерс и Теонс Саглерс Хаттерс.

– А он-то с какой стати? – буркнул мрачный гость, явно ругавший себя за слабохарактерность.

– Задета его честь как учителя, – спокойно пояснил Винк. – Его ученики обвинены в несуществующих проступках, и он готов их защищать.

– Мирного вечера тебе, Миркес, – учтиво приветствовал гостя Хаттерс, выходя на лестничную площадку. – Давно не виделись. Как твой племянник?

– Хорошо. И пусть сбудутся твои пожелания. – Судя по кислому тону, магистр вряд ли верил в возможность исполнения своих слов.

– Прибыл еще гость, – доложил доппель Винка, имевший внешность его помощника.

– Пригласи пройти наверх, тут вид лучше, – велел ему Винк, видевший гостя глазами доппеля, и, подождав, известил: – Это Торвалс.

«Дед, – написала я мелком на дощечке, найденной на одном из столов, – тут модно, чтобы имя кончалось на «эс»?

– Это знак мага, – шепнул он, прикрыв нас щитом. – Мальчикам добавляют букву «эс» к имени, как только пробудится дар.

«А девочки не заслужили?» – обиженно поджав губы, черкнула я, вполуха прислушиваясь к приветствиям.

Похоже, явился еще кто-то.

– Им добавляют имя учителя, и всем ясно, что это магиня.

«А если девушка без дара выйдет замуж за мага?»

– Добавят его имя, но без буквы «эс», – торопливо шепнул Бес и, сдвинув брови, приложил палец к губам, призывая молчать.

– Где?!! – пронзительно, до звона в ушах, кричала на весь дом женщина, явно еще не успевшая добраться до лестницы. – Где она, моя кровиночка?!! Покажите же мне ее, истуканы бесчувственные!!!

– Это Дуся, – прошипел Бес, нарушая собственный запрет. – Сейчас будет театр одного актера.

– Санкционируй на любые действия, – с надеждой предложила я.

– И сам бы с удовольствием, – кровожадно оскалился он и через секунду с сожалением выдохнул: – Жаль, нельзя.

– Девочка моя-а-а!!! – Рыдания приближались, как самум, и я поспешила встать и подойти к двери в гостиную.

Взгляды незнакомых мужчин впились в меня клещами, будя почти

твердые подозрения в моей особой популярности. Я одарила магистров самой роскошной и приветливой улыбкой из арсенала продавцов, имеющих процент от выручки. Больше ни один работник прилавка не улыбается покупателям так счастливо и лучезарно, словно увидел любимую тетю-миллиардершу.

Потом застенчиво оправила подол скромного синего платья с длинной юбкой, рукавчиками по локоток и воротничком как у школьниц и обернулась к распахнутым дверям на лестничную площадку.

– Хочешь, я ее остановлю? – деловито поинтересовался следовавший за мной инквизитор.

Я благодарно глянула на Данерса и медленно качнула головой – ему и своих бед хватает. А затем снова уставилась туда, откуда, судя по завываниям, должна была вот-вот появиться талантливая, но беспринципная актриса.

И мы дождались. Она возникла именно так, словно репетировала эту сцену не один раз. С устремленным на меня трагичным взглядом полных слез голубых глаз, со слегка растрепанными, якобы в спешке, золотистыми локонами и сжатым в руках кружевным платочком.

Ох как мне хотелось ей похлопать и крикнуть «браво»! Но где-то за спиной угрожающе застыли Данерс с дедом, и я опасалось, что ни один из них не одобрит такой шутки. Выставить ее посмешищем все равно не получится, симпатии зрителей, не посвященных в суть дела, явно на стороне несчастной бабуся, выглядящей, между прочим, всего лет на пятнадцать меня старше.

Поэтому пришлось молча достать дощечку и написать: «Кто это?»

– Она немая? – взвыла Дуся, и я мысленно ей все же ехидно поаплодировала: ориентировалась бабка мгновенно, как пиранья.

– Временно, – процедил дед. – Она спрашивает, кто ты такая?

– Неужели ты никогда не рассказывал внучке обо мне? – почти с подлинным горем заломила руки Дуся.

– Почему я должен был рассказывать ей про тебя? – так же искренне изумился дед и достал из кармана коробочку. – Вот кристалл, все желающие могут посмотреть своими глазами, как ты клянешься, что я не имею к твоему сыну никакого отношения.

– Ты вынудил меня так поступить! – мгновенно ошетинилась Дуся. – Так запугал, что я была готова поклясться в чем угодно.

– У тебя никогда не было честного слова, Дусена, – подросла на помощь деду Шейна. – Ты обманула меня и подтолкнула к неверному решению, оклеветав Рэйльдса.

– А ты всегда слишком верила всем мужчинам, тетушка! – бросила в княгиню комок грязи Дуся, еще не сообразив, что та больше ничего ей не спустит и не простит.

– Эти слова тебе придется подтвердить фактами и свидетелями, – вмиг оледенел голос Шейны. – А сейчас, если ты закончила с оскорблениями, покинь этот дом.

– Только вместе с Инлочкой! – снова ринулась ко мне Дуся, но я была начеку и моментально поставила перед собой стеклянную стену.

Хотя сначала хотела каменную... но вовремя сообразила, что тогда не увижу ее гримас.

– Рэйльдс! Негодяй!!! – зарыдала она во весь голос, и слезы ручьем покатались по щекам. – Как ты можешь так поступать с женщиной, которая отдала тебе первую любовь?!!

«Кто такая Инлочка?» – тем временем писала я, найдя слабое место в атаке наглой интриганки.

– Мы не знаем никакой Инлочки, – невозмутимо перевел мои слова дед и оглянулся на магистров, которые постепенно прибывали. – Мою приемную дочь зовут Варвара. Или, по-нашему, Варьяна.

Его неожиданное заявление ошарашило меня, но только на миг, потом я подняла доску и поспешно написала: «Согласна. И давно ты это решил?»

– Да, – по-русски буркнул он. – Но не выбрал момента объяснить.

– Ты не имеешь права! – возмущенно завопила Дуся. – У нее есть отец!

– Какой из двух? – снова холодно вмешалась в нашу перепалку княгиня. – Тот, который не моргнув глазом бросил годовалого ребенка с моста в пропасть, или второй, смотревший на это с балкона и даже пальцем не пошевеливший, чтобы ее спасти? Уважаемые братья, как вам всем прекрасно известно, в первые дни после межмирового перехода любое событие из памяти человека становится доступно для записи. Рэйльдс обратился ко мне и Авинкесу с просьбой записать момент, когда он, создав в качестве подушки лавину, прыгнул порталом под мост, чтобы спасти ребенка. Мы можем показать этот кристалл любому, кто желает убедиться в благородстве и самопожертвовании Рэйльдса. Обнаружив, что оказался в ловушке и у него хватит энергии только на спасение кого-то одного, он решил уйти вместе с девочкой в другой мир. Хотя отчетливо понимал, какой болью за это заплатит и с какими трудностями столкнется в чужой и чуждой реальности. Извини, Рэйльдс, все это мы тоже увидели, когда записывали твои воспоминания.

– Все эти ваши кристаллы можно подделать! – разъяренно уставилась

на бывшую благотельницу бабуся. – А Бергердс просто не поверил наглой селянке! Все они врут, им лишь бы денег урвать!

– Раз не поверил, значит, отказался от ребенка, – строго оборвал ее Винк, – и с того момента никакого права на него не имеет. И ты, как следствие, тоже. А теперь мирно уйди из моего дома, я приглашал только магистров верховного совета.

Вот в этот момент до меня наконец дошло, что Дуся никогда бы не вошла в этот дом, если бы ее не захотели пустить. Значит, Шейна и Винк желали всем показать истинное лицо этой пройдохи, а заодно и наглядно представить с новой стороны Беса, и это им отлично удалось.

Мой гнев начал таять, и я уже спокойно убрала стеклянную стену, не забыв впитать энергию. Судя по всему, она мне еще понадобится.

– Каждый человек может ошибиться! – снова зарыдала в три ручья Дусена. – А как мне теперь жи-ить?!

– Как жила раньше? – с почти откровенным презрением осведомилась Шейна.

– Зна-ая, что девочка в чужих рука-а-ах!!! – не слушала ее комедиантка.

– С какой это стати мои руки ей чужие? – язвительно поднял бровь Бес. – Я принял ее как свое дитя двадцать три года назад, по исчислению того мира, и с тех пор кормил, одевал, заботился, учил и воспитывал.

– И воспитал бесчувственную чурку! – в запале огрызнулась Дуся, а мне стало вдруг одновременно легко и противно.

Дуся оказалась самой наглой и тупой из всех блондинок, каких я видела, и последним словом напоевал, как снайперским выстрелом, убила во мне все последние сомнения. А заодно и робкие попытки моему врожденному, как я до этого считала, чувству справедливости найти в душе хоть каплю сочувствия к этой женщине.

– Все, мое терпение не бесконечно! – рыкнул Винк, и его «помощник», ловко подхватив интриганку на руки, легко понес по лестнице вниз.

– Что тут происходит? – так властно возмутился кто-то с площадки второго этажа, что у меня на миг возникло желание вытянуться в струнку, как новобранец перед генералом.

– Меня отсюда выбрасываю-ут!!! – с утроенной силой завопила Дуся. – Как последню-ую селянку-у!!!

– Не нужно оскорблять селян сравнением, – процедила побледневшая от ярости Шейна и добавила условное слово, означавшее, что наш план снова терпит крах и нужно быть настороже: – Они так не ведут себя даже с врагами.

– А вы мне теперь кто? – явно переигрывала бабуся, и властный незнакомец мгновенно это просек.

– Отправляйся домой, дорогая, и выпей успокаивающего чаю, я сам во всем разберусь.

– Но... – попыталась отвоевать право на собственные действия Дуся, однако это ей не удалось.

– Домой! – безапелляционно вынес вердикт Клаурт, больше я в этом не сомневалась. – Так что тут происходит? – Мужчина, одетый довольно легкомысленно, даже по местным, довольно терпимым к многообразию фасонов и расцветок, правилам, как ни странно, ни смешным, ни несерьезным не казался.

Хотя и был довольно худощав и неказист. Но жгуче-черные глаза, смотревшие из-под насупленных бровей, не оставляли никаких сомнений в его жесткости и неуступчивости.

– Тут внеочередное собрание совета верховных магистров, – ничуть не уступая ему во властности, сухо информировал Винк. – А Дусена Лайзен ворвалась без приглашения и принялась оскорблять моих гостей. Впрочем, она всегда так себя ведет, но я терпеть такие выходки не собираюсь.

– А почему я ничего не знаю про совет?

В правдивость этого утверждения, судя по мелькнувшим на губах собравшихся ухмылкам, не поверила не только я.

– Потому что ты в совет неходишь. – Винк всеми силами вызывал огонь на себя.

– Так в чем дело? – ядовито смотрел на него Клаурт. – Прямо сейчас и изберите. Все равно потом именно мне придется исполнять все решения, какие вы сейчас примете.

И это был такой же откровенный шантаж, как и ложь, но сидевшие за столом магистры почему-то молчали.

– Не имеем права, – заявил Синкайс в поддержку собрата. – Это совет верховных магистров, а у тебя дар весьма слаб. Даже на звание ученика не хватает. Как и на право командовать магами.

– А решать все ваши проблемы, добывать деньги, продукты и все прочее я, значит, годен?

– У всех свои таланты, – вступила в бой Шейна.

– А ты тоже не в совете, тогда почему тут сидишь? – съязвил Клаурт, постепенно теряя хладнокровие и все очевиднее приходя в ярость.

– Я здесь как свидетель, – спокойно ответила княгиня, – и как кандидат в представители совета.

– Ты же правишь своим княжеством, – едко прищурился Клаурт, –

и постоянно жить на острове не сможешь.

– А с каких пор все верховные магистры обязаны жить здесь? – не менее ехидно усмехнулась Шейна.

– Они сами так решили, – невозмутимо заявил скромно стоящий позади Клаурта мужчина, которого я поначалу приняла за его помощника или охранника. – И даже выбрали особую связь, чтобы иметь возможность в любой момент объединить силы против предателя.

Что-то в его словах мгновенно насторожило меня, уколов предчувствием близкой беды. Пока неизвестной и неосознанной, но от этого не менее реальной и неотвратимой.

– И что же это за связь? – Судя по настороженному взгляду, Винк тоже ощутил тревогу, да и Шейна с дедом вмиг подобрались, словно гончие, почуявшие дичь.

Магистры безмолвствовали, и это хмурое молчание било по нервам острее, чем пожарная сирена, и большее полной безнадежности. Но еще сильнее, чем их мрачные взоры, потрясло меня лицо Клаурта, ставшее вдруг таким несчастным и по-детски обиженным, словно у него под носом провернули крупную аферу с подложными документами.

– Вы и правда хотите знать? – Довольно молодой мужчина с резкими складками возле рта с показным дружелюбием смотрел на шеосса. – Могу показать. Сейчас уважаемые магистры, используя объединенную силу, возьмут в подчинение всех гостей и собратьев, прибывших сегодня на голубом аржабле, и отведут в главную лабораторию мастерской артефактов. Там мы выслушаем правду... понимаете? Чистую правду о том, ради чего вы сюда явились. Ну а после они примут вас в свой круг избранных. Ну?

Он властно глянул на сидевших за столом магов, и вокруг нас в тот же миг сомкнулся мощный щит вовремя среагировавших шеоссов.

Мне уже довелось испытать в доме Хаттерса нечто подобное, когда маги пытались применить свои успокаивающие заклинания, и хотя в тот раз я сильно растерялась, но испугалась гораздо меньше, чем теперь.

Сейчас вокруг кипел настоящий бой заклятий, взрывались и текли лавой на белоснежный пол мощные фаерболы, звенели разлетающиеся со стола приборы и тлела мебель. А семь магистров сидели за столом покорно, как зомби и направляли на нас все новые залпы мощных заклинаний.

– Данерс, друг мой! – Громкий и язвительный голос незнакомца почему-то очень отчетливо доносился сквозь грохот, треск и шипение. – А ты отчего бездельничаешь? Раз тебя оставили внутри круга, значит, считают хорошим мальчиком? А ну-ка, покажи им, на что способен. Скрути для начала княгиню, жаль, по доброте душевной я не добрался до нее чуть

раньше!

– Вот же гаденыш, – прошипела Шейна, ставя новый щит взамен сгоревшего. – Все его узнали? Чезен, старший артефактор.

– Он самый, – зло фыркнул Винк. – Как курица с яйцом, возились с этим талантом.

– А имя у него не мага, – пробурчал дед, при первых же словах незнакомца оказавшийся между мной и Данерсом.

Мне вдруг стали понятнее намеки артефактора, и в уме начала складываться логичная картина происходящего, но неожиданно громко, с отчаянным стоном, скрипнул зубами Дан.

– Шейна... – натужно прохрипел он, – отойди... молю...

Я в тревоге глянула на инквизитора и только теперь поняла, какой ценой ему удавалось не выполнять приказы Чезена, судя по всему, и являвшегося его тайным хозяином.

У Данерса из ушей, носа и уголков рта текли струйки крови, на лбу вспухли вены, в глазах полопались сосуды.

– Варя, – скомандовал вдруг дед и сам подтолкнул меня к инквизитору, – бери его и уходи. Запомни – грибное место за березняком. Да поспеши, иначе...

Я и сама отчетливо понимала, что может случиться, и даже не думала спорить. Прильнув к Дану, шепнула:

– Держись! – И он вцепился в меня крепко, до боли в ребрах.

А я, стараясь не думать больше ни о чем, силилась под безнадежный вой обожженных верховных магистров и грохот взрывов представить светлую березовую рощицу километрах в двух от деревушки и наше заповедное грибное местечко.

– Варья... – внезапно попытался отодвинуться Дан, но было уже поздно.

Мир вокруг нас резко потемнел и исчез, а через миг пропало и все остальное, вместе с моей последней, истовой мольбой:

– Только бы они уцелели!

Краткий словарь используемых в книге слов из сленга геймеров

Агрить – злить моба, заставить нападать.

Биж – любые украшения персонажа, имеющие магические бонусы (защита, урон и др.).

Босс – самый сильный, особенный моб в данже.

Данж – место, где обитают самые свирепые монстры и боссы, за уничтожение которых выпадают ценные бонусы.

Дроп – игровые предметы, выпадающие из уничтоженных мобов.

Качать – выращивать игровой персонаж до высокого уровня (левла).

Крит – критический удар персонажа или моба, намного сильнее обычного.

Левел, *левл* – уровень развития игрового персонажа; прокачивать левлы – целенаправленно тренировать игрового персонажа с целью быстро поднять его уровень.

Лока – ограниченная игровая локация.

Моб – любой игровой монстр, которого можно уничтожить.

Пати – временный отряд игроков, созданный для прохождения данжа.

Пет – призванный питомец игрового персонажа, умеющий выполнять мелкие поручения, воевать и даже кастовать простые заклинания.

Стан – парализующее противника заклинание, которым владеют как персонажи, так и монстры; *станить*, *застанить* – бросить во врага парализующее (станящее) заклинание.

Танк – игровой персонаж, имеющий большое количество жизней, высокую защиту и умение агрить мобов.

Хил – целитель, игровой персонаж с умением лечить одновременно с собой весь отряд спутников.

Хилка – флакон с зельем, восстанавливающим жизнь.